

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская бречь

1987 НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

В НОМЕРЕ:

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!

- 3 В. Г. Костомаров. Перестройка и русский язык

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 12 В. И. Порудоминский. Даль и Пушкин

- 19 В. Э. Вацуро. Из записок филолога

К уроку литературы

- 26 Б. А. Кичикова. «Хрипун, удушенник, фэгот...»

- 33 В. В. Воробьева. Неистовая раскаленность слова
(Воспоминания о Константине Воробьеве)

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

- 39 К. Воробьев. «...И всему роду твоему» (Отрывок)

ПИСАТЕЛЬ И СЛОВО

- 43 Е. А. Иванчикова. «Тетрадка каторжная» Ф. М. Достоевского

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 50 В. Н. Сергеев. Словари советской эпохи (Окончание)

ЯЗЫК ПРЕССЫ

- 55 В. М. Костюков. Гибридные слова — средство комического

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 58 И. Г. Добродомов. Н. И. Греч — грамматист

- 63 З. С. Паперный. Г. О. Винокур — ученый и человек

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 68 А. П. Майоров. Заговор, взятка, умысел... — «положительные» слова в историческом прошлом

- 75 В. И. Петроченко. Царь-рыба
-

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 80 *Н. М. Маслова.* «Русские пятницы» Карин Давидссон

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 84 *А. Н. Качалкин.* Сокровищница древних актов
 93 *Н. В. Новикова.* Поэтика и риторика Киево-Могилянской академии
 98 *Н. А. Волкова.* Где люди живут, такое «имя» и носят

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

- 103 *Т. Г. Дмитриева.* Словесный костюм сказки «Царевна-лягушка»

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 108 *В. Н. Миротворцев.* В ногах правды нет
 112 *Л. Е. Кругликова.* Белая ворона
За знакомой строкой
 116 *М. В. Горбаневский.* «Мимо острова Буяна...»
 123 Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1987 году

На обложке рисунок Б. Захарова

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

Е. Н. Сапожникова

Корректоры

В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.08.87.

Подписано к печати 29.09.87.

А-11598. Формат бумаги 84×108/32.

Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72.

Усл. кр.-отт. 464,3 тыс. Уч.-изд. л. 8,2.

Бум. л. 2,0. Тираж 67 000.

Заказ 722

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
 2-я типография изд-ва «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Перестройка и русский язык

В. Г. Костомаров,
директор Института русского языка имени А. С. Пушкина,
академик АПН СССР

Наши газеты и журналы, радио- и телепередачи, публичные выступления стали содержательнее, откровеннее, интереснее. Отражая перестройку, новое мышление, гласность, на глазах меняется словоупотребление, выбор и характер применения средств русского языка.

Журналисты как бы возвращаются к тому, чтобы *голубое топливо* вновь величать *газом*, *голубую ниву* и *живое серебро* — *озером* и *рыбой*, *зеленую жатву*, *зеленую страду*, *битву за корма* — *сенокосом*, а *витаминную продукцию* — *сеном*. Они вроде бы поняли вредоносную для истины псевдокрасивость хвастливых вывесок типа «Для вас, книголюбы (женщины, хлеборобы...)», сентиментально-патетических метафор, когда, скажем, вместо однозначной цели достигаются обязательно *уровни*, *рубежи*, *горизонты*, *новые высоты*, высоких, парадных, неопределенных слов. Журнальные редакторы уже смело исправляют «Провели определенную работу по оказанию помощи подшефной школе» на *Шефы помогли школе*. Даже с трибуны многолюдного собрания (подумать было страшно еще недавно!) ораторы смело говорят *Я думаю*, а не *думается*, *представляется целесообразным*.

Следуя логике вещей, жизненным реальностям, журналисты постепенно отходят от замысловатого риторического многословия, в котором новомодное «плетение словес» скрывало недостатки, создавало видимость полного благополучия, смягчало острые углы. Предпочтение все более отдается простым и коротким фразам, которых, как черт лаdana, боятся бюрократы и догматики: они не могут жить друг без друга и без темного языка, замысловатого и трескучего, составленного из клише и слов-паразитов, способного манипулировать мыслями и понятиями. А вообще, конечно, не так легко распрощаться с привычками, вырабатывавшимися годами. Мы все еще во власти и в плену выразительных средств и приемов использования русского языка, которые порождались раздвоенностью сознания, оторванностью слова от дела и жизни, вольно или невольно насаждавшейся стереотинностью мышления и форм выражения.

В лучших и честных образцах художественной литературы (от-

части, впрочем, лежавших на полках запасников), в повседневной производственной, семейной, дружеской индивидуальной речи русский язык, разумеется, всегда подчинялся природным законам здравого смысла, свойственной ему правдивости, отмеченной А. С. Пушкиным «грубости», которая ему пристала, красоте «нагой простоты». Эти сферы чужались витиеватого пустословия, уводящего от правды; в них сохранялось естественное для живого языка тяготение к краткости, «экономии» средств выражения, понятной доступности, житейской откровенности. Но «отрыв слова от земной основы», обозначившийся в общественно-политической и официально-деловой речи, распространялся на все сферы массового и даже личного общения. Становясь привычным и обязательным, он грозил уже самой системе русского языка, его сути, его способности служить могучим орудием организации труда и других форм общественной жизни, действенным инструментом воспитания, формирования сознания, этики, эстетики — всего, что сейчас именуется человеческим фактором.

Эта серьезная опасность теперь честно разоблачена: «...наш язык сам стал посетителем столь распространившихся в последнее время явлений, как приписки, показуха, очковитательство, вал, парадность» (Ельшов Е. «Думается, можно с уверенностью сказать...»; отклики читателей. — Лит. газета, 1986, 16 июля, 25 сент.). Прямому высказыванию истины мешали словесные манипуляции, выдававшие личную безответственность за коллективную ответственность, разные страхующие фразы-оговорки вроде «Чего греха таить...», даже расставлявшиеся к месту и не к месту кавычки, которые стали едко и метко называть «кабычегоневычками». Скучность мысли или лукавая полуправда скрывались убаюкивающими эвфемизмами: *скрытые резервы* вместо *недостатки*, *несун* вместо *вор*. Отсюда, кстати, и пристрастие к малопонятным иностранным словам: *масс-медиа*, *поу-хау*, *мейкап* и т. д. Неясность смысла таких слов часто ведет к безграмотному их употреблению: *информационное сообщение*, *реальная действительность*, *служба сервиса*. Разумеется, среди заимствований немало и пущих, оправданных коммуникативной потребностью слов, которым, веро, суждено стать частью русского словаря (*дизайн*, *видео*, *терминал*, а также *компьютер*, *дисплей*, хотя и есть *ЭВМ*, *экран*), но хороший вкус не должен допускать излишних «иностранцев» в речь, если она претендует на звание культурной.

Перестройка, преодоление застоя, возрождение ленинского духа творческого искания истины возвращают русский язык в лоно пор-

мального использования и развития, естественной диалектики его прогресса. Наша речь становится общепонятной, емкой, красивой, отвечающей лучшим традициям употребления богатств и потенций русского языка, восходящих к В. И. Ленину, а также к Л. Н. Толстому и другим великим мастерам слова. К гениям русской речи мы и должны обратиться, выполняя призыв XXVII съезда КПСС «взять за правило называть вещи своими именами, судить обо всем начистоту».

Устойчивой основой цельного, до болезненности правдивого, сильного в убеждении языка, в котором жил и мыслил, думал и чувствовал Л. Н. Толстой, была русская народная речь. Она служила ему и образцом, и «поэтическим регулятором», который «не позволит сказать лишнее, напыщенное, болезненное». Он учился у нее «стилистическому бесстрашию» — языковому отражению бесстрашия идейного, «единства самобытного нравственного отношения автора к предмету». Отсюда и щепетильное искание единственно верного слова, единственно верного расположения слов: «Л. Толстой упорно создавал свой строй речи, шероховатый, упрямый, дорывающийся до правды» (Чичерин А. Стиль романов Льва Толстого. — Русская литература, 1963, № 1).

К выстраданной народом правде, неразрывно связанной с прямым и понятным языком, стремился величайший гений В. И. Ленина. По словам А. М. Горького, он «не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл... Все есть и ничего лишнего, никаких украшений... Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды». Тема «Язык Ленина и Ленин о языке» сейчас, как никогда, приобретает принципиальную остроту и важность.

Не освоив живого стиля, не научившись говорить по-человечески, мы не сможем по-настоящему четко и трезво оценить опыт и определить перспективы.

Радует, что нормой стали откровенно-конкретные сообщения с подробностями, с четким изложением смыслового хода дискуссии, без сокрытия личностных эмоций. Просто и тепло, задушевно и искренне звучит, например, такой репортаж, не допускающий кривотолков, все расставляющий на свои места и внушающий гордость за нашу страну и ее руководителя: «М. С. Горбачев прямо поставил вопрос: с чем приехал Дж. Шульц?.. выразил готовность записать в соглашение... Мы вам сказали все, подчеркнул М. С. Горбачев, даже больше, чем вы, наверное, ожидали» (Правда, 1987, 15 апр.).

Характер использования языка в речи (а как итог процессов

речи и прогресс самого языка) непосредственно отражает идеалы и настроения эпохи, особенно бурно, заметно, значимо на переломных этапах истории общества. Сейчас русский язык, несомненно, активизирует свои динамические тенденции, вступает в новый период своего исторического развития. Разумеется, сейчас еще слишком рано делать конкретные прогнозы о путях, по которым пойдет русский язык, служа развитию новых форм сознания и жизнедеятельности. Не следует забывать, что при всей неразрывности слова с мыслью и практикой, язык — самостоятельное явление ненадстроечной природы и своих внутренних законов функционирования. «Мой верный друг! мой враг коварный! Мой парь! мой раб! родной язык...» (как поэтически выразился В. Брюсов в стихотворении «Родной язык»), он может быть весьма своевольным и требует пристального внимания, бережной заботы, чтобы быть другом и не оказаться врагом.

Важно привлечь к этим вопросам внимание всего общества, ибо именно оно как целое определяет жизнь и развитие языка при всей важности вклада гениев слова, составляющего вершины, пики неторопливого совершенствования языковой системы и идеалов культуры пользования ею. Мы всем миром должны помочь языку обнажить его первоначальную суть конкретности, определенности формулирования и передачи мысли, концептуальной ясности, методологической четкости сознания (согласно основным марксистским определениям, любой язык — это, прежде всего, «орудие общения и мышления», а также «практическое сознание»).

Предстоят ли русскому языку синтаксические и тем более морфологические сдвиги, сказать трудно, ибо такие изменения требуют очень длительного времени и к тому же прямо не связываются с внешними содержательными воздействиями на внутреннюю языковую или системно-структурную динамику. В то же время явно определилась и крепнет тенденция к сдвигу формальных ограничений в пользу семантических и коммуникативных удобств, может быть, вплоть до активного «выталкивания исключений». Можно ждать значительных стилистических перегруппировок — от переоценки качества членов синонимических, параллельных, соотносительных рядов до изменения и смещения принципов отбора и композиции языковых средств, определяющих функциональные стили (в частности, дробления «языковых» стилей на стили «речевые»). Во всех этих процессах стимулами будут такие явления, как бурный научно-технический прогресс, растущая роль глобальных факторов и среди них для нашего рассуждения наи-

знаменательный — превращение русского языка в мировой язык именно глобального изучения и употребления.

Развертывание этих и других общих тенденций (попытка их очертить предпринята в статье: Костомаров В. Г. Причины и характер прогресса русского языка в наши дни. — Вестник Академии наук СССР, 1978, № 10), определившихся в недалеком прошлом и теперь получающих особо благоприятные условия для развития, увязывается с тем, что русский язык волею счастливой судьбы выступает творцом и выразителем, распространителем идей социализма, мира и прогресса. Забота о культивировании русского языка становится поэтому нашим интернациональным долгом и патриотической ответственностью. Это безразлично и для путей движения русского языка как такового.

На глазах идет творение новой фразеологии, преодолевающей формализм и открывающей возможность прямого, демократического, откровенного обсуждения сложившегося положения, реальных дел и задач: *убрать завалы, искать развязки, прибавить в работе, нужны прорывы, усилить поиск, оздоровить общество, воспитывать словом и делом*. Интересно, что в новой фразеологии значительно больше русских слов — и не потому, что она заданно чуждается заимствований, а просто потому, что она стремится к всепонятности; освоенные иноязычные слова она принимает как свои: *стратегия ускорения, нестандартно мыслить, ускорение социального и экономического развития, нравственная закалка кадров, человеческий фактор*. Все эти простые и честные, прямые выражения пробуждают творческое мышление, превращают самостоятельную индивидуальность в жизненную потребность людей.

Началось новое расщепление и обновление словаря: актуализируется в политической речи полузабытое слово *спор*, хотя оно и не вытесняет *дискуссию, обмен мнениями*; из запасников культурно-языкового фонда в живое употребление пришли слово *партиец*, ставшее добрым синонимом *члену партии, коммунисту*, и многие другие хорошие слова. Даже неказистые сложения, обретшие вдруг удивительную продуктивность (*самоуправление, самофинансирование, самокупаемость, ресурсосберегающий, трудосберегающий, высокотехнологичный, наукоемкий, природоохранный*), несут в себе заряд правды, момент истины, то есть то, что легло в основу понятия перестройки.

На этом-то фоне и обнаруживается, что не нам, если мы встанем на верный, Лениным и партией проложенный социалистический путь, искать *мировые образцы и равняться на них*,

достигать *уровня зарубежных стандартов*. И не великому русскому языку ходить за словами и выражениями, как насмешливо говорили в народе, «за бугор». Ресурсы и силы тут таковы, что другим придется равняться на нас, если только восторжествует наш разум. Вот ведь не успела наша бойкая, необгонимая птица-тройка вернуться на столбовую дорогу, с которой неловко как-то сошла в нетрезвом дурмане самообмана, как другие страны и народы, «косясь, постораниваются» и, ощущая, что без того уже невозможно жить, заимствуют, по-русски латинскими буквами пишут слово *гласность* — *glasnost*. Так в свое время они не нашли у себя специального достойного обозначения русским понятиям *интеллигенция, большевик, субботник, совет, колхоз, спутник, лунник, целина, разрядка* и ввели в свои словари эти русские слова. Латиноамериканский писатель Гарсиа Маркес в беседе с М. С. Горбачевым сказал: «Перестройка и гласность — это сейчас самые известные в мире слова. Очень удачные слова. Они не переводятся ни на испанский, ни на французский, ни на английский языки. „Гласность“ и „перестройка“ произносят по-русски во всем мире» (Правда, 1987, 16 июля).

С. Кондрашов сообщает, что на международной встрече журналисты «все, и довольно сносно, произносят это слово по-русски... Наряду с русским словом, употребляли английское: *transparency* — прозрачность, открытость. Выбор этого слова неслучаен для тех на Западе, кого удивило и крайне заинтересовало новое явление в нашей жизни. Она была для них непроницаема (закрыта), с монолитным фасадом непогрешимости. Стала прозрачной (открытой), когда перед своим народом и всем миром мы взяли открыто и правдиво говорить о своих проблемах и бедах. Раньше преобладал вековечный российский принцип — не выносить сор из избы. Его рьяные приверженцы решительно отказывались понять: если долго не выносить сор из избы, то в избе могут образоваться авгиевы конюшни» (Известия, 1987, 3 апр.).

Другой журналист — М. Стурра — писал: «Еще совсем недавно президент Рейган... утверждал, что в русском языке даже нет слова, которое означало бы свободу, а сегодня слово *гласность* он уже произносит по-русски» (Известия, 1987, 18 марта). Корреспондент из США свидетельствует: «И все же сейчас мы сами по-русски произносим — „гласность“. Нам тоже дал Михаил Горбачев луч надежды...» (Лит. газета, 1987, 18 марта). В серии интервью «Гласность и *glasnost*» японский журналист сказал: «Слова *гласность* и *перестройка* стали сейчас почти что принадлежностью японского языка. Я работаю в СССР второй срок и поэтому могу сравнить нынешний период с тем, что было десять

лет назад. Тогда мне часто приходилось читать вашу прессу между строк, но, несмотря на старания, не все удавалось понять». Болгарский коллега ему возразил: «Мне нетрудно понять слова *гласность, перестройка, ускорение*. Близки наши славянские языки, тесны исторические связи между Болгарией и Россией, Болгарией и Советским Союзом. Я работаю здесь уже пять лет. Если коллега из „Асахи“ сейчас легче, то мне, наоборот, трудней. Ведь приходится ломать стереотипы, клише, которые сформировались за долгие годы» (Лит. газета, 1987, 1 апр.).

Перестройка, породившая гласность, ибо немыслима без откровенности и не терпит неприкасаемых лиц и зон, закрытых для обсуждения и критики, означает творческое целенаправленное социальное строительство не только в экономике и политике, но и везде, где затрагиваются состояние, тенденции и перспективы духовного развития, — в культуре, образовании, общественных науках и в языке. Это вытекает из определения приоритетов в обновляемой системе ценностных координат: в центр, согласно гуманистической марксистско-ленинской мысли, реально выдвигается человек как решающая сила и самоцель социального, да и всякого прогресса.

Для суждений о русском языке принципиально, что концепция и методология нового политического мышления основывается на диалектике классового и общечеловеческого, внутреннего развития социализма и мирового развития в целом в современных условиях. А. Н. Яковлев на совещании ученых-обществоведов метко заметил: «Какое гигантское в пространстве и во времени информационное поле обработали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, как напряженно и ответственно учились они до конца своих дней, с какой тщательностью искали точное выражение своей мысли!» (Правда, 1987, 18 апр.). Да, без языковой точности не будет ни демократии, ни перестройки, ни прогресса. От М. В. Ломоносова идет мысль о связи развития национального сознания с упорядочением средств общения.

Высокая культура языка, яркая, выразительная, искренняя речь, стоящие за ними литература, общественная мысль, экономика — действенный инструмент и прочная почва для наведения порядка в доме и для укрепления права страны и народа играть роль в делах всего человечества. Язык всегда и всюду в истории выступал излучателем стиля жизни, когда увязывался с охватывающей умы и воображение идеологией, культурой, образом мысли и действий. Эту мысль легко развить, вспомнив общеизвестную роль греческого и латинского, а также арабского языков в хри-

стианском и мусульманском мирах, роль французского, испанского, немецкого и затем английского языков в формировании новой и новейшей европейской и мировой культуры и цивилизации. Перспективы русского языка в этом плане представляются грандиозными. И они налагают на нас, русских и всех советских людей как главных носителей, хранителей и двигателей русского языка, великую, сугубую ответственность.

В этом отдавал себе отчет А. М. Горький еще в 1926 году, когда, прочитав третий номер литературно-художественного альманаха «Ковш», писал И. А. Груздеву: «А в общем все эти рассказы почти невозможно перевести на какой-либо европейский язык, а как раз именно теперь надобно бы писать так, чтобы европеец понимал нас, ибо никогда еще интерес к русскому искусству не был так серьезен и глубок, каким он становится ныне. А мы все фокусничаем, „фасон давим“... Создается какая-то литература „для себя“, очень „семейная“ и „отреченная“. Погоня за новыми словечками, неумеренное употребление местных словарей, местных языкоблудий на меня лично наводит тоску. Прошу простить, но в этом стремлении украсить рассказ не литературными словечками, — кроме засорения языка хламом, — чувствуется мещанская эстетика: желание изукрасить икону фольгой, бумажными цветочками и „виноградками“» (Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 30–31).

Разумеется, провозглашаемое и, конечно же, необходимое более, чем в одном смысле, стремление интернационализировать язык, точнее — его понятийную систему, не следует понимать как призыв уничтожить самобытность; более того, только раскрытие самобытности и ведет к той универсализации, которая открывает своеобразиям данного языка вход в другие языки, в сознание других народов. Точно так, как это происходит сейчас со свержрусскими и советскими словами-понятиями *перестройка* и *гласность*.

Вообще до сих пор не очень ясный теоретически, но очень важный практически вопрос о приобретении национальным языком наднационального характера в функциях межнационального посредничества следует соотносить с марксистско-ленинским учением по национально-языковому вопросу, со сближением наций только через полное раскрытие самобытности в условиях равноправия, свободы, добровольности, взаимообогащающего сотрудничества. Для русского языка это существенно и как для языка межнационального общения разноязычных народов СССР, и как для члена «клуба мировых языков», с каждым днем укрепляющего

в нем свои позиции. В обоих случаях следует исходить из того, что языковое развитие — частный случай диалектического соотношения общего и специфического, интернационального и национального.

В наши дни обозначилось принципиально новое качество русского языка, наслаивающееся на осознанные его наднациональные роли (средство международного общения в науке, торговле, на транспорте и т. д.), — он несет человечеству новое мышление, а с ним и вновь восторжествовавший с полным размахом ленинский стиль мысли и жизни. Стиль — в смысле способа отношения к действительности, ее восприятия и форм воздействия на нее. Задавая стиль, русский язык будет все более формировать полноценную личность, в какой стране она бы ни проживала, образ ее поступков. Он будет превращать СССР в центр, где мировоззрение связывается с этикой, включая и ответственность за сказанное, где материальный прогресс безоговорочно ставится на службу человеку, где силы брошены на всесторонний расцвет нравственности и совести, где идет поиск соответствующих исторически обоснованных форм словесного искусства, музыки, дизайна, информатики, массовой информации.

Сейчас принимаемый в мире стиль по большей части задает английский язык — не только в бросающихся всем в глаза, часто уродливых формах песен и танцев, бульварных романов и комиксов, модной одежды и развязного поведения с культом насилия, «масскультуры» в целом, но и в завидно положительном вкладе в технику и науку, в медицинские и иные открытия всемирного значения, что закрепляется новой терминологией, разносимой по всем языкам мира. Этому служит сейчас могучий инструментарий радио, телевидения, кино, видео, спутниковых систем распространения и компьютерных банков хранения информации.

Русский язык обладает не меньшими возможностями и значительно большей духовностью. Сделать эти качества русского языка всеобщим достоянием — важная патриотическая задача, а ее решение не так фантастично, как казалось еще три-четыре года тому назад. Вот почему оправданна тема наших заметок — перестройка и русский язык. Отнюдь не противопоставляя русский язык другим языкам в их служении прогрессу, мы видим в сегодняшних событиях в нашем отечестве залог его особой роли в сообществе языков человечества.

Даль и Пушкин*

В. И. Порудоминский

Через три года после гибели поэта Даль напишет: «Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потемках; иные уже угасли и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известно на разных концах России: их надо бы снести в одно место», — закончит он свой рассказ (В. И. Даль. Воспоминания о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В двух томах. Т. II. М., 1974, с. 226; далее — Даль, страница). Воспоминания самого Даля чрезмерно коротки и неполны. Даже приблизительно представляя себе степень и характер его знакомства с Пушкиным, мы обнаруживаем в них невосполнимые пробелы. Может быть, опасаясь неточности, Даль лишь конспективно рассказывает о встречах с Пушкиным, лишь пунктиром намечает некоторые темы их бесед.

Мы не знаем, в частности, когда у Даля с Пушкиным возникает разговор о словаре: во время первой их встречи, поздней осенью 1832 года, или во время нескольких новых свиданий, в начале следующего 1833 года («до приезда Пушкина в Оренбург я виделся с ним всего только раза два или три»), или, наконец, в сентябре 1833 года в Оренбурге, куда Пушкин является, по словам Даля, «нежданный и негданный», путешествуя дорогами Пугачева, и где Даль к этому времени уже несколько месяцев служит чиновником особых поручений при военном губернаторе.

Возможно, отъезд Даля в Оренбург, обозначенный в документах как «переименование доктора Даля в коллежские ассессоры», предпринят не без совета, даже не без помощи Пушкина. Служба Даля в петербургском военном госпитале (после окончания русско-турецкой войны и польской кампании) складывается тяжело: доктор Даль не в силах мириться с воровством и лихоимством госпитального начальства, к этому прибавляется опасная «история» с книгой сказок, а тут оренбургским военным губернатором с самыми широкими полномочиями назначается Василий Алексеевич

* Продолжение. Начало в № 5 за 1987 г.

Перовский, приятель Пушкина, друг Жуковского, брат писателя Погорельского (Алексея Перовского) — похоже, что мысль о «переименовании» Даля выношена и осуществлена в этом кругу.

Пушкин приезжает в Оренбург 18 сентября. Он путешествует стремительно, обгоняя идущие следом хотя и неповоротливые, но неуклонные предписания. «Дело № 78. Секретное. Об учреждении тайного полицейского надзора за прибывшим временно в Оренбург поэтом титулярным советником Пушкиным» доберется до Оренбурга через месяц после отъезда «поэта титулярного советника» — чиновник особых поручений Даль, без сомнения, с бумагой познакомится. Зато не казенное, а весьма занятное частное письмо догоняет Пушкина: нижегородский губернатор, только что проводивший его из Нижнего, спешит предупредить губернатора оренбургского, что литературные занятия поэта — предлог, титулярному же советнику Пушкину приказано ревизовать действия губернских чиновников, — В. А. Перовский оглашает бумагу. Мы теперь знаем, что в основание гоголевской комедии положен не один анекдот — многие схожие случаи из тогдашней русской жизни. Примечательно: для Пушкина и Даля сюжет комедии замешан и на анекдоте, в котором Пушкин — герой и которому Даль — свидетель.

В воспоминаниях Даля читаем, что по прибытии в Оренбург Пушкин «остановился в загородном доме у военного губернатора В. Ал. Перовского, а на другой день перевез я его оттуда (...)» (Даль, 222). Тут обычно следует примечание: перевез-де на городскую губернаторскую квартиру. Но один из исследователей утверждает, будто в печатных текстах пропуск, в рукописи же Даля было — «...перевез я его оттуда к себе». Автор, правда, как бы опровергая собственную находку, прибавляет осторожно: «Сообщение Даля (...) надо понимать не в том смысле, что Пушкин вообще переселился к Далю. Видимо, он просто посетил Даля (...), а затем хозяин и гость отправились в свою «экскурсию» по городу и окрестностям» (Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1956, с. 43–44). Что Пушкин «просто посетил» Даля, было и прежде известно, между тем запись, сделанная Бартевым со слов Даля, однозначно подтверждает это «к себе»: «В доме генерал-губернатора поэту было не совсем ловко, и он перешел к Далю; обедать они ходили вместе к Перовскому» (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым. М., 1925, с. 21; далее — Бартев). Несколько дней, проведенных в Оренбурге, Пушкин с Далем неразлучен!..

Даль вспоминает, что в эти дни «толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым»,

ездил с поэтом «в историческую Бердинскую станицу» (Даль, 222). Пушкин слушает рассказы о восстании и его предводителе, ходившие среди жителей края, потомков и некоторых еще живых свидетелей славных событий. После гибели Пушкина Даль делает занятую запись об отношении уральских казаков к Пугачеву: путешествуя по России, наследник престола, будущий Александр II, посещает и Оренбургский край; тамошние казаки говорят, что «царского племени не видывали от самого от государя Петра Федоровича», то есть — от Пугачева. Запись озаглавлена: «Еще пугачевщина, которую я не успел сообщить Пушкину вовремя» (Даль, 229). Но когда наследник проезжает через земли Уральского войска, поэта четыре месяца как нет в живых. Просто теперь для Даля всякая «пугачевщина» как бы навсегда принадлежит Пушкину.

Не будем перечислять «пугачевские» достопримечательности, которые Даль показывает Пушкину в Оренбурге и городских предместьях, — в воспоминаниях Даль пишет о них бегло, не отделяя главное от второстепенного. Быть может, всего интереснее, что он оказывается свидетелем, в известной степени участником важнейшего этапа творческой работы Пушкина: приобретения им живых впечатлений — ради них поэт и отправляется в путь по местам, где решались судьбы его героев. Скоро Далю предстоит увидеть, как эти впечатления претворяются в картины и образы пушкинской прозы. Какая школа для писателя!

Пушкин между тем усердно убеждает Даля написать роман: «Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас (...) У меня начато их три (...)» (Даль, 224). «У меня начато их три» — не преувеличение; в самом деле — три начато: «Рославлев», «Дубровский», «Капитанская дочка». Настоячивое, торопливое «сейчас» свидетельствует, должно быть, о силе впечатлений, новых, неожиданных, которые приносит Пушкину знакомство с заповедным бытом казачьего края.

Даль скоро сообщит друзьям, что у него давно на уме «уральский роман»: «Я много заготовил запасов для повести или романа, который должен деяться и твориться в Уральском войске; жизнь и быт совсем отдельные, особые; обычаи и отношения мало известные, но замечательные и достойные любопытства» (Институт русской литературы. Пушкинский дом. Отдел рукописей. Фонд Даля. № 27412/СХС VI б. 10). Запасов в самом деле много, но романа, какого ждал Пушкин, он не напишет: накопленные сокровища — наблюдения, впечатления — улягутся в два десятка страниц точного текста под названием «Уральский казак» («Это не повесть и не рассуждение о том о сем, а *очерк*, и притом мастер-

ски написанный», — тотчас определит Белинский), в другие повести и рассказы, в которых главное не сюжет (пусть занимательный), но характер (пусть необычный), а точность и меткость взгляда, завлекательная подробность картин, достоверность описаний быта и нравов. Вблизи Пушкина и «по настоянию» его рождается новый, самобытный писатель Даль, Казак Луганский (под этим именем он будет десятилетия известен читающей России), один из основоположников и виднейших представителей послепушкинской «натуральной школы».

Романа Даль не напишет, но запасы, заготовки уйдут в словарь, потому-то и ценен и необычен «Толковый словарь» Владимира Даля, что запасами и заготовками для него были не просто столбики услышанных слов, но стоящая за словами жизнь.

Из воспоминаний Даля не узнаем, заходит ли у них с Пушкиным в Оренбурге разговор о собирании слов, о словаре, но говорим уверенно: невозможно, немислимо, чтобы не возник такой разговор. Именно в Оренбурге окончательно вызревает замысел именно Далева Словаря — словаря толкового, словаря языка живого, «как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине» (Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955, с. XVII), наконец — словаря, вбирающего в себя множество сведений о быте и обычаях народа, промыслах, ремеслах. Именно в Оренбурге Даль впервые (после флота, Дерптского университета, армии) надолго погружается в народную жизнь с ее мироощущением, отношениями, занятиями, — со всем тем, что спустя годы обнаружит себя в гнездах его Словаря; здесь, в Оренбурге, ощутимо заявляет о себе идея связи слова и жизни, этой идеей проникнут Далева Словарь.

Невозможно, немислимо допустить, что с тем чувством языка, которое отличает обоих, Даль и Пушкин не говорят о языке, о народной речи, об особенностях ее. Непрестанное вслушивание в речь народа явственно обнаруживается в «Истории Пугачева», особенно — в «Капитанской дочке»; позже без труда найдем общие слова и речения в трудах Пушкина и трудах Даля — «Толковом словаре», «Пословицах русского народа». По гнездам Далева Словаря «разнесен», в частности, весь иносказательный, пословичный диалог вожатого, Пугачева, с хозяином постоянного двора. Трудно предположить, что Даль выписывает из «Капитанской дочки» пословицы для своего сборника — это резко противоречит его собирательским принципам («Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет». — В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 8; далее — Пословицы и стра-

ница). Следует, очевидно, говорить о едином источнике, откуда взяты речения.

Любопытно: стремясь постигнуть и объяснить глубинный смысл пословиц, Пушкин и Даль прибегают к одному и тому же примеру. Пословицу «Нужда научит калачи есть» Пушкин толкует в сделанной для себя выписке, Даль – в «Напутном» к сборнику «Пословицы русского народа». «Нужда научит калачи есть, т. е. нужда – мать изобретения и роскоши» – читаем у Пушкина (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. VII, с. 528). Даль, конечно, многословнее: «(...) Нужда заставит работать, промышлять (...) Она даст ума и, коли не было ржаного хлеба, доведет до того, что будет и пшеничный» (Пословицы, 11). Не является ли выбор Далем пословицы для толкования отзвуком какой-то давней беседы с Пушкиным?

Мы не должны забывать также, что восприятие первыми читателями языка пушкинской прозы сильно отличается от нашего. Комментаторы «Капитанской дочки» непременно отмечают близость описания бурана в степи (глава «Вожатый») небольшому, анонимно напечатанному очерку С. Т. Аксакова «Буран». Но и само слово, давшее название очерку, для тогдашних читателей новое; Пушкин смело вводит его в литературный язык. Между тем Даль и в «Толковом словаре», который появится тремя десятилетиями позже пушкинской повести, сочтет необходимым при слове *буран* дать помету: *вост.* Очерк Аксакова напечатан в альманахе «Денница» на 1834 год, книга приобретена Пушкиным весной того же года; думается, если описание стихии Пушкин впрямь взял у Аксакова, то слово прежде того привез из оренбургской поездки. Мы находим его в пятой главе «Истории Пугачева», завершенной еще осенью 1833 года («Пугачев (...) с обыкновенною дерзостью ночью, в сильный буран, напал на передовые отряды Голицына» – Пушкин. Полн. собр. соч. Т. IX. М. – Л., 1950, с. 47; далее – только том и страница).

19 сентября 1833 года Даль и Пушкин едут из Оренбурга в Бердскую слободу – шестьдесят лет назад тою же дорогой, из Оренбурга в «мятежную слободу» добирался Петр Андреевич Гринев. В «Капитанской дочке», как и в «Истории Пугачева», обнаруживаются следы пушкинской поездки – «овраги, естественные укрепления слободы», пугачевский «золотой дворец», или попросту изба, которой «стены оклеены были золотою бумагою»... Но это – подробности «внешние». Главное для Пушкина – напитаться «пугачевским духом», поэтому так ценит он разговоры со стариками; всего дороже для него – встреча со старой казачкой Ириной Афанасьевной Бунтовой: «В деревне Берде, где Пугачев простоял

6 месяцев, имел я *une bonne fortune* (счастливый случай.— В. П.) — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал» (XV, 83). Пушкин, по свидетельству Дали, разговаривал с Ириной Афанасьевной целое утро и на прощание дал ей червонец. Позже, в воспоминаниях, Даль расскажет, что бабы и старики после отъезда поэта перепугались, что придется отвечать за такие разговоры, объявили Пушкина «антихристом», а старуху вместе с червонцем привезли в город, чтобы объявить о происшествии по начальству — «Пушкин много тому смеялся» (Даль, 223). В «Замечаниях о бунте» Пушкин коснется самого существенного, о чем слышал в «мятежной слободе»: «Уральские казаки (особливо старые люди) доньне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-тилетняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал» (IX, 373).

По дороге в Бердскую слободу Пушкин рассказывает Далию сказку. Через три года Даль прочитает в «Капитанской дочке»: Пугачев с Гриневым едут из Бердской слободы в Белогорскую крепость, по дороге Пугачев рассказывает сказку об орле и вороне, которую слышал от старой калмычки. Пушкин рассказывает Далию сказку о Георгии Храбром и о волке. Речь его пересыпана нерусскими словами и очевидно сохраняет особенности речи неведомого сказителя: «Совсем *курса* пропал, ворчал он про себя, животы хоть уздечки вяжи, а *поашать* нечего!» — передает в своей записи Даль язык пушкинского повествования (Даль В. И. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. IX. СПб.— М., 1898, с. 178; далее — только ВД, том и страница). Известный фольклорист М. К. Азадовский предполагает, что «Пушкин слышал эту сказку от какого-либо татарина или калмыка, говорящего по-русски, во время своего пребывания в Казанской или Оренбургской губ.(ернии), и тогда же под свежим впечатлением рассказал ее Далию, сохранив и в своей передаче некоторые особенности речи рассказчика» (Временник пушкинской комиссии, 1939, № 4—5, с. 489).

Краткое содержание сказки: во «времена первородные», когда животные «не ведали еще толку в быту своем», Георгий Храбрый «правил суд и ряд и чинил расправу на малого и на великого», определил каждому, «с кем знаться или не знаться, кому кого душить (...), кому быть сытым, а кому голодным», только волку не сказал, «чье мясо, чьи кости глотать». В ответ на жалобу волка Георгий посылает его «по инстанциям» — к быку, коню, барану, те гонят волка, бьют его, наконец, рассерженный Георгий («Все подаешь нам прошения, да требуешь законного решения...») отправляет волка на швальню, где голодного искателя справедли-

ности зашивают в собачью шкуру. Волк становится воров и разбойником.

Даль еще при жизни Пушкина напечатает записанную с его слов сказку в «Библиотеке для чтения» (1836, т. XIV, ч. 2). Уже после смерти Пушкина, в 1839 году, он поместит ее в четвертой книжке своего собрания сочинений — «Былей и небылиц» Казака Луганского; тут появится примечание, сохраняемое во всех последующих изданиях: «Сказка эта рассказана мне А. С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге и мы вместе поехали в Бердскую станицу, местопребывание Пугача во время осады Оренбурга» (ВД, IX, 177).

Но не только примечание, важное для исследователей творчества как Даля, так и Пушкина, отличает издание 1839 года. Печатаемая сказка в «Былях и небылицах», Даль вносит в первоначальный, журнальный текст существенную правку. При этом он убирает многие подробности, придающие сказке определенный социальный смысл, и, хотя не вполне добивается этого, значительно смягчает ее остроту (подробнее см.: В. Порудоминский. Страницы из жизни В. И. Даля. — Прометей, т. 5. М., 1968, с. 58–62). Георгий поначалу не просто господин животного царства, а важный саповник, управляющий вверенной ему царем «областью вновь созданного народа и войска», где до того «переселенцы, первородцы и новозданцы (...) не знали порядка и начальства, говорили — кто по-татарски, кто по-калмыцки, и не добились еще толку, кому и кого глотать» — очень похоже на тогдашний Оренбургский край (границу оседлой России, как его именовали) с его смешением народов и языков. Все звери наделены в первом варианте чинами и званиями, точно определено участие каждого в «аппарате управления». Волк яростно требует: «Прикажи накормить, не то стану таскать *махан*, мясо, баранину, что попало!» А Георгий предпочитает не кормить его, а укротить, напаялив на него тесную собачью шкуру. Тут «технология» превращения липсаемого законного удовлетворения нужд и оттого озлобленного волка в разбойника. Этот вариант сказки — пушкинский — вполне сопрягается с «пугачевщиной», с теми материалами, ради которых Пушкин совершает свое восточное путешествие. Пугачевская тема беседы, которую ведут Пушкин и Даль по дороге в Бердскую слободу, вполне согласуется со сказкой, продолжается сю.

Окончание в № 1 1988 года

Из Записок филолога

В. Э. Вацуро,
кандидат филологических наук

«Тень зари»

Это странное и красивое сочетание, которое Владислав Ходасевич в «Поэтическом хозяйстве Пушкина» (Л., 1924, с. 25) называл даже «непостижимым», встречается у Пушкина только в применении к Наполеону:

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного вельенья,
Сей всадник, перед кем склонились цари,
Мятежной Вольности наследник и убийца,

Сей хладный кровоийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

«Недвижный страж дремал на царственном пороге...»

Рядом с этим наброском стоит другой, того же, 1824, года. В нем нет «тени зари», но образ как бы подсказан глагольной семантикой:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра или зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

«Зачем ты послан был и кто тебя послал?..»

В обоих отрывках единый ход мысли: «всадник», исчезнувший, «как тень зари», отмечен печатью изгнания. На нем лежит отсвет не то божественного, не то inferнального происхождения. Он явился — неизвестно откуда и непонятно, по чьему велению.

Образ повторяется в «Герое» (1830):

... пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

И еще раз — в отрывках X главы «Онегина»:

Сей муж судьбы, сей странник бранный
Пред нем унизились ц(ари)
Сей всадник Папою венчанный,
Исчезнувший как тень зари.

Глубинная ассоциация, быть может, неосознанная, связывает воедино поэтические темы. В русской поэзии периода Отечественной войны была обычной апокалиптическая трактовка фигуры Наполеона. Державин в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из отечества» изображал императора французов как «зверя из бездны», «в плоти седьмглавого Люцифера», отмеченного «звериным числом 666». Еще в Лицее Пушкин пародировал эти места державинского гимна: «Открылась тайн священных дверь!.. / Из бездн исходит Луцифер (...)» (Тень Фонвизина, 1815).

Но именно сравнение Наполеона с Люцифером кое-что проясняет в загадочном пушкинском образе.

Люцифер — дьявол, падший ангел, воплощение сил зла — и одновременно название утренней звезды. Это смещение возникло в теологической традиции, когда в облике прекрасного юноши появился дьявол, обозначаемый именами «деница», «сын зари», «утренняя звезда».

Через полтора десятилетия Дельвиг шутя напишет издателю альманаха «Деница» М. А. Максимовичу, что он приветствует выход книжки и желает обнять «самого Люцифера» (Дельвиг А. А. Сочинения. Л., 1986, с. 341).

В 1813 году Державин в стихотворении «На победу при Лейпциге» (Сын отчества, 1813, № 46) прямо применил этот образ к Наполеону: «Надменный запада Деница».

Так возникла ассоциативная связь между мистико-демонологической концепцией Наполеона и художественным образом, связанным с его именем. Концепцию эту Пушкин отверг, а образ Наполеона в его поэзии получил воплощение как носитель безграничного властолюбия и индивидуализма, и лишь в таком значении сохраняет о себе память.

«Неприятель на носу»

В 1815 году лицеист Пушкин записал в свой дневник забавный анекдот о Денисе Давыдове. Начало этого рассказа утрачено: до нас дошли только отрывки дневника.

«(...) большой грузинский нос, — читаем мы в сохранившемся фрагменте, — а партизан почти и вовсе был без носу. Д(авыдов) является к Б(еннигс)ену: князь Б(аграти)он, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу... „На каком носу, Д(енис) В(асильевич)? — отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уже близко, если же на носу князя Б(аграти)она, то мы успеем еще отобедать...“» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XII. М.—Л., 1949, с. 295).

Двадцатью годами позднее этот рассказ Пушкин включил в «Table-Talk» в несколько измененном виде: «Денис Давыдов явился однажды в авангард к кн(язю) Багратиону и сказал: „Главномандующий приказал доложить в(ашем)у с(иятельству), что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить“. Багратион отвечал: „Неприятель у нас на носу? на чем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать“» (там же, с. 158).

Нет сомнения, что рассказ идет от самого Давыдова. Он очень в духе излюбленных Давыдовым исторических анекдотов с остроумными каламбурными концовками; он комически обыгрывает характерную черту давыдовского облика — маленький нос, — над чем иной раз посмеивался сам Давыдов. Наконец, в нем действует Багратион — любимый начальник и старший друг знаменитого поэта.

Вместе с тем история эта записана дважды и в разнящихся редакциях, и остается не вполне ясным, почему так произошло: потому ли, что Пушкину она была рассказана дважды и по-разному, или потому, что Пушкин сам в поздние годы обработал ее, превратив в миниатюрную новеллу.

Мы не знаем исходного рассказа, который записал и, быть может, обработал Пушкин. Нам известно лишь, что в лицейские годы Пушкин не был знаком с Давыдовым и, возможно, только видел его в 1811 году, когда мальчиком приехал в Петербург вместе с дядюшкой своим В. Л. Пушкиным. К 1835 году он был с Давыдовым не только знаком, но и дружен и многократно слышал его рассказы. Можно предполагать поэтому, что он уточнил и скорректировал анекдот, который впервые услышал в 1815 году из вторых уст.

Такому, наиболее естественному, предположению противоречит, однако, еще одна запись этого анекдота, опубликованная еще при жизни Пушкина и не попавшая в поле зрения исследователей. Она появилась в 1826 году в альманахе «Сириус».

Издатель этого альманаха М. А. Бестужев-Рюмин, ставший затем противником пушкинского литературного кружка и преследовавший Пушкина, Дельвига, Плетнева вульгарными насмешками в своей газете «Северный Меркурий», а также печально прославившийся литературными подделками и высмеянный Пушкиным в памфлете «Альманашик», по-видимому, пользовался какое-то время покровительством Дениса Давыдова. Во всяком случае, он получил от него стихи для своих альманахов «Сириус» и «Северная звезда», напечатал их с возможной бережностью и прозрачно намекнул в «Северной звезде» на эту литературную

связь (см. Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984, с. 186). В «Сириусе» же он напечатал под своими инициалами («Б. Р.») «Анекдоты, мысли и замечания», в которые включил уже знакомый нам рассказ:

«Особенное хладнокровие и в самых опасных случаях принадлежало к числу прочих достойных свойств, украшавших воинские доблести генерала О*. В одну достопамятную войну корпус его был расположен неподалеку от корпуса генерала**, полковника, известного мужеством и опытностью своею. Надобно заметить, что сей последний имел порядочной величины нос, а адъютант его, ротмистр Д* весьма небольшой. Однажды, когда генерал О* готовился обедать, докладывают ему, что приехал с каким-то важным известием адъютант генерала**. Ротмистр Д* входит и доносит генералу О*, что он прислан от генерала** с известием, что *неприятель на носу*. Генерал О*, которому, может быть, не понравилось то, что адъютант Д* изъяснялся хотя техническим, но не весьма приличным выражением, или желая для ободрения бывших тут офицеров подшутить над беспокойством сего последнего, замеченным им из движения его, с улыбкою отвечал: „надобно знать, на каком еще носу: если на таком, каков ваш, г. адъютант, то, конечно, надобно будет мне поспешить обедом; если же на таком, каков у генерала**, в таком случае мы будем иметь еще достаточно времени приготовиться“» (Сириус, ч. 1. СПб., 1826, с. 197–198).

Этот вялый пересказ, сделанный эпигоном, интересен тем, что удерживает детали исходной истории. То, что слышал Рюмин, конечно, от самого Давыдова, близко к пушкинской версии 1815 года. Действующих лиц три, а не два, как в поздней редакции; основной герой повествования — «генерал О*» (Беннигсен?); Багратиону отводится пассивная роль. Наконец, «успеем отобедать» сказано не в переносном, а в буквальном смысле. Все это присутствует в лицейской редакции рассказа, и возможно, что и здесь разговор происходит во время обеда или в ожидании его. Есть все основания думать, что этот рассказ, ранний по происхождению, в наибольшей мере приближен к эмпирическому быту.

На фоне его очень ясно обрисовывается художественная природа анекдота в «Table-Talk». Здесь только два действующих лица; третье было бы сюжетно избыточным. Изменена и система отношений между собеседниками: исключен дополнительный, ненужный для устного анекдота сюжетный мотив взаимоотношений Беннигсена и «генерала О*» с Давыдовым и Багратионом. Сюжет развивается стремительно и без побочных линий: он организован

острѳтой, за которой должны просматриваться черты характера Багратиона: отчаянного храбреца, не терявшего хладнокровия в решительную минуту, блестящего остролова и, может быть, немного сибарита. Человек этих свойств не может посылать своего адъютанта к Беннигсену с паническим предупреждением о близости неприятеля; реальный факт мог соответствовать логике военных действий, но он противоречил логике характера. Напротив, он должен был сам получать такие уведомления и реагировать на них по-своему. И равным образом адъютант его Давыдов не должен был выслушивать от главнокомандующего полуиронические отповеди с легким оттенком пренебрежения к беспокойству Багратиона, а вместе с тем и к внешнему облику его и его посланца. Бестужев должен был мотивировать создавшуюся ситуацию, не слишком выгодную для репутации Багратиона, — у Пушкина она изменена. Вложенная в уста Багратиона шутка не несла с собой ни тени иронии — это был разговор единомышленников, забавно разнящихся между собою размерами носа.

Здесь, казалось бы, напрашивается окончательный вывод: в «Table-Talk» Пушкин подчинил исторический материал художественным законам новеллы. Но, по-видимому, дело обстояло иначе.

В «Старой записной книжке» Вяземского мы находим еще одну запись анекдота о носе:

«Денис Давыдов во время сражения докладывает князю Багратиону, по поручению начальствующего отдельным отрядом, что неприятель на носу. «Теперь, — говорит князь Багратион, — нужно знать, на каком носу: если на твоём, то откладывать нечего, и должно идти на помощь; если на моём, то спешить еще не к чему» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1883).

Эта версия не зависит от пушкинского рассказа: она разнится с ним в существенных деталях. Но сюжетное построение в нем то же, что и у Пушкина.

Вяземский был одним из ближайших друзей Дениса Давыдова и нет сомнения, что он слышал анекдот прямо от него.

Итак, Давыдов сам был автором новеллы, которая за двадцать с лишним лет приобрела законченную стройную форму, хотя и утратила нечто от исторической точности. Так попала она в пушкинский «Table-Talk».

Простодушные гения

В незаконченном наброске Пушкина «Мы проводили вечер на даче...» есть такая сцена.

Барон Д** рассказывает «известный анекдот» о вопросе господа де Сталь Наполеону: «кого почитает он первую женщиной в свете?» и «забавном» ответе императора: «ту, которая народила более детей». Общество начинает обсуждать эпизод; Сталь упрекают, что она напрашивалась на комплимент; в ответе Наполеона видят «славную эпиграмму». «А мне так кажется, сказал Сорохтин, дремавший в Гамсовых креслах, мне так кажется, что ни M^{de} de Staël не думала о мадригале, ни Наполеон об эпиграмме. Одна сделала вопрос из единого любопытства, очень понятного, а Наполеон буквально выразил настоящее свое мнение. Но вы не верите простодушному гениев.

Гости начали спорить, а Сорохтин задремал опять» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. VIII. М.—Л., 1948, с. 420).

В пушкинском наброске есть несколько очень важных для автора тем, которые мы находим и в других его произведениях. Сейчас нам важна одна из них — тема «простодушия гения», которая развернута, в частности, в «Моцарте и Сальери» и которая здесь вырастает из брошенной мимоходом реплики Сорохтина.

Способ, каким она вводится в рассказ, любопытен и связан со всей стилистикой наброска. Дело в том, что весь пушкинский текст опирается на бытовые реалии и на устные анекдоты — и уже в приведенной нами крошечной сцене заключен не один анекдот, а два.

Первый анекдот был, действительно, очень популярен. Он существовал в разных редакциях и восходил к самому Наполеону (см.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 198—199). По-русски его рассказал Вяземский. В статье о записках графини Жанлис в «Московском телеграфе» (1826, ч. VIII, № 5, с. 44) он писал: «Г-жа Сталь старалась привлечь к себе юного героя и однажды на многолюдном празднике у Талейрана обратилась к нему с вопросом: кого почитает он первую женщиною в свете из живых и мертвых? — «Ту, которая более всех родила детей», — отвечал он ей наотрез. Озадаченная несколько подобною нечаянностью, старалась она прийти в себя и, продолжая разговор, сказала ему, что он известен за человека, который мало любит женщин. «Извините меня, сударыня, — возразил он снова, — я очень люблю свою жену».

Важный акцент: Наполеон здесь не шутит и не говорит своей собеседнице колкостей — он откровенно выражает свое мнение. Такова мысль Вяземского — и он развивает ее во втором анекдоте, который в пушкинском рассказе свернут в реплику. Между 1819 и 1821 годом Вяземский пометает в своей записной книжке:

«Глупые и умные взапуски осмеивают мнение Румянцева о

простодушии (*bonhomie*) Наполеона. И конечно, в поре силы нечего было ему лукавить; одним лукавством не совершил бы он геркулесских подвигов, тут нужны были страсти, а страсти всегда откровенны.

В следующей записи он распространил свое рассуждение:

«Ник(олай) Ник(олаевич) «Новосильцов» рассказывал, что раз за столом у государя Румянцов, по возвращении своем из Парижа, в подтверждение своего мнения приводил, что однажды, разговаривая с Наполеоном, сказал он ему: „Как, государь, вам, творцу такого величия, не подумать, что сколько вы ни всемогущи, но закон природы падет и на вас: избрали ли вы достойного наследника, преемника такой славы...— Поверите ли вы, граф,— отвечал Наполеон, ударяя себя по лбу,— что мне это и в мысль не приходило. Благодарю, вы меня надумили“.— Оставляю на произвол решить, кто из них трех солгал» (Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 59).

В поздние годы, перерабатывая свои записи для «Старой записной книжки», Вяземский объединил две заметки следующим рассуждением: «В частных сношениях Наполеона с приближенными и подчиненными ему людьми была некоторая простота, как оказывается из многих рассказов и отзывов. К тому же по горячности своей он был нередко нескромен и проговаривался» (Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929, с. 71).

Нет сомнения, что слова Пушкина о «простодушии» Наполеона опираются на этот рассказ Вяземского, хотя, быть может, не только на него. Дело в том, что первый отрывок, где как раз и содержалась эта формула — «простодушие», «*bonhomie*», — Вяземский напечатал в «Северных цветах на 1829 год», в которых Пушкин принял ближайшее участие.

Устный анекдот переплавился в повествовательной ткани, и в нем появилось не только словечко «простодушие» (в черновике оно повторено дважды: Наполеон, пишет Пушкин, «простодушно» выразил свое мнение), но и упоминание о спорах, разгоревшихся по поводу суждения Румянцева, — даже намек на среду, из которой оно вышло. Известно, что в Сорохтине почти портретно изображен Александр Иванович Тургенев, друг Вяземского, давний знакомец, а в последние годы и близкий друг Пушкина. В течение многих лет Александр Тургенев был своим человеком в доме канцлера графа Николая Петровича Румянцева, где старый дипломат, возможно, не раз высказывал мнение, донесенное до нас записками Вяземского.

Ленинград

К уроку литературы

„Хрипун, давленный, фagот...“

Б. А. Кичикова,
кандидат филологических наук

комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», едва выйдя в жизнь, сразу разошлась множеством афористических, крылатых выражений. Сбылось и продолжает сбываться предсказание Пушкина: «О стихах (...) не говорю, половина — должны войти в поговорку» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XIII. М.—Л., 1937, с. 139). Афористичность заложена в самой природе стихотворной комедии, а «Горе от ума» — высочайший образец этого жанра. Чрезвычайной силой художественного воздействия обладают те стихи пьесы, которые представляют собой структурно завершенные эпиграммы.

Эпиграмму наряду с лаконичностью отличает ярко выраженное отношение к факту или явлению. У Грибоедова — это и мощное средство характеристики действующих лиц. Каждое афористическое слово в его эпиграммах содержит смысловую многомерность, а посему требует неспешного и вдумчивого чтения — строка за строкой. И тогда открываются новые горизонты значения.

Такое незнакомое в знакомом таит в себе, например, эпиграмма Чацкого на Скалозуба из начала III действия «Горя от ума» (здесь и далее цитируется кн.: Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1969):

Хрипун, давленный, фagот,
Созвездие маневров и мазурки!

Опыт пословного комментария к эпиграмматической строке, предлагаемый вниманию читателей, надеемся, поможет воспитанию навыков углубленного освоения грибоедовского текста.

Хрипун. После появления «Очерков по истории русского литературного языка» В. В. Виноградова (М., 1934) объяснению

этого слова получило научное толкование: «...в столичном дворянском просторечии преобладающее значение имели диалекты и жаргоны, связанные с светской кружковой жизнью, с военной профессией (ср. слова офицерского аргю в «Горе от ума» Грибоедова: *«хрипун, удавленный, фэгот»* — о Скалозубе; *хрипун* в «Домике в Коломне» Пушкина; *хрипун* — фронтовик-фапфарон, щеголяющий французским языком и светской ловкостью обращения). В довершение этих сведений в «Очерках» дается ссылка на П. А. Вяземского, в «Старой записной книжке» (Л., 1929) которого на стр. 110 читаем: «Слово *хрип* (...) означало какое-то хватовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хрипкостью голоса».

Другое объяснение слова *хрипун*, не привлекавшееся комментаторами, принадлежит Ф. В. Булгарину: «В Кавалергардском, Преображенском и Семеновском полках был особый тон и дух (...) В этих трех полках господствовали придворные обычаи, и общий язык был французский, когда, напротив, в других полках между удалою молодежью, хотя и знавшею французский язык, почиталось *неприличием* говорить между собою иначе, как по-русски (...) Офицеров, которые употребляли всегда французский язык вместо отечественного (...) у нас называли *хрипунами*, оттого, что они старались подражать парижанам в произношении буквы *г* (*grasseyer*)» (Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846, ч. 2, с. 140–141). Как тут не вспомнить знаменитый панегирик Скалозуба:

А в первой армии когда отстали? в чем?
Все так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят, иные, по-французски.

Как многие панегирики в «Горе от ума», это похвальное слово самому себе чревато саморазоблачением.

Булгарин, однако, оказался забывчивым мемуаристом. Он только глухо намекнул о разделении офицерства на «хрипунов» и «аристократов», намеренно, по-видимому, опустив различия более глубокие. На самом деле офицеры названных им привилегированных полков отличались от «хрипунов»-скалозубов не только аристократическими манерами и знанием французского языка. Кавалергардский, Преображенский и Семеновский полки были известны как рассадники вольнодумных идей и революционных настроений. «Кавалергардский полк богаче всех других полков декабристскими имениями. К нему имеют отношение не менее 24 декабристов», — читаем в работе М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» (М., 1951, с. 128–129). В полку в разное время слу-

жили П. И. Пестель, М. С. Луниц, С. Г. Волконский, М. Ф. Орлов и С. Н. Бегичев, ближайший друг Грибоедова, член Союза Благоденствия. В «Стихах о бывшем Семеновском полку» декабрист Ф. Н. Глинка вспоминал (приводимый отрывок цитируется по кн. Декабристы. Антология в двух тт. Т. 1. Л., 1975, с. 95):

Но перед всеми отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его и толк,
И человеческие манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал (...)

«Ум», «человечные манеры» и «скромность в блеске зал» — здесь те же понятия, что определяют настроения и Чацкого, и другого, внесценического, персонажа «Горя от ума» — двоюродного брата Скалозуба, что «крепко набрался каких-то новых правил», незримого антагониста полковника-хвата.

Удавленник. В «Горе от ума» действует особый психологический климат. В уютном фамусовском особняке, как явствует из текста, очень душно, и это кажется Чацкому непереносимым, особенно, если вспомнить о вольном ветре за его пределами (не случайны подробности пьесы: боится сквозняков жена Горича, «прозяб» Скалозуб, Хлестова жалуется, что на улице «светапреставленье»). А вольный ветер, буря — сопутствующие Чацкому образы странствия, поисков некоего духовного и жизненного опыта, который не обретишь, сидя на месте. Быт же фамусовского дома устойчив и предопределен плавным ритмом по округлой синусоиде: «И положенный час приливам и отливам?» — иронизирует Чацкий не столько над Молчалиным, сколько вообще над поклонниками такого «идиллического» образа жизни, душного существования.

Особый социально-нравственный климат фамусовской Москвы определяет, в частности, и возникновение образов духоты и удушья (чего стоит, например, фамилия персонажа из репетиловского рассказа о клубных «деятелях» — *Удушьев* Ипполит Маркелоч). Устремляясь к Чацкому, эти образы получают характер этической агрессии — от мнимо дружеских «тисков», которыми встречают героя в доме Фамусовых, и навязывания чуждого ему амплуа «зловязичного умника» до создания ему трагического положения сумасшедшего. Характеристики же и реплики Скалозуба полны все той же семантики «душности»: «золотой мешок»,

«талы все так узки», и орден ему пожалован — «на шею», за сиденье в тесной, душной траншее...

Не здесь ли ключ к загадочной фамилии полковника? Так и видится: «бедная душа» фрунтовика, сисясь вырваться из громоздкого, стиснутого мундиром тела, гляпет наружу — то оскалом зубов через отверстие уста, то хриплыми выкриками и казарменными остротами... Во всяком случае, именно такой образный контекст определяет появление второго элемента эпиграмматической «формулы Скалозуба» — *удавленник*.

Фагот. В эстетической, духовной характеристике главного героя «Горя от ума» есть одна любопытная подробность: Чацкий, блестяще образованный молодой человек, устремленный «к искусствам творческим, высоким и прекрасным», оказывается на удивление «немузыкален», точнее, отчужден от той музыки, что звучит для обитателей и «друзей» дома Фамусова. Этот специфический, куплетно-водевильный план партитуры пьесы один из ее интереснейших сценических интерпретаторов, В. Э. Мейерхольд, определял как «французско-венско-московский» музыкальный диалект (Мейерхольд В. Э. Статьи, Письма. Речи. Беседы. Т. 2. М., 1968, с. 171).

Не склонный к музыкальным «занятиям», Чацкий, однако, вовсе не безучастен к «музыке» пьесы. Он не «музыкант» (как Софья и Молчалин, меланхолически разыгрывающие дуэт «фортопьяно с флейтою» в экспозиции пьесы), но в своем роде музыкальный критик, что вполне отвечает его роли в «Горе от ума». Чацкий словно задался целью не упустить ни одну из подробностей, характеризующих музыкальные «склонности» окружающих. Так, в первом же разговоре с Софьей, перебирая общих знакомых, он насмешливо вспомнит о «чувствительной» меломании Молчалина:

Бывало песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристаёт: пожалуйста списать.

И добродушно напоминает Платону Горичу, что еще «назад тому пять лет» он твердил все тот же а-мольный дуэт на флейте. Наиболее же острая из его «музыкальных» характеристик относится к Скалозубу: «Хрипун, удавленник, фагот, /Созвездие маневров и мазурки!»

Композитору и музыковеду Б. В. Асафьеву принадлежит выражение «очеловечивание инструмента» (Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. М., 1971, с. 220). У Грибоедова же

происходит едва ли не обратное: сущность человека помогает определить или распознать инструмент, которым он владеет или с которым сравнивается. Флейта Молчалина, например, ориентирована на знаменитый эпизод шекспировской трагедии: Гамлет использует флейту для разоблачения предавших его Розенкранца и Гильденстерна. Флейта, из которой они бессильны извлечь стройные звуки, в руках их литературного преемника оказывается подастливее. Молчалину, лжецу и предателю «в любви», играть на флейте «так же легко, как лгать». Вряд ли случайно наделен склонностью к игре на флейте и Платон Горич, приятель Чацкого, отрешившийся от него в угоду «общественному мнению».

Профессор С. К. Булич, автор давнего очерка «А. С. Грибоедов — музыкант», резонно заметил, что «свежее и меткое сравнение Скалозуба с фаготом, вложенное в уста Чацкого, могло придти в голову (...) музыканту» (Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1911, с. 327). Это, конечно, сравнение «по слуху»: охрипший во фрунте голос Скалозуба напоминает своеобразный, хрипловато-гнусавый звук фагота. Это и эффектное зрительное сопоставление, достойное художника-шаржиста: до нелепого длинный и смешной инструмент, вероятно, ассоциировался у автора с громоздким полковником неггибаемой выправки, неподатливой речи и рассудка. Его, однако, мог сделать не только талантливый музыкант, каким был автор «Горя от ума», а музыкант-драматург, человек театра, блестящий знаток национальной культурной традиции.

В русской комической опере последней трети XVIII века, в частности, у композиторов Бортнянского, Пашкевича, Фомина, Бюлана заметно активное привлечение духовых инструментов. В те годы вырабатываются «принципы использования инструментов (...) с целью характеристики отдельных персонажей или драматических ситуаций». Для партитур комических опер, замечает далее исследователь, «особенно показательны (...) разнообразные оттенки фаготного звучания». Так, в очень популярной еще в первой трети XIX века опере композитора-фаготиста Ж. Бюлана «Сбитенщик» (1783) с его помощью «создается великолепный комический образ неотесанного слуги Фаддея. В унисон с певцом инструмент словно „выдабливает“ тупые интонации, подчеркивающие беспросветную глупость персонажа» (Левин С. Я. Духовые инструменты в истории музыкальной культуры. М., 1973, с. 245).

Таким образом, партии фагота, ставшие традиционными в русском музыкальном искусстве, устойчиво связывались с характеристикой определенных типов персонажей. Это явление было сродни поискам речевой выразительности действующих лиц в отече-

венной комедиографии. В частности, связь с комической оперой через водеvilное начало, весьма активное в «Горе от ума», — определяет эстетическую, жанровую, речевую многомерность грибоевской комедии.

Речь Скалозуба характеризуется интонационной выразительностью коротких, по-армейски отчетливо произносимых фраз, и тут закономерна ассоциация с флагом, неуклонно «выдавливающим» свою партию. Не случайно Лиза говорит о нем: «Да-с, так сказать, речист, а больно не хитер».

Скалозубовскую манеру говорить драматург явно противопоставлял подлинному красноречию: ораторское мастерство в то время прямо связывалось с прогрессивными убеждениями. Так, в раннем отзыве Грибоедова об А. П. Ермолове, знаменитом «проконсуле Кавказа», старшем товарище многих декабристов, подчеркивалось: «Что это за славный человек! Мало того, что умен (...). Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу» (Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1953, с. 397). Позже о красноречии Чацкого похоже отзовется Фамусов: «Что говорит! и говорит, как пишет!»

В «речистости» Скалозуба, его «отрывчатом, несвязном риторстве» для Грибоедова, драматурга и филолога, важно все, вплоть до «флаготных» интонаций и безграмотного синтаксиса.

Зачем же лазить например

Самим!.. Мне совестно, как честный офицер,—

так покровительственно хрипит полковник суеязущемуся Фамусову. Вместе с шуткой о «фельдфебеле в Вольтерах» эта фраза (с грубым *лазить*, неуместным вводным словом *например* и синтаксической калькой с французского *как честный офицер*, не согласующейся с *мне совестно* и являющей собою, по сути дела, типичный образец смешения «французского с нижегородским») — как бы позывной сигнал Скалозуба.

По-видимому, впоследствии конструкция, подобная «скалозубовской», воспринималась как устойчивая грибоевская реминисценция. Так, гоголевский Ноздрев любит вставлять в свою «отрывчатую» речь несогласованное присловье «как честный человек», аккуратный же Чичиков говорит, неявно его поправляя: «как прилично честному человеку» (сцена игры в шашки). В этой «грамматической полемике» мошенников, зовущих себя честными людьми, присловье Ноздрева соотносено с грамматическим «перлом» Скалозуба, и не случайно в конце главы возникает образ мнимо-храброго офицера, капитана-исправника. Речь грубого «шут-

ника» Тропачева из пьесы Тургенева «Нахлебник» также уснащена «скалозубовскими» оборотами...

А в «Войне и мире» Толстого введение такого же оборота иронически освещает речь Николая Ростова — «честного офицера», избегающего тревожных размышлений о «превращениях» века: «Я одно хотел вам сказать, княжна (...) это, что ежели бы князь Андрей Николаевич не был бы жив, то, как полковой командир, в газетах это сейчас было бы объявлено».

Таким образом, упоминание фাগота в созданной Чацким «формуле Скалозуба» связано с социально-речевой характеристикой персонажа, а опосредованно предстает как знак жанровой традиции комической оперы. Но этот же фрагмент структурно значим для всей пьесы: в скромный мирок камерной комедийной интриги («Кто, наконец, ей мил? Молчалин! Скалозуб!») попадает политическая эпиграмма, своего рода подпись к портрету:

Хрипун, удушенник, фাগот,
Созвездие маневров и мазурки!

С непреложностью эпиграмматической формулы, рожденной этим столкновением блистательных метафор, определен не единственный только характер, но множество проявлений общественного поведения человека. И сама эпиграмма задает тон (любимое выражение Грибоедова: «Тон определяет музыку») центральному, третьему действию, когда пьеса, по выражению В. И. Немировича-Данченко, «вдруг разрывает грани интимности и разливается в широкий поток общественности» (А. С. Грибоедов в русской критике. М., 1958, с. 310).

Элиста

Рисунок Н. Беланова

Читатель спрашивает

«Как правильно назвать жителей нашего города: *мозырчане*, *мозыряне*?»

Е. К. Клименко, *Мозырь*

Мозыряне (*мозырянин*, *мозырянка*). Возможен вариант *мозырцы*, *мозырец* (см. Словарь названий жителей СССР, М., 1975).

Неистовая раскаленность слова

Воспоминания о Константине Воробьеве

В. В. Воробьева,
кандидат педагогических наук

Внимательному взору жизнь Константина Воробьева (1919–1975) открыта на страницах его повестей и рассказов. Причем каждое произведение писателя – не только важная ступень творческой, но и личной биографии. Судите сами: полугодовое детство, работа на заводе, вечерняя школа, пединститут, служба в Красной Армии, в 1938 году направлен в Московское Краснознаменное пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. В 1941 году в составе роты курсантов ушел на фронт. Затем плен, фашистские концлагеря, дважды бежал. Сражался в Литве в партизанском отряде. В 1947 году был демобилизован, тогда же понастоящему приступил к литературной работе...

За этими биографическими фактами встает нелегкая судьба и самого писателя, и жизненный путь его персонажей, ровесников своего времени. В тяжелейших, трагических обстоятельствах военной поры герои Воробьева не утратили человеческий облик и ничем неистребимую любовь к Родине. Лучших из них, таких, как центральные герои воробьевских повестей Алексей Ястребов («Убиты под Москвой»), Сергей Воронов («Крик»), а также Сергей Климов (рассказ «Седой тополь») и Родион Сыромуков (повесть «...И всему роду твоему»), объединяет высокое качество характера, без которого человек перестает быть самим собой – чувство собственного достоинства. «Каждый обязан вести себя достойным образом, – убежден бывший фронтовик Сыромуков. – Всегда! При любых обстоятельствах!»

«Он любил работать в горячем цехе, со словом, которое только что из пламени пылающего воображения. Оно еще дышит жаром, стреляет колкими искрами, обжигает самого мастера, и тот, благоговей над ним, испепеляющим, непокорным и прекрасным, размахисто, пока еще не остыло, гранит его на звонкой накопальне».

Это слова Е. Носова из предисловия к книге Константина Дмитриевича Воробьева «...И всему роду твоему».

К. Воробьев к слову относился по-особенному серьезно, бе-

режно, придирчиво и с любовью, когда оно звучало чисто и искренне, но с ненавистью, когда в нем проступали суетность и притворство. Писал он медленно, мучительно, то сражаясь со словами, как со своими недругами, то принимая их как своих друзей-единомышленников. И всегда начинал работать рано утром, на восходе солнца. Ни единой строчки не было написано вечером.

Художественный почерк К. Воробьева легко отличим в ряду других. Ему присуща единственная в своем роде взволнованная интонация повествования, краткость и стремительность слога, авторские паузы и недосказанность фраз. Критик И. Золотусский, разбирая повесть «Это мы, господи!», недавно напечатанную в журнале «Наш современник», называет творческую манеру писателя «неистовой воробьевской раскаленностью» (Знамя, 1987, № 1). Между прочим, И. Золотусский много лет назад первым из критиков сказал серьезные добрые слова о прозе К. Воробьева. В журнале «Волга» (1982, № 10) критик М. Лобанов говорит о писателе, как о стоящем «особняком», подчеркивая непроторенность его творческого пути среди тех, кто пришел в литературу сразу после войны.

Более тридцати лет мне довелось быть рядом с Константином Дмитриевичем и видеть, как после множества «отвергнутых» страниц рождались строки, вошедшие в повести и рассказы. Но в архиве писателя сохранились в основном лишь черновики, которые являлись окончательным вариантом произведения и «шли на машинку». К. Воробьев не был сторонником накопления записей, дневников, заметок. Не придавал большого значения и всему тому, что могло бы характеризовать писателя помимо его произведений. Такая его позиция определенно выражена в словах, написанных им вместо предисловия к сборнику повестей и рассказов «Тетка Егориха»: «В недалеком прошлом по причинам, которые не хочется здесь приводить, писатель — плохой или дельный — все равно, считал за правило и даже за обязанность препровождать свою толстую или тонкую книжку личным и лестным для нее напутственным словом, а также собственной фотографией, сработанной в лукавой суетности пококетничать перед читателем: он снимался непременно за письменным столом, на пышном фоне книжных полок, и взгляд его был устремлен в века...

Сейчас мы делаем это неохотно, — не то время, не те люди, не тот читатель, — сейчас он сам, прочтя книгу, воссоздает по ней портрет автора — физический и духовный — и ошибки тут исключены полностью и совершенно».

Поиску единственно верного слова, которое могло бы сказать то, о чем обязательно хотел поведать людям, писатель отдал всю

свою жизнь. «Я пишу всегда, везде, беспрестанно,— говорил он,— особенно хорошо пишется на озере, в лесу, когда один на один с природой». Написанного же за рабочим столом в течение дня и принятого судом автора оставалось не более полстраницы и даже меньше. И так всегда, и только так, чтобы не оказались в рукописи пустые назидания, поучения, наставления, а чтобы каждое слово пульсировало кровью сердца: ему люди должны поверить и, может быть, на минуту задуматься. Описание событий, которое по смысловой объемности, казалось, требует разворота, в произведениях К. Воробьева, как правило, уместается на одной странице.

В повести «Сказание о моем ровеснике» есть эпизод, когда белые расстреливают красного матроса. Вместе с ним оказались его новорожденный сын и Матвей Егорович.

«Почти разом с матросом упал и Матвей Егорович. На мгновение он замер, крепко зажмутив глаза, и всем своим телом почувствовал приближение к нему чего-то страшного. Не открывая глаз, он торкнулся на голос ребенка, охватил его и приподнял навстречу конвоирам, как икону:

— Люди!.. Люди!..

Ему хотелось сказать конвоирам о какой-то великой и единственной правде на земле, которую сам он только что постиг в эти секунды и смысл которой выразить словом было нельзя.

— Люди! — шептал одно это слово Матвей Егорович, крест-накрест поводя перед собой ребенком.

(...) То невыразимое, о чем хотел и не мог сказать Матвей Егорович конвоирам, с еще большей полнотой и властью охватило его, когда он остался в лесу наедине с ребенком и убитым матросом. Освобожденный от страха и уже дивясь ему, он был наполнен теперь глубокой и какой-то светлой печалью, перед которой отступили и померкли все те радости и горести, что довелись ему за всю его жизнь. Он никогда не подозревал в своих огрубевших руках той вдумчивой ласковости, с которой обнимали они теперь крохотное тельце ребенка; никогда его взгляд не был таким внимательным и пытливым, а слух так обострен и очищен...»

Матвей Егорович еще вчера в хозяйственном радении и скупности не способен был к сочувствию человеческому горю — даже пожалел молока новорожденному матросенку! И вот, столкнувшись лицом к лицу со смертью, постигает то, что за все свое благополучное существование, наверное, так и не смог бы понять: преступление страшнее смерти. Совершив преднамеренное убийство, человек перестает быть человеком, и отныне он везде и всегда

будет творить только зло. И любой ценой надо остановить его:
— Люди! Люди!

Писатель не разъясняет, не растолковывает, а раскрывает глубинный смысл происходящего и освещает его ярким светом рожденной к новой жизни души. Примечательно мнение В. Астафьева об этом отрывке: «Эта вот сцена, со всей душой обдирающей трагичностью, глубочайшим философским смыслом, написанная столь красочно, напряженно и жизненно, право же стоит некоторых современных анемично-водянистых рассказов и даже романов» (Воробьев К. Д. Убиты под Москвой. Повести. Красноярска, 1983, с. 403).

Морализирование было чуждо художественному вкусу К. Воробьева. Он верил, что только переживание, потрясение, вызванные силой художественного слова, способны в душе человека зародить истинно нравственные ценности.

В повести «Генка, брат мой» главный герой вспоминает свое бесприютное детство во время войны, как он бежал из детдома, как голодный отважился на воровство и попался. «Зацапал меня милиционер — тут же сзади, за шею, но коржики я потерял позже, когда меня били та моя и чужие торговки. Они били несильно, потому что мешали друг другу, но милиционер не отпустил шею, и толчки приходились мне в голову. Вот тогда и появился в нашей сутолочи этот лейтенант-мальчишка и скомандовал: „Назад, каналы!“»

«Каналы» оказались по ту сторону нравственного барьера, и все же писатель не предаст их суду, нет, они жалки и несчастны, но лейтенанту в этом случае очень нужно скомандовать: «Назад!»

Раскаленный сплав социальных проблем, мыслей, позиций, оценок получает выход, как правило, в диалогах. В них скрещиваются точки зрения. Так, главный герой повести «Почем в Ракитном радости» Кузьма Останков приезжает в родное село много лет спустя после того, как он, четырнадцатилетним мальчиком, навсегда ушел оттуда, оклеветав своего дядю Мирона, который по его вине попадает в лагерь. Теперь Мирон уже вернулся. Жизнь в селе неузнаваемо изменилась: люди строят хаты, разводят сады. И Мирон тоже. И вот Останков встречается с Мироном.

«— Где ты отбывал, дядь Мирон?»

— Далеко, брат! — с прежней неискренней веселостью ответил он.

— А все же?

— Подписку дал не разглашать...

— Теперь на это начхать! — заявил я.

— Это верно, — сказал дядя, — да только видишь ли какое дело: говорить не хочется... Ну было и было... А зачем это вспоминать?

— А можешь не вспоминать? Все чтобы не вспоминать?..»

Не менее напряженны и диалоги Момича с милиционером Голубом, когда судили миром попа за умышленное одурачивание народа (Тетка Егориха), Рюмина с Алексеем после трагического разгрома роты курсантов (Убиты под Москвой). В них нет исхода спора, но всегда присутствует главная болевая точка, и писателю удается ее выразить иногда несколькими словами или фразами, и прежде всего с позиции — социальное через нравственное.

Писатель не берет на себя обязанность определять: виновен — не виновен. Он старается понять, какова доля причастности каждого ко злу или добру и мера ответственности за содеянное.

Приступая к работе над новым произведением, К. Воробьев обычно долго искал ту единственную интонацию, которая должна вести повествование и помочь найти путь к серьезному разговору с читателем о самом главном, сокровенном. Так, сдержанно-настороженный авторский голос и открыто-доверительный тон разговоров курсантов (Убиты под Москвой) усиливают у читателя чувство боли и непримиримости с трагической гибелью роты. Прощающе-умиротворенный настрой души Кузьмы Останкова, от имени которого ведется рассказ (Почем в Ракитном радости), вовлекает в активное соучастие в событиях, заставляет еще и еще раз выверить свои жизненные позиции. Отчаянно-взволнованный, почти на крике, голос Антопа Кержуна (Вот пришел великан...) заражает чувством неприятия тех, кто способен убить прекрасное, чистое, достойное.

В повести «Тетка Егориха» интонация повествования вверена Саньке: его детские глаза видят мир особенно зорко, его чистое сердце не способно лукавить. Изумление Саньки в минуты постижения происходящих в его судьбе изменений свято и непорочно: он ищет ответ на волнующие его вопросы. И читатель тоже невольно пытается ответить на них.

Еще работая над повестью «...И всему роду твоему», К. Воробьев уже выверял внутренний голос своей будущей книги, он ее предполагал написать предельно просто, точным, протокольным языком, как показание свидетеля.

И в первой повести «Это мы, господи!» найдена та единственная интонация, смысл которой так верно выражен в словах критика И. Золотусского о герое повести, испытывавшем ужасы фашист-

ских лагерей для военнопленных: «Он хотел не просто выжить, а выжить человеком».

К. Воробьев обладал абсолютным музыкальным слухом, обостренным чувством любви к природе, ко всему живому миру и видимо поэтому был неистов в поиске чистого слова. Достоверность переживаний героев и их причастность к событиям, ощущаемые при чтении произведений К. Воробьева, достигались писателем гигантским трудом. Ему всегда сопутствовало стремление честно и правдиво показать жизнь, чему он учился у Бунина с чувством преклонения перед его духовной мощью.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Разъясните, пожалуйста, что означают слова „Молох“ и „Жерминаль“ в названиях произведений А. Куприна и Э. Золя»
Е. А. Николаева, *Москва*

Молох (финик.) — бог солнца, огня и воды в мифологии древних финикий, карфагенян, аммонитян, бог, которому приносились человеческие жертвы. Отсюда произошло второе значение слова: *молох* — символ жестокой силы, требующей множества человеческих жертв. Это значение и использовал А. И. Куприн.

Жерминаль [фр. *germinal* < лат. *germen* росток, побег] — седьмой месяц (с 21–22 марта по 19–20 апреля) французского республиканского календаря, действовавшего в 1793–1805 гг.

В публикуемом отрывке из незавершенной и по-смертно напечатанной повести К. Воробьева «... И всему роду твоему» (1975) читатель встретится с архитектором Сыромуковым, тяжело и безнадежно больным человеком, не утратившим, однако, несмотря на жизненные испытания, веры в добро и справедливость.

К. Воробьев

„... И всему роду твоему“

Отрывок

Здание аэровокзала всегда производило на Сыромукова удручающее впечатление своим бегемотно-тяжелым видом, так как построили его тут уже давно, сразу же после войны, и руководящей идеей эстетически слепого архитектора, как полагал Сыромуков, не были избраны ни гармония, ни забота о парящем настроении пассажира. И у входа, и внутри самого здания было много массивных приземистых колонн, возведенных одна возле другой, но не несущих на себе почти никакой нагрузки. Склеп, А вернее, заземленный пантеон чьей-то давно померкшей славы, подумал Сыромуков, но тут же отметил, что сооружено это прочно, на века. Уже шла регистрация билетов на кавказский рейс, и Сыромуков стал в очередь: самолет отлетал в восемь, а на место прибывал в одиннадцать с минутами, — в Киеве была промежуточная посадка. Сыромуков плохо переносил высоту. Сердце в полете как бы разбухало, опускалось вниз, на желудок, и щемило так, что не помогали ни валидол, ни кордиамин. В сущности, он так и не выяснил до конца, что было причиной его дурного самочувствия в самолете — только ли большое сердце или же — помимо него — самая настоящая боязнь живота за благополучный исход полета. Изначальным всегда был тайный ребяческий страх у самолетного трапа, сердце же опускалось и щемило позже, когда взрывались турбины и следовало пристегиваться ремнями к креслу. Но как бы там ни было, а Сыромукову все же хотелось считать, что повинно во всем этом сердце, что страх появляется из-за него. Только из-за него.

— Вы будете крайний?

Сыромуков оглянулся и с нажимом ответил, что он последний. Спрашивал по-девичьи краснощекий молоденький лейтенант в отлично сшитой новой шинели. Фуражка с веселым задором сидела на его белесой голове, и белый шарф выпрастывался из-за

воротника шинели по-уставному узкой кокетливой полоской. Эта опрятность в одежде лейтенанта и весь его радостно-удачливый облик погасили в Сыромукове досаду на то, что тот произнес слово «крайний», ибо с удачливыми по виду людьми ему казалось безопаснее летать в самолете. Он поверяюще оглядел очередь и заметил в ней двух высоких молодцов кавказского типа в глыбовидных кепках и в одинаковых темно-зеленых нейлоновых куртках. Парни не выпускали из рук громадные дорогие чемоданы, и это тоже успокаивающе подействовало на Сыромукова: дети гор в последнее время сильно полюбили Прибалтику, благополучно доставляя сюда на Ту-124 виноград и мандарины и безаварийно увозя местный ширпотреб, главным образом ковры. Сыромуков решил сидеть в самолете рядом с лейтенантом или же с теми двумя...

Былет задерживался сперва на час, потом еще на два, и посадку объявили в одиннадцать. Мгла прекратилась, но небо было рыхлым и низким, насплошь затянутым тучами. На сыром аэродромном поле тесно стояли элегантные, хищно устремленные вперед самолеты, и, как всегда при виде их, Сыромуков испытал смутную обиду на свою судьбу — одного десятка таких «тутушек» хватило бы тогда, когда он командовал остатками роты под Ржевом. Да что там десятка! Хватило бы и пяти, даже трех, — каждый ведь небось может поднять две сотни пятидесятикилограммовых фугасных дур!

«Черт бы вас побрал!» — восхищенно и тихо обругал он в душе авиаконструкторов, опоздавших помочь ему тридцать лет назад. У нижней ступеньки трапа аристократически красивая девушка, похожая на лермонтовскую Мери, проверяла билеты и паспорта. Благополучный лейтенант, стоявший впереди Сыромукова, лихо козырнул ей, прежде чем подать документы. Потом он козырнул вторично, когда взял их назад.

— Не задерживайтесь! — строго сказала ему «княжна», и Сыромукову это понравилось непонятно почему. Свой посадочный талон, билет и бессрочный потрепанный паспорт он подал и принял безразлично-небрежно, не снимая с руки перчатку и избегая взглядом девушку, — тоже, как ему хотелось думать, неизвестно почему. Ни рядом с лейтенантом, ни позади тех двух в кепках сесть не удалось — каждый стремился занять свое кресло, указанное в билете, и в салоне образовалась толкучка. Соседом Сыромукова оказался человек неопределенного возраста с продолговатым болезненно землистым лицом. Он доверчиво, с мягким прибалтийским акцентом сообщил Сыромукову, как только уселся, что едет на курорт по бесплатной путевке.

— Вы тоже, может быть, в Эссентук?

— Нет, я дальше,— ответил Сыромуков и тут же, укорясь своей сухостью, вежливо, хотя и не без наставительности объяснил, что эссентукские воды давно признаны самыми лечебными в мире. Сосед деликатно кивнул. Ремнями пристегивались не все, но леденцы, которые внесла в салон «княжна», брал каждый. Скрытно от соседа Сыромуков положил себе под язык лепешку валидола и, глубоко втиснувшись в кресло, развернул газету — начинался взлет. Американцы, черт возьми, продолжали бомбить Северный Вьетнам... Они летают там на малой высоте, потому что иначе их сбивают ракетами. Это, наверно, очень просто — сбить высоко летящий самолет отлично сделанной ракетой. Они, надо думать, похожи на торпеды (...)

Ощущение земной тряски оборвалось внезапно, но в воздухе самолет чуть-чуть провалился, как бы осев на секунду в яму, и сердце у Сыромукова тоже провалилось — он не переносил невесомости. В иллюминатор было видно накрепченное крыло самолета, вернее, начальная его часть. Заклепок там хватало. Они отстояли одна от другой не дальше сантиметра, и Сыромуков оценил это как большое достоинство в самолетостроении — прочность ничему не вредила. Никогда. Хотя окончность крыла не проглядывалась из-за тумана, Сыромуков решил, что заклепок там должно быть еще больше, раза в два. Наконец самолет пробился за пределы туч и сразу же перестал крениться и вздрагивать. Салон озарился солнечным светом, а табло погасло — разрешалось курить. «Княжна» по внутреннему радио хозяйски вежливо предупредила уважаемых пассажиров, что в полете воспрещается пользоваться фотоаппаратом, сообщила фамилию командира корабля, скорость и высоту полета, температуру воздуха за бортом: там было сорок четыре градуса.

— Колодно небо! — дружелюбно сказал Сыромукову сосед. Он предложил сигарету, но Сыромуков поблагодарил — под языком у него в помощь ноющему сердцу лежала горько-холодная лепешка валидола. Она будет лежать там, если не сосать усиленно, еще минут пятнадцать или двадцать. В «Огоньке» ничего не было для воздушного чтения, зато в «Смене» оказалась любопытная притча об итальянском короле Умберто Первом. Король и похожий на него ресторатор по имени Умберто родились будто бы в один и тот же час, женились одновременно на девушках с одинаковыми фамилиями, в одни и те же даты у них появились сыновья и дочери, которых нарекли тождественными именами. Оба двойника — и король, и простолюдин — погибли в один и тот же день, но с той только разницей, что ресторатор попал под

колеса кеба, а короля пристрелил террорист. В этой истории все было хорошо, кроме конца, — кому такое надо! Жили бы и жили себе эти Умберты. Но черт угодил ресторатора под какую-то там повозку. В пьяном состоянии, конечно. И поскольку его жизнь фатальным образом была связана с судьбой второго Умберто, то и тому предстояло умереть одновременно с ним, хотя и другим способом. Это и понятно. Не мог же рок — или какая-то там надмировая непостижимая сила, называя как угодно! — толкнуть короля под колесо уличного рыдвана. Его величеству и смерть возвышенная. Для того и существуют — ну пусть существовали! — террористы... Кстати, убийцу, конечно, схватили и повесили. Но могло же случиться, что у него был свой двойник. Не обязательно в Италии, а вообще на земном шаре. Как же в этом случае? Получается, что тот тоже должен погибнуть? Даже будучи пи в чем не повинным? Очевидно, так. А вообще-то люди, в сущности, все двойники. Все до единого. Может, оттого за безумные античеловеческие преступления одного какого-нибудь мирового выродка в конечном итоге расплачивается жизнью не один человек, а тысячи. Даже миллионы, потому что тогда происходит некая кошмарно-кровавая цепная реакция... Да-да! Люди — двойники. И поэтому каждый обязан вести себя достойным образом. Всегда! При любых обстоятельствах!..

Читатель спрашивает

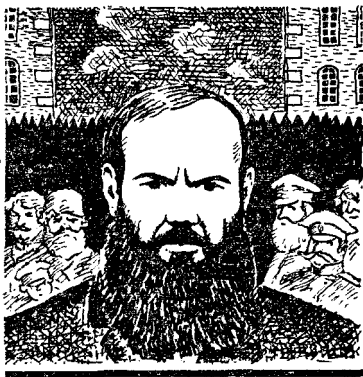
«Мне хотелось бы узнать о значении и происхождении слова *дизайн*».

И. Крузин, Киров

Слово *дизайн* заимствовано из английского языка: англ. *design* — «чертеж, проект, эскиз, рисунок, замысел». Но когда этим термином стали обозначать особую область искусства конструирования предметного мира, то значение его изменилось и расширилось. Смысл дизайна заключается в комплексном, системном подходе к каждой вещи. Область дизайна не только мебель, бытовые приборы, посуда, но и станки, машины, транспортные средства, упаковка, тара, реклама и т. д. Дизайн — это проектирование предметов, в которых польза была бы неразрывно связана с красотой. (Более подробно о слове *дизайн* «Русская речь» писала в 1976, № 6).

«Тетрадка каторжная» Ф. М. Достоевского

Е. А. Иванчикова,
доктор филологических наук

Долгих четыре года — с 23 января 1850 года по 23 января 1854-го — великий русский писатель Ф. М. Достоевский провел на каторге в Омском остроге. Из всех мук и лишений, которые предстояло ему вынести в течение этого срока, самым тяжелым было лишение права на писательство. Но творческая работа мысли не прекращалась для него и в это страшное время. Благодаря самоотверженному участию в его судьбе док-

тора арестантского госпиталя И. И. Троицкого и фельдшера А. И. Иванова Достоевский начал тайком вести разрозненные записи, впоследствии составившие его знаменитую Сибирскую тетрадь — первую известную нам записную книжку писателя.

В письме М. М. Достоевскому (30 янв. — 22 февр. 1854) через неделю после освобождения он признался, что время на каторге не было для него потеряно. «Сколько я вынес из каторги, — писал он брату, — народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродят и разбойников и вообще всего черного, горемычного быта! На целые томы достанет... Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его».

В другом письме — А. Н. Майкову (18 янв. 1856) Ф. М. Достоевский как бы продолжает эту мысль: «...даже каторжные не испугали меня, — это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушные, потому собственно, что мог понять его, ибо был сам русский».

В 1985 году в Красноярске Сибирская тетрадь Ф. М. Достоевского была впервые опубликована в качестве самостоятельного

издания под названием «Моя тетрадка каторжная». Так назвал свои записи сам писатель в одном из рабочих планов.

Издание открывается вступительной статьей академика Д. С. Лихачева. Публикация текста тетради сопровождается статьей исследователей творчества Достоевского — В. П. Владимирцева и Т. И. Орнатской. В статье прослеживается история создания этого уникального творческого документа, анализируется его содержательная структура, описывается состав и характер записей, оценивается общественно-историческое значение «тетрадки каторжной», ее значение как источника художественных идей писателя, как свидетеля его личной судьбы.

Комментарии В. П. Владимирцева и Т. И. Орнатской, по сравнению с представляющими в целом несомненную ценность комментариями текста Сибирской тетради, опубликованной в качестве приложения в 4-м томе академического Собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах, характеризуются большей полнотой и точностью. Записи Сибирской тетради соотнесены с данными фольклорно-этнографической и лингвистической литературы XIX—XX веков. Прокомментированы все записи, без изъятий. Т. И. Орнатской удалось, в частности, прочесть ранее считавшееся «загадочным» написанное латиницей слово *eheu*, означающее междометие «увы». Было показано, что оно последовательно сопровождает записи, отражающие различные моменты отношений Достоевского с его будущей женой М. Д. Исаевой. Был раскрыт, таким образом, личный, биографический пласт Сибирской тетради — «зашифрованный дневник чувств писателя».

Заслугой авторов примечаний является также и то, что благодаря соответствующим указаниям-отсылкам читатель получает возможность проследить за творческой судьбой «сибирских» записей — их употреблением в разных произведениях Достоевского. Материалами Сибирской тетради писатель пользовался всю свою дальнейшую жизнь.

Что же представляет собой «тетрадка каторжная» Достоевского? По внешнему виду это не озаглавленная, не датированная и не подписанная рукопись. Она занимает 28 листов писчей бумаги, сшитых в самодельную тетрадку суровыми и черными нитками, без переплета. Начальные страницы повреждены, запачканы, выцвели от времени. Всего в тетради 523 записи, из них 486 пронумерованы писателем. В авторском оригинале рукописи различимы несколько почерковых приемов. Записи, составившие тетрадь, велись, по предположению исследователей, в 1851–1860 го-

дах, а сама тетрадь была изготовлена, вероятно, в 1852–1853 годах.

Комментаторы отмечают сложный характер Сибирской тетради, ее исключительную смысловую емкость. Преобладающая форма записей — цитаты прямой речи, отрывки диалогов. Широко представлены почти все «малые жанры» фольклора: пословицы, поговорки, присловия, частушки, песни, притчи, легенды; мелькают прозвища, бранные слова, записаны и «просто» слова, которые писатель брал на заметку, — все, что он слышал вокруг, что вспоминал или придумывал иногда непосредственно «на месте». Записи большей частью лаконичны, порой отрывочны, не закончены. Взятые, несомненно, из первых рук, они отражают живое многоголосие и разноязычие «каторги». В них как бы звучит устно-диалогическая, по преимуществу народная речь. Встречаются записи с элементами украинского, еврейского, польского, татарского языков.

В «тетрадке каторжной» Достоевский наметил, как сказано в сопровождающей публикацию статье, богатейшую галерею человеческих типов и характеров. Это — балагуры, палачи, нищие, ревнивцы, приживальщики, шуты, разбойники, резонеры, философы, «божьи люди» — пленники Мертвого дома. Записи «тетрадки» — не простая регистрация услышанного, они все объединены личностью Достоевского, проникнуты общественными чувствами писателя и его собственным отношением к окружающей его жизни. Хотя о Сибирской тетради и написаны специальные исследования, она до сих пор принадлежит к наименее изученной части творческого наследия писателя.

Раскроем «тетрадку каторжную» Достоевского, перелистаем ее страницы. Среди обилия пословиц, поговорок, присловий, устойчивых фразеологизмов мы встретим и обычные, всем известные, широко распространенные и сейчас: «Один в поле не воин», «Молодец*против овец, а против молодца и сам овца», «У голодной куме и хлеб на уме», «Дальше положишь, ближе возьмешь», «На чужой кусок не разевай роток, а раньше вставай да свой затевай», «Снявши голову, по волосам не плачут». Есть и приспособленные к конкретной ситуации, «индивидуализированные» варианты подобных устойчивых выражений: «Чего суешься с невымытым рылом в калашный ряд», «Эх, брат! ворон воропу глаз не выклюет», «Прежде Ваня огороды копал, а нынче Ваня в воеводы попал».

Встречаются в записях народные изречения, поговорки более

редкие: «Холод такой в избе, что хоть зайца гоняй», «Не мой конь, не мой воз. Кто в деле, тот и в ответе», «Богослов, да не однослов». Записаны в тетради также народные шутливые благопожелания, своего рода формулы этикета: «С добрым утром, с наступающим днем!», «С обновкой вас! дай бог и лучше завести», «Будь здоров па сто годов, а что жил, не в зачет». Нередки сочные ругательства, проклятия: «Эх ты, огрызок собачий», «Ах ты, змеинное сало, щучья кровь!», «Чтоб тебя взяла чума бендерская, чтоб те извила язва сибирская, чтоб с тобой говорила турецкая сабля», «Ах ты, чтоб те якорило!»

Отражая разные стороны народной жизни, записи Сибирской тетради в значительной своей части обращены к социальной и тюремно-каторжной тематике. Сильно и резко звучит болезненный для писателя антидворянский мотив. «Железные носы, нас совсем заклевали» — так арестанты из простого народа говорили о политических заключенных — дворянах. В сибирских записях нашла свое специфическое продолжение тема «бедных людей», с которой так блистательно выступил Ф. М. Достоевский еще до каторги. Вот характерные пословицы, поговорки, выражения о нищете и голоде: «Богат Ерошка, есть собака да кошка!»; «А в доме такая благодать, что нечем кошки из избы выманить»; «А много ль имения-то? Встанет со стула, и все с ним»; «У меня братья в Москве в прохожем ряду ветром торгуют»; «Голодом сидят, девятый день трипницу жуют»; «А ты день не ешь, другой погоди, а третий опять не ешь».

Многочисленны и разнообразны записи собственно острожного фольклора: поговорки, пословицы, меткие выражения, отрывки тюремных легенд, анекдотов, песен, диалогические миниатюры, иносказательная фразеология арестантов. Например: «Умел людей резать, теперь ломай зеленую улицу, поверяй ряды»; «Этому 5 лет, тот па 12, а я вдоль по каторге»; «Не ходи в карантин, не пей шпунтов, не играй на белендрясе»; «Ты, брат, меня не забыл? Я, брат, Кольцов, не найти концов»; «Варнак, варначий сын, поселской сын, *сильно-каторжный*» (курсив Достоевского. — Е. И.); «Дома лаптем щи хлебал, а здесь чай узнал».

В каторжную тетрадку Ф. М. Достоевский заносил и характерную фразеологию, относящуюся к телесным наказаниям, которые были одним из видов смертной казни: «Придется понюхать кнута»; «Пришлось мне пройти по зеленой улице»; «Вот тут-то и дали мне двести...» — «Рублей?» — «Не, брат, палок»; «Вынапило мне две тысячи, дали мне пятнадцать кнутиков»; «Пробуновил тысячу».

Особо следует подчеркнуть, что записи Достоевского па тю-

ремню-каторжную тематику своей полнотой и подлинностью представляют большую ценность для историков, этнографов, фольклористов. Не меньшее значение имеют и некоторые записи, содержащие «сибиризмы»: «Не хочу в ворота, разбирай заплот»; «Сибиряк соленые уши»; «Что ты так оболосся?» — «А что, братан Петрович, Сиверко на дворе, прозяб!». Многие из подобных записей являются первой в нашей литературе фиксацией этого своеобразного — тюремного фольклорно-диалектного — материала.

Как отмечено в комментариях к настоящему изданию Сибирской тетради, в ее записях встречаются слова, значения которых не зафиксированы в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, например: *секутор* [ср.: *секуция* (от *сечь*) — *экзекуция*]; *якорить* (бранное), *умыться* (в выражении «моя копеечка умылась»); *дерзнуть* («Он меня дерзнул», то есть оскорбил); *произойти* («Все чины произошел»); *подражать* («Полно вашим дурачествам подражать», то есть *поблажать*).

Однако «тетрадка каторжная» Ф. М. Достоевского — это не только, конечно, этнографический и филологический документ. В первую очередь, это своеобразный предшественник его творческих дневников, который наряду с записными книжками и тетрадями 1860—1881 годов может служить источником для изучения мировоззрения, художественных замыслов, творческого процесса писателя. Почти все записанное в Сибирской тетради «оживает» на страницах многих произведений Ф. М. Достоевского. По подсчетам комментаторов настоящего издания, писатель обращался и цитатным творческим заимствованиям из текстов Сибирской тетради около 560 раз. Почти половина этих случаев — 290 — падает на книгу об остроге — «Записки из Мертвого дома». К остальным произведениям писателя, в которых использованы материалы тетради, относятся — по степени частоты цитации — следующие: «Село Степанчиково», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Подросток», «Дневник писателя», «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Дядюшкин сон», «Записки из подполья». Обычно фразеологизмами и словечками из «тетрадки каторжной» изъясняются народные персонажи — обитатели Мертвого дома, крестьяне, ремесленники, мещане, слуги, странники-богомольцы. Охотно использовали характерные словечки и меткие выражения из «тетрадки» и многие «непростонародные» герои (Горянчиков, Бахчеев, Маслобоев, Разумихин, Лебедев и др.), а также сам Достоевский-публицист.

О конкретной творческой судьбе некоторых каторжных запи-

сей Достоевского дадут представление хотя бы такие немногие иллюстрации из текстов его произведений. Роль Сибирской тетради как своего рода творческой лаборатории писателя непосредственно раскрывается в «Записках из Мертвого дома» — когда их «автор», Александр Петрович Горянчиков, цитирует, почти буквально по тексту «тетради», слова своих товарищей по острогу: «„Мы погибший народ,— говорили они,— не умел на воле жить, теперь ломай зеленую улицу, поверяй ряды“ — „Не слушался отца матери, послушайся теперь барабанной пикеры“.— „Не хотел шить золотом, теперь бей камни молотом“. Все это говорилось часто и в виде нравоучения и в виде обыкновенных поговорок и присловий...»

А вот образы бедности и нищеты, запечатленные народным слогом (в том же произведении): «Дом у нас был еще так себе, ничего, хоть гнилой, да свой, да в избе-то хоть зайца гоняй. Голодом, бывало, сидим, по неделе тряпицу жуем»; «...Значит, ты богатый, коли сложа руки сидеть хочешь? — Богат Ерошка, есть собака да кошка». Диалогическая зарисовка — перебранка арестантов: «— А ты вперед больше знай, да меньше болтай, крепче будет! — озлобленно замечает кто-нибудь.— Да ты что учишь-то, учитель? — Знамо дело, учу.— Да ты кто таков выскочил? — Да я-то покамест еще человек, а ты-то кто? — Огрызок собачий, вот ты кто.— Это ты сам».

Близка к речи арестантов Мертвого дома речь Федьки Каторжного из «Бесов», пересыпанная пословицами, народными просторечными словами и выражениями: «Наши доходишки, сами знаете, либо сена клок, либо вилы в бок. Я вон в пятницу на-трескался пирога, как Мартын мыла, да с тех пор день не ел, другой погодил, а на третий опять не ел. Воды в реке сколько хошь, в брюхе карасей развел...»

В «Братях Карамазовых» говорят о Дмитрии, ударившем отца и слугу Григория: «— Он меня дерзнул! — мрачно и раздельно произнес Григорий.— Он и отца „дерзнул“, не то что тебя! — заметил, кривя рот, Иван Федорович». Записанный в Сибирской тетради оборот народной речи *тихими стопами* («А сделали мы это, сударь, так сказать, тихими стопами...») получил реминисценции в нескольких произведениях: «К тетке я ходить не смел; она хоть и знала, а мы все-таки под видом делали, то есть тихими стопами» (Записки из Мертвого дома); «...Вот уже четвертую ночь вашей милости на сем мосту поджидаю, в том предмете, что и кроме них могу тихими стопами свой собственный путь найти» (Бесы); «Пошел я к ним в дом и стал осторожно про себя узнавать, тихими стопами, и перво-наперво спросил: тут ли

Миколай?» (Преступление и наказание); «— Но, ради бога, прежний секрет! — Тихими стопами-с, тихими стопами-с!» (Идиот).

Из тетрадных материалов была взята Ф. М. Достоевским формула приживальческой жизни «при милости на кухне», использованная для характеристики разных персонажей: «— Ишь, тоже выполз,— крикнул один.— Железный нос,— проговорил другой...— При милости на кухне состоит,— прибавил еще кто-то» (Записки из Мертвого дома); «...Родитель твой был столбовой дворянин, певедомо кто; тоже, как и ты, по господам проживал, при милости на кухне пробавлялся» (Село Степанчиково); «Поклонись от меня графине пониже да скажи, чтобы присылала почище тебя. Наняла она тебя, говори? У ней при милости на кухне состоишь?» (Бесы).

В речах персонажей Достоевского мы встретим также, например, воспроизведение записи о щегольстве — «Уж как разодета: журнал, просто журнал!»: «...Смотрю, а она одна перед зеркалом руки в боки, экосез выплясывает! Да ведь как разодета: журнал, просто журнал!» (Село Степанчиково); «А уж как разодета: журнал, просто журнал! — А что это, дядьшка, журнал? — спросил молодой...— А журнал, это есть, братец ты мой, такие картинки, крашенные, и идут они сюда к здешним портным каждую субботу, по почте, из-за границы, с тем то есь, как кому одеваться...» (Преступление и наказание).

Подобных примеров использования Достоевским записей Сибирской тетради в своем творчестве можно было бы привести очень много. На соответствующие поиски и более глубокие изыскания хорошо ориентирует читателя настоящее издание.

По словам академика Д. С. Лихачева, открывающим издание, Сибирская тетрадь — «это уникальный памятник русской демократической культуры, в котором бьется пульс народной жизни, заключенной в страшном Мертвом доме».

Рисунок Н. Беланова

СЛОВАРИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ*

В. Н. Сергеев,
кандидат филологических наук

Чтобы владеть всем богатством русского языка, надо знать много: синонимы, фразеологизмы, крылатые слова, пословицы и поговорки и т. д. Специальные словари облегчают эту задачу. Первым опытом синонимического словаря в советское время явился «Краткий словарь синонимов русского языка» (1-е изд., 1956, 2-е, 1961). Это справочное пособие, предназначенное преподавателям русского языка и ученикам старших классов, содержит около 3 000 слов, собранных в синонимические гнезда. В 1968 году был издан «Словарь синонимов русского языка», автором которого является З. Е. Александрова (5-е изд., 1986). В нем около 9 000 синонимических рядов, часто включающих указания на особенности употребления отдельных членов ряда в речи, на их стилистическую характеристику.

Значительным событием в отечественной лексикографии явился выход в 1970–1971 году двухтомного «Словаря синонимов русского языка» (главный редактор А. П. Евгеньева). В нем наиболее полно описаны русские лексические синонимы, употребление каждого из приведенных слов подтверждено большим количеством иллюстраций. Словарь был высоко оценен широкой научной общественностью: А. П. Евгеньевой была присуждена премия имени А. С. Пушкина АН СССР. На базе этого Словаря был подготовлен однотомный «Словарь синонимов» (1975) под редакцией А. П. Евгеньевой, рассчитанный не только на специалистов-филологов, но прежде всего на широкого читателя, интересующегося выразительностью и точностью родного языка.

Известно, что в качестве синонимов выступают не только слова, но и фразеологизмы. Говоря о русской фразеологии, следует в первую очередь назвать «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1-е изд., 1967, 4-е, 1986). В нем собрано и истолковано свыше 4 000 наиболее распространенных фразеологизмов, приведены различные формы употребления, синонимы и антонимы, а в некоторых случаях – све-

* Окончание. Начало в № 5 за 1987 г.

дения об их происхождении. На примерах из классической и современной русской литературы показано, как фразеологизмы употребляются в речи.

Группа лексикографов под руководством В. П. Жукова выпустила в свет «Словарь фразеологических синонимов русского языка» (1987). В нем около 730 синонимических рядов. В словарных статьях содержится подробное лексикографическое описание как синонимического ряда в целом, так и его компонентов, богатый иллюстративный материал, отражающий употребление фразеологизмов в художественной и публицистической речи.

Русский язык, подобно другим языкам мировой культуры, располагает обширным запасом иноязычных выражений и слов, которые употребляются без перевода и с соблюдением графики и орфографии языка-источника. Правильно понять эти иноязычные «вкрапления», часто имеющие международный характер, поможет специальный «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (в 2 томах. 1-е изд. 1966, 2-е, переработанное и дополненное, т. 1, 1984; т. 2, 1987).

К этому словарю примыкает «Словарь латинских крылатых слов», составленный Н. Т. Бабичевым и Я. М. Боровским (2-е изд., 1986). Справочник включает латинские крылатые слова и цитаты, некоторые терминологические сочетания из области философии, логики, права и отдельные слова, употребляющиеся в русском тексте без перевода. Латинские выражения, как правило, сопровождаются иллюстративным материалом из произведений классиков марксизма-ленинизма, научных трудов и публицистики, из произведений русской и переводной художественной литературы.

Четыре издания выдержала популярная книга Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (4-е изд., 1987).

Огромное число новых слов и значений, появившихся в советское время, не могло остаться без внимания лингвистов. Слова и выражения с разных сторон исследуются учеными. Новые слова революционной эпохи включены в Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, где используется особая помета «нов.», то есть новое слово или выражение. В основном эту помету имеют неологизмы советской эпохи: *колхоз, колхозник, колхозница, колхозный, комсомол, комсомолец, пятилетка, парторг, совхоз, тракторист, тракторостроение* и др.

В Словарном отделе Института языкознания АН СССР (Ленинград) группа сотрудников (под руководством Н. З. Котеловой)

следит за появлением новых слов, выражений, новых значений у слов известных. Подготовлены специальные словари и справочники, в которых помещены неологизмы советской эпохи. В 1971 году впервые был создан словарь-справочник «Новые слова и значения» (по материалам прессы и литературы 60-х годов) под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. В 1984 году издан второй такой словарь, подготовленный по материалам прессы и литературы 70-х годов (под редакцией Н. З. Котеловой). Одновременно с подготовкой таких словарей составляются ежегодные выпуски серии «Новое в русской лексике» (Словарные материалы — 77, 78, 79, 80, 81, 82). Эти словари и ежегодники существенно дополняют сведения о словах и выражениях, употребляющихся в современном русском языке. Последний ежегодник был издан в 1987 году и содержал лексикографическое описание не зафиксированных в словарях и справочниках слов и значений слов, словосочетаний, встретившихся в периодической печати 1982 года.

Большое внимание ученые уделяли подготовке словарей, из которых можно было бы почерпнуть сведения об историческом прошлом словарного состава языка, происхождении и этимологии слов. Наиболее известны переизданные этимологические словари А. Г. Преображенского (1958) и М. Фасмера (1-е изд., 1964—1973; 2-е изд., 1986—1987). В качестве пособия для учителей подготовлен «Краткий этимологический словарь русского языка» (1-е изд., 1961; 3-е, переработанное и дополненное, 1975). В МГУ под руководством Н. М. Шанского составляется «Этимологический словарь русского языка» (опубликовано восемь выпусков словаря; последний — буква К).

Значительным событием в отечественной науке является подготовка под руководством О. Н. Трубачева «Этимологического словаря славянских языков». Этот словарь (опубликовано 13 выпусков, 1974—1987; последний — буква К) дает полное систематизированное обобщение научных сведений о древнем слое лексики всех славянских языков, его распространении, происхождении и родственных связях, а также результатов предшествующих этимологических исследований.

В области исторической лексикографии советские ученые подготовили ряд очень важных работ. Издано 12 выпусков «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (1975—1987), включая букву О. Это общедоступное пособие поможет при чтении древнерусских текстов различных жанров, служит также источником для исследований по исторической лексикологии, словообразованию, этимологии. Для научно-исследовательской работы в советское время были

переизданы «Материалы для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (1958).

С 1984 по 1987 годы вышли 3 выпуска «Словаря русского языка XVIII века» (главный редактор Ю. С. Сорокин). В нем дано описание лексики русского языка в эпоху формирования в России нового литературного языка на национальной основе. Словарь был удостоен бронзовой медали ВДНХ. Работа над очередными выпусками продолжается.

В советское время большая работа ведется по собиранию и изучению диалектной лексики, в том числе по созданию словарей, отражающих ее. В первые послереволюционные годы составляются прикняжные и пристайные словарики диалектных слов, местных слов и речений, названий разных промыслов.

В 1929 году был издан «Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков» А. В. Миртова. В 60–80-е годы появляется ряд диалектных словарей, подготовленных в вузах и научно-исследовательских институтах страны. Самым значительным предприятием в области диалектной лексикографии является «Словарь русских народных говоров», подготавливаемый в Институте языкознания АН СССР (Ленинград). Замысел Словаря принадлежит Ф. П. Филипу. Словарь включает диалектные слова и значения, фразеологию, терминологию, архаизмы, элементы арго, входящие в диалектную систему и т. п. Этот самый крупный в отечественной диалектной лексикографии фундаментальный труд объединяет материалы, накопленные несколькими поколениями русских диалектологов и любителей народного слова на протяжении почти двух столетий. После смерти Ф. П. Филина работа ведется под руководством Ф. П. Сороколетова. С 1965 по 1987 годы опубликовано 22 выпуска словаря (последний — буква О).

Языковеды фиксируют в специальных словарях названия жителей РСФСР и СССР, прилагательные, образованные от географических названий, создают частотные и обратные словари. Ученые кропотливо изучают древние памятники, творческое наследие русских и советских писателей. Изданы 4-томный «Словарь языка Пушкина», «Новые материалы к словарю Пушкина». С 1975 года издается «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» (вышло пять выпусков, последний — буквы Н–П). Создан в шести выпусках замечательный «Словарь-справочник „Слова о полку Игореве“» В. Л. Виноградовой (под редакцией Б. А. Ларина, Б. Л. Богородского и Д. С. Лихачева). В разных городах нашей страны ведутся работы над словарями языка С. Есенина, М. В. Ломоносова, В. Маяковского, Л. Толстого, А. П. Чехова и других.

Большую работу лексикографы проводят по подготовке учеб-

ных словарей как для школьников, так и для тех, кто изучает русский язык в качестве иностранного. Учебные словари составляют новую отрасль советской русской лексикографии. Для школьников издано несколько словарей, например: «Орфографический словарь», «Грамматико-орфографический словарь», «Словообразовательный словарь», «Толковый словарь», «Словарь антонимов», «Словарь синонимов», «Фразеологический словарь», «Словарь иностранных слов» (подробнее см.: Сергеев В. Н. Словари — наши друзья и помощники. М., 1984). В 70–80-е годы вышли в свет: «Краткий толковый словарь русского языка для иностранцев» под редакцией В. В. Розановой, «Словарь-справочник по русской фразеологии» Р. И. Яранцева, «Словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина, «Словарь грамматических трудностей русского языка» Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова и другие учебные словари.

В послеоктябрьское время продолжалось издание словарей иностранных слов. Основная их задача — объяснить значение заимствованных слов, принятых в современном употреблении. Таких словарей разного научного достоинства выходило немало. Наиболее авторитетный из них — «Словарь иностранных слов» под редакцией И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова (1-е изд., 1937). Словарь неоднократно переиздавался и перерабатывался (в 1964 году вышло 6-е издание под редакцией И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова и Л. С. Шаумяна; в 1987 г. — 14-е, испр.). Словарь содержит около 19 000 слов и терминологических сочетаний, вошедших в разное время в русский язык. Это общеупотребительная лексика и общераспространенные термины по различным отраслям знаний. При каждом слове даются толкование и справка о его происхождении.

Советские лексикографы ведут работу над новыми типами словарей. Коллектив сотрудников Института русского языка АН СССР составляет Словарь языка В. И. Ленина, в котором будет представлена лексика и фразеология «Полного собрания сочинений» в 55 томах. Издание такого типа готовится впервые, ему нет примеров в истории науки.

После Великой Октябрьской социалистической революции подготовлено множество терминологических словарей и энциклопедических справочников, переводных словарей, однотомных и многотомных энциклопедий. Создавая словари и справочники, ученые стараются сохранить все лучшее, что создано их предшественниками.

Ленинград

Гибридные слова — средство комического

В. М. Костюков,
кандидат филологических наук

Пресса оперативно откликается на все события, представляющие общественный интерес. Для передачи быстрой реакции на какое-либо явление и его эмоциональной оценки часто употребляются так называемые гибридные слова, которые могут создаваться почти мгновенно по тому или иному случаю. Эти индивидуально-авторские образования состоят из элементов, представляющих собой внутренние формы слов, контрастных по смыслу или по стилю. Совмещение значений слов в гибридах происходит по принципам народноэтимологического словопроизводства (подробнее об этом см.: Костюков В. М. В поисках яркого слова. — Русская речь, 1983, № 6). Оценка, заключенная в том контексте, который рождается в результате столкновения далеких понятий, носит сниженный характер и передает самые разнообразные оттенки комического — иронию, юмор, сатиру.

Особенность гибридных слов состоит в том, что их оценочность индивидуальна, так как они создаются определенным автором. Однако в языке прессы эта индивидуальность выступает как проявление общественного отношения к описанному событию, факту. Например, в баснях периода Великой Отечественной войны широко использовались слова и выражения, с помощью которых по-народному высмеивались фашистские вояки. В журнале «Крокодил» военных лет мы находим гибриды: *Удериан* (от *Гудериан*), *Риббентруп* (от *Риббентрон*), *жили-выли* (об окруженных фашистских молодчиках), *Разгром-на-Дону* (от *Ростов-на-Дону*), *по-ДОНок* (о немцах, разбитых на Дону), *псыФРИЦЫри* (от *псы-рыцари*), *блицкрик* (от *блицкриг*). В этом журнале была рубрика «Новые немецкие пословицы», в которой встречалась такая: «Впереди смерть, а сзади *Гиббельс*» (1941, № 31) — от *Геббельс*.

В современном языке гибридные слова проникают во многие газетно-публицистические жанры и широко используются в качестве оценочного выразительного средства. Нередко встречаются они в дружеских шаржах. Например: «В этом мире, в этом городе...» — шарж на известную певицу Эдиту Пьеху:

В глубине сердец рождает эхо
Голос нежный,
голос добрый,
голос гордый...

Голос творчества — душа усПЕХА... (Крокодил, 1984, № 24).

В «Литературной газете» сравнительно недавно стал складываться жанр фототеста. Отвечая на вопросы «Фотоателье», читатели очень часто создают свои слова. Информация о фототесте озаглавлена *Трахтатория* (на снимке — три мотоцикла, в которые вмонтированы различные музыкальные инструменты; отсюда соединение слов *трах-тах-тах+оратория*). Удачной признана и другая подпись к тому же снимку — *Оркестранствующие*.

Гибридные слова могут быть теми микрообразами, в которых выражаются тончайшие оттенки авторской оценки — ласкательной, сочувственной, интимной, горестной, бичующей и т. д. Например, *скалоласковая* в песне В. Высоцкого «Скалолазка» и *бабилей* (*юбилей+баба*) в рассказе Ф. Абрамова «Бабилей», в котором автор с горечью пишет, как сельские женщины, собравшись на юбилей подруги, стали сводить счеты, вспомнив прошлые обиды.

В языке прессы рассматриваемые слова часто выносятся в заголовок, заключающий в себе информацию о содержании публикации, об оценочной позиции автора. «Старик *Хватабыч*» (Известия, 1984, 8 апр.) — так назван фельетон о людях, которые хватаются за множество дел, но ни одного из них не доводят до конца. Иногда заголовок непонятен без ознакомления с материалом статьи, фельетона, очерка и т. д. О значении слова *ураул*, вынесенного в заголовок, мы узнаем лишь из текста фельетона: «Читаешь отчеты снабженцев, любишь величественными айсбергами цифр, и в горле невольно зреет благодарное: „Ура!“». Но стоит взглянуть на подкладку айсберга, как потянет крикнуть: „Караул!“ В итоге получается смесь восторга с недоумением, которую можно сформулировать, как „Ураул!“» (Известия, 1985, 18 авг.).

Однако гибриды могут выполнять и более сложные композиционно-эстетические функции. Ироническое поэтическое обращение к объединению «Свобода», выпустившему мыло «Любимые мелодии» с текстом песни А. Суркова «В землянке» на обертке, Е. Нефедов назвал «Ты моя *мылодия*...» Здесь преобразована известная песня А. Пахмутовой на слова Н. Добронравова «Мелодия», в которой лирический герой именует свою любимую мелодией. Е. Нефедов же тонко высмеивает своего «героя» (объединение «Свобода»), любимая ассоциируется с мылом, о чем свидетельствует последняя строфа, в которой звучит авторское осуждение: «Давно бы эту прыть Нелепого дурмана Пора остановить. На мыло „мыломанов“!» Слово *мыломан*, образованное от *меломан*, рядом с фразеологизмом «на мыло!» становится экспрессивным и емким по смыслу. Оно включает в себя иронию (*мыломан* — это такой меломан, для которого звуки музыки связаны... с мылом).

Иную функцию выполняют гибриды в жанре пародии. На подчеркнуто обильном их использовании построена небольшая по объему пародия «Баобабская сказка» Ю. Шанина на книгу М. Яснова «Лекарство от зевоты». Здесь встречаем: *ягуяростно* (*ягуар + + яростно*), *шакалоши* (*шакал + калоши*), *джунглианы* (*джунгли + + лианы*). Например: «Вспоминал он, лежа в яме, как приветливо бывало Баобабушка ночами „Баобабюшки“ певала» (Лит. газета, 1985, 20 февр.) С помощью гибридов Ю. Шанин подчеркивает отсутствие художественного вкуса у автора пародируемого стихотворения.

Рассмотренный материал свидетельствует об активном использовании гибридных слов во многих газетных и журнальных жанрах. Это один из способов передачи самых разнообразных оттенков комического — от добродушного юмора до острой сатиры.

Уральск

Читатель спрашивает

«Что означает слово *кавалькада* и как оно употребляется?»

Г. Новикова, *Пермь*

Кавалькада (от французского глагола *cavalcader* — «кататься, ездить верхом») — группа всадников, едущих вместе. Это традиционное значение.

В современном русском языке границы употребления этого слова расширились: *кавалькада* означает движущуюся группу, вереницу, процессию вообще, например, «кавалькада официантов».

Не употребляется слово *кавалькада* по отношению к веренице автомобилей: кавалькада грузовиков. Неверны, тавтологичны и выражения типа кавалькада верховых, кавалькада наездниц

Н. И. Греч — грамматист

И. Г. Добродомов,
доктор филологических наук

Писатель, журналист, переводчик, языковед, литературовед и педагог Николай Иванович Греч (1787–1867) широко известен как издатель и редактор многих русских периодических изданий первой половины XIX века. Издаваемый им с 1812 года «Сын Отечества» долго, особенно на первых порах его существования, был одним из лучших журналов России того времени. Н. И. Греч был также соиздателем-редактором газеты «Северная пчела», первым редактором «Журнала Министерства внутренних дел», преобразованного в газету «Северная почта» и далее в «Правительственный вестник», ре-

дактором журналов «Библиотека для чтения», а также «Новое детское чтение» и «Русский вестник», активно участвовал в других журналах и альманахах своего времени.

Педагогическая деятельность Н. И. Греча началась в 1804 году, когда он стал преподавать русский язык и словесность в частных и государственных учебных заведениях (Петровском училище, 2-й петербургской гимназии, Пажеском корпусе и др.). В русском языкознании Н. И. Греч более всего известен как грамматист нормализаторского плана. Более полувека неутомимый ученый выпускал книги и статьи для читателей разного круга. Выходу грамматик Н. И. Греча предшествовала длительная подготовительная работа.

В 1827 году появился первый том задуманной в двух томах «Пространной русской грамматики», переизданный с исправлениями в 1830-м, но продолжения в виде второго тома не последовало. Первый том содержал лишь две из предусмотренных сначала пяти частей: «Этимология общая» и «Этимология частная». Сокращенной версией этой книги была «Практическая русская грамматика» (1827),

переизданная с исправлениями в 1834 году, где материал «Пространной русской грамматики» подавался без общеязыковедческой теории и исторических суждений, зато издание содержало дополнительно еще три части: «Синтаксис, или словосочинение», «Орфоэпия, или произношение слов» и «Орфография, или правописание». В предисловии Н. И. Греча к «Пространной грамматике» указывалось, что ему «способствовали в совершении труда» видные ученые и писатели того времени А. Х. Востоков, В. А. Жуковский, О. И. Сенковский и др. Большую ценность в этом труде представляет обстоятельный обзор всех предшествующих попыток создания русских грамматик в России и за рубежом.

В 1828 году вышел сильно сокращенный вариант — «Начальные правила русской грамматики». С некоторыми изменениями книга публиковалась девять раз, десятое издание — «Краткая русская грамматика» (1843) — также выдержало ряд переизданий.

В качестве методического руководства к «Начальным правилам...» были изданы в 1832 г. «Практические уроки русской грамматики» и «Ключ к „Практическим урокам русской грамматики“» (второе издание — 1843 г. — «Руководство к изучению русской грамматики» и «Ключ к решению задач, содер-

жащихся в „Руководстве к изучению русской грамматики“»). Специальные авторские «ключи» служили для того, чтобы проверить правильность выполнения упражнений; особенно они были полезны для самостоятельно изучающих русскую грамматику.

Переработанный вариант «Краткой русской грамматики» был выпущен в 1860 году уже под названием «Русская грамматика первого возраста» и выдержал четыре издания (последнее в 1868 г.), причем было два варианта этой книги с разными подзаголовками: «Ученическая» и «Учительская». Для учащихся предназначены и «Учебная русская грамматика» (1851) с сокращенным вариантом — «Начальная русская грамматика» (1852) в сопровождении сборника упражнений «Задачи учебной русской грамматики» и ключа к ним «Решение задач начальной русской грамматики». Но этот учебно-методический комплекс, вероятно, успеха не имел, и дальнейших его изданий не последовало.

Граматики Н. И. Греча и появившиеся несколько позже грамматики А. Х. Востокова долгое время издавались параллельно. Их популярность была настолько велика, что в 1832 году старший современник этих авторов известный филолог и переводчик академик И. И. Мартынов (1771–1833) выпустил «Свод „Сокращенной русской

грамматики" г-на Востокова и „Начальных правил русской грамматики" г-на Греча, сделанный И. Мартыновым с присовокуплением его сочинений: 1) О словорасположении вообще, и свойственном русскому языку в частности; 2) Игра согласных букв в словопроизводстве; 3) Опыт разбора грамматического и 4) Опыт разбора стихотворческого и риторического».

Позже появилась «Русская азбука, составленная по грамматикам Н. Греча и А. Востокова. С присовокуплением „Сокращения русской грамматики", правил чистонисания и каллиграфических чертежей» (СПб., 1841). Довольно сурово настроенный по отношению к Н. И. Гречу, известный критик В. Н. Майков в своем обзоре «Нечто о русской литературе в 1846 году» дал восторженную оценку «Русской азбуки» Греча: «При этом с особенным удовольствием вспоминаем услугу, которую в прошлом году оказал г. Греч для первоначального обучения, издав „Русскую азбуку", лучше которой у нас ничего не являлось еще в этом роде» (см.: Майков В. Н. Литературная критика. Статьи. Рецензии. Л., 1985).

Н. И. Греч принимал активное участие в обсуждении проблем методики преподавания русского языка в начальных и средних учебных заведениях. Его публикации по этим вопро-

сам получали многочисленные отклики со стороны видных ученых — языковедов и методистов, как это произошло, например, с его статьей «Заметки о преподавании языка и словесности» (1856), вызвавшей бурную дискуссию в разных газетах и журналах.

Создав систему учебных грамматик и методических руководств к ним, Н. И. Греч постоянно откликался на новинки языковедческой литературы, выступая с разбором наиболее заметных трудов. Уже в преклонном возрасте он сделал глубокий анализ академической грамматики, принадлежавшей перу его младшего современника академика И. И. Давыдова (1794—1863).

Грамматические труды, а также активная издательская и редакторская деятельность Н. И. Греча способствовали преодолению разнобоя в русском правописании и укреплению орфографии, которая была выработана в писательской практике Н. М. Карамзина.

Нормализаторскую деятельность Н. И. Греча продолжал его сын Алексей Николаевич Греч (1814—1850), который выпустил в типографии отца небольшой словарь разного рода трудностей русского языка под названием «Справочное место русского слова. Четыреста поправок» (СПб., 1839). Спустя четыре года он вышел вторым, пересмотренным и дополнен-

ным изданием с измененным подзаголовком «Четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы ѣ» (подробнее об этом первом русском словаре правильностей см.: Русская речь, 1983, № 5).

В первой половине XIX века филология еще не знала того разделения на языкознание и литературоведение, которое существует в современной филологической науке. Н. И. Греч был ученым своего времени: наряду с известными трудами по русской грамматике ему принадлежит и первый опыт истории русской литературы, для которого он, с согласия митрополита Евгения (Евфимия Алексеевича Болховитина, 1767–1837), использовал материалы последнего.

Первый учебник по русской словесности «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании» (СПб., 1812) был выпущен Н. И. Гречем «для употребления в верхних и средних классах».

Три издания выдержала большая литературная хрестоматия Н. И. Греча в четырех частях «Учебная книга Российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности»

(СПб., 1819–1822). В четвертой части книги помещен «Опыт краткой истории русской литературы», вышедший в том же году и отдельно без каких бы то ни было существенных изменений, но с эпиграфом из Плиния, посвящением графу Н. П. Румянцеву, и предисловием, в котором звучат (как и в предисловии ко всей «Учебной книге») слова извинения за возможные недостатки впервые предпринятого труда. Второе, исправленное издание «Учебной книги» вышло в 1830 году, а третье, тоже исправленное и дополненное — в 1844-м.

В специальной статье по поводу столетия «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча академик В. Н. Перетц подчеркнул: «Гречу принадлежит та неоспоримая заслуга, что он, еще мало заметный, начинающий педагог, осмелился повернуть изучение словесного творчества в России на *новый, исторический путь*, по которому уже уверенно пошли — и Шевырев, и Буслаев, и Тихонравов, а главное — свою, пусть несовершенную, схемой он подготовил и молодежь, учившуюся по его руководству, к восприятию нового направления в науке, давшего обильные плоды во второй половине XIX века. Этого не следует забывать *историкам* русской литературы».

В своем «Опыте краткой истории русской литературы» Н. И. Греч при характеристике литературы определенной эпохи обращает внимание на особенности языка этого периода. Жаль, что эта очень полезная попытка не перешла в устойчивую традицию.

Общефилологический характер носили двухтомные «Чтения о русском языке», вышедшие в Петербурге в 1840 году на основе 15 публичных лекций, читанных Н. И. Гречем в 1839—1840 годах. Книга была встречена с большим вниманием русской периодической печатью.

В 1834—1836 годах Н. И. Греч возглавлял редакцию «Энциклопедического лексикона», издаваемого А. А. Плюшаром, а с 1837-го редактировал «Военно-энциклопедический лексикон». В виде краткого словаря составлена Н. И. Гречем заключительная, третья часть его «Учебной всеобщей географии» (СПб., 1838, 2-е изд., 1844) — «Истолкование слов и предметов всеобщей географии». Известно, что он активно помогал известным лексикографам Ф. И. Рейфу и В. И. Далю при чте-

нии ими корректур словарей, а также принимал заинтересованное участие в обсуждении разного рода лексикографических проектов, в которых излагались планы построения русских толковых словарей.

В свое время пользовались популярностью художественные произведения Н. И. Греча, особенно романы «Черная женщина» (1834) и «Поездка в Германию» (1836). Его многочисленные путешествия по странам Западной Европы нашли отражение в путевых очерках, которые печатались в периодике и публиковались отдельными изданиями. Дважды при жизни Н. И. Греча выходило собрание его «Сочинений» (1838 и 1855).

Прожив долгую и интересную жизнь (Н. И. Греч скончался на 80-м году жизни 12 января 1867 года), он оставил любопытные воспоминания, которые по частям начали печататься еще при жизни, а впоследствии выходили и отдельными книгами. В этих воспоминаниях дано описание общественной и культурной жизни первой половины XIX века.

Рисунок С. Жагина

Известный советский ученый-филолог Г. О. Винокур (1896—1947) — автор статей и монографий по различным вопросам общего языкознания, истории русского литературного языка, лексикографии, культуры речи, орфографии, а также текстологии, пушкинистики, стиховедения. Занятия наукой Г. О. Винокур успешно совмещал с преподавательской работой. В разные годы в вузах Москвы он читал почти все языковедческие курсы, а впечатления от его курса по истории русского литературного языка, от обаятельной личности ученого до сих пор хранит благодарная память его учеников.

Г. О. Винокур — ученый и человек

Воспоминания не по случаю...

З. С. Паперный,
доктор филологических наук

Я познакомился с Г. О. Винокуром будучи студентом ИФЛИ — Института философии, литературы, истории имени Н. Г. Чернышевского. С той поры прошло уже полвека. Написал эту фразу и — просто дух захватило от того, как геронтологично она звучит.

Странное дело: со времени нашего знакомства лет прошло много, а помнится все так, будто было совсем недавно. Григорий Осипович вошел в нашу жизнь прочно, навсегда.

Он читал нам историю русского литературного языка. Как-то он стал говорить о разных формах настоящего времени. Мне захотелось сказать ему о такой: речь идет о повседневном и многократно повторяю-

щихся действиях персонажа. Например: обычно он встает тогда-то, делает то-то. Долго я не решался подойти к Григорию Осиповичу, наконец все-таки отважился. Когда я начал говорить, преодолевая смущение, Григорий Осипович как-то необыкновенно внимательно стал слушать. Даже ладонь при- ставил к уху, чтобы лучше слышать. Запинаясь от стеснительности, я кое-как изложил свое скромное наблюдение. Григорий Осипович сказал:

— Вы это очень точно наблюдали...

«Наблюли!» Винокуровское слово прозвучало, как что-то сказочное, как примета мира, для меня, тогдашнего студента, совершенно недоступного —

мира академической пауки. Есть такие слова, если можно так сказать, слова с высшим образованием. Например: «Это поучило нашу профессуру».

Потом, встречаясь с Винокуром, я постоянно обращал внимание на его речь, словоупотребление, произношение. Слова звучали естественно, и в то же время была в них какая-то подтянутость, что ли. Когда я как-то сказал: «одновременно», он тут же меня поправил: «одновременно». Мне показалось, что в таком произношении слово как бы распрямилось.

Я сказал: «Встать в позу». Винокур поправил: «Стать в позу». И пояснил: «В позу не встают, а становятся».

От первого разговора с Григорием Осиповичем впечатление осталось необыкновенно приятное. Он, преподаватель, разговаривал со студентом не как известный специалист с начинающим. Нет, он намеренно отодвигал в сторону это различие. Мы с вами два человека, занятых вопросами науки, а все остальное подробности, — вот, что определяло беседу Григория Осиповича. И, надо сказать, это была не только его личная черта. То же ощущалось во встречах с молодежью моего руководителя в ИФЛИ и в аспирантуре МГУ Н. К. Гудзия, Н. Л. Бродского, Г. А. Гуковского.

Помню, Гудзий взял меня на обсуждение учебника Гуковско-

го по русской литературе XVIII века. Я выступил, очень хвалил эту талантливейшую книгу, но упрекнул автора в том, что он мало сказал о стихотворном мастерстве Державина. Я тогда писал доклад на эту тему в семинаре Гудзия и говорить мог только о ритме и рифмах Державина. Отвечая выступавшим и, в частности мне, Г. А. Гуковский сказал: я бы с удовольствием включил в свой учебник приведенные примеры, но я думаю, что — и тут он назвал меня — сам опубликует это в своих работах.

Я был потрясен: о студенте Гуковский говорил как о самостоятельном ученом, который может что-то публиковать!

У Винокура, Гудзия, Гуковского, Бродского демократичность была в крови, они обращались к младшим — по возрасту и по званию — с оптимистической верой, с той уважительностью, которая помогала их молодым коллегам поверить в себя. Мы с вами, молодой человек, равны перед наукой, как перед богом, — вот их установка.

Отсюда — весьма характерное поведение Винокура на экзаменах. Он принимал их как-то застенчиво. Не говорил: что вы знаете о том-то? Но всегда так: ну, вы, конечно, хорошо знаете то-то и то-то. Григория Осиповича словно стесняло то обстоятельство, что он и студент, два равноправных существа, поставлены в неравные условия, и он

деликатными оборотами все время подчеркивал, что это не экзамен, а вольная беседа.

Нам, студентам, это очень нравилось, мы шли к Винокуру как на праздник, и из всех сил старались оправдать его доверительные обороты вроде: вы, конечно, хорошо знаете.

Курс Г. О. Винокура по истории русского литературного языка никто не пропускал. Это были увлекательнейшие лекции. В чем тут секрет?

Однажды Леонид Иванович Тимофеев сказал:

— Наши научные труды должны быть интересными. Но в каком смысле? Не стоит нам прибегать к каким-нибудь ухищрениям, чтобы завлечь читателя. Главное, чем должны наши работы «занимать» — это логика самой мысли, она должна развивать сюжет работы.

У Чехова в «Скучной истории» профессор Николай Степанович так рассказывает о своих лекциях: «...внимание утомлено. Нужно принять меры. Пользуясь первым удобным случаем, я говорю какой-нибудь каламбур. Все полтора лица широко улыбаются, глаза весело блестят, слышится ненадолго гул моря... Я тоже смеюсь. Внимание освежилось, и я могу продолжать».

Григорий Осипович не прибегал к таким приемам. Его лекции было интересно слушать не за счет занимательности, привнесенной извне, — она

проступала изнутри, из самой сути предмета.

Одно из любимых слов Винокура — «целостность». Оно хорошо передавало целостность его подхода к языку. Он все время подчеркивал: нельзя оценивать слово вне его связей, не воспринимая его в системе языка.

В недавно опубликованной статье Г. О. Винокура «Язык литературы и литературный язык» находим такой пример. Винокур говорит о несправедливом отношении к Карамзину. Он приводит мнение В. Б. Шкловского: Карамзин уже тем изменил своим принципам, борьбе против архаизмов Шишкова, что свою «Историю государства Российского» начал словом «сей». Григорий Осипович по этому поводу замечает: «И как будто такими дешевыми пустяками, как спор о том или другом словечке, решаются вопросы исторического значения» («Контекст. 1982». с. 266).

Главной фигурой, точкой отсчета в лекционном курсе Винокура был Пушкин. Все мерилось им и от него.

Вклад Карамзина рассматривался в курсе лекций не сам по себе, но как тот предпоследний шаг, который был необходим для того, чтобы русская дворянская культура нашла окончательное и полное выражение в Пушкине и во всем, что у нас связано с этим именем.

Так же, как «предпушкин-

ская» фигура, оценивался Крылов — в области басни он сделал многое из того, что совершил Пушкин во всех жанрах литературы своего времени.

У Винокура были два любимых поэта — Пушкин и Маяковский. Первый всей своей писательской деятельностью постиг не новаторской, утверждал новое как литературную норму. Второй убежденно отстаивал «антинорму».

В 1943 году в издательстве «Советский писатель» вышла небольшая книжка Г. О. Винокура «Маяковский новатор языка». Это одна из лучших работ о поэтике Маяковского, его художественном языке. Мы находим здесь простое и точное определение языкового новаторства: «Быть новатором в языке — значит сознательно и намеренно употреблять в своей речи такие средства языка, какие представляются не существующими в данной языковой традиции, в данных условиях общения через язык, и, следовательно, новыми, небывалыми».

И тут опять-таки исследователь идет не от частного к общему, но от целостного к частному. «Словомовещество Маяковского, — отмечает он, — это только частный случай в числе различных способов уйти от шаблонной, бессодержательной и условной „поэтичности“»

При этом Винокур тонко ощущает парадоксальное сочетание

неожиданности и естественности в лучших неологизмах Маяковского. Это слова небывалые, но возможные. Исследователь пишет: «То, что живет в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей речи, но дано как намек в системе языка, прорывается наружу в подобных явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное» (с. 7, 29, 15).

Писать о новаторстве языка у Маяковского, обходя книжку Винокура, невозможно. Впрочем, иные исследователи пользовались этой книжкой, но не ссылались на автора. Все примеры у них шли в том же порядке, что у Винокура, не хватало только одного — ссылки...

В середине 40-х годов я поступил в аспирантуру Московского университета, куда — в связи с военными обстоятельствами — влился наш ИФЛИ. На филологическом факультете МГУ я встретил всех своих учителей — Н. Л. Бродского, Д. Д. Благого, Н. К. Гудзия, А. А. Белкина. И — Григория Осиповича Винокура. Мне даже повезло с ним вместе работать. В ту пору создавалось НСО — научное студенческое общество. На организационном собрании было единодушно решено просить Григория Осиповича стать председателем факультетского НСО. Я был избран его заместителем.

Надо сказать, это была довольно невеселая пора в жизни

Миокура. Он был вынужден оставить заведование кафедрой русского языка, которая во многом была его детищем. Работа в НСО — со студентами и аспирантами — отвлекала его от обид и неурядиц. Это было живое дело. Винокур чувствовал, как его любят и чтут, как внимательно слушают каждое его слово. И он увлекся работой.

А как замечательно вел он научные обсуждения, сколько в нем было такта, доброты, внутренней благожелательности...

1946 год. Григорию Осиповичу остается один год жизни. Как-то собралась компания ифлильцев. Стали говорить о наших учителях. И, конечно же, — о Григории Осиповиче. Кто-то предложил: давайте напишем ему письмо и выскажем откровенно, как мы все его любим.

Эта идея — простодушная и бесхитростная — всем понравилась, и мы стали сочинять письмо — коллективное признание в любви.

Несколько дней спустя должно было состояться заседание НСО. Мы стояли в коридоре и ждали Григория Осиповича. А вот он идет, в шубе с бобровым воротником, палка висит на левой руке. Он здоровается, подходит ко мне и тихо говорит:

— Прочитал я ваше письмо... и... заплакал.

И сокрушенно разводит руками.

В своей жизни Григорий Осипович знал превратности судьбы, обиды, которых не заслужил. Но он ощущал любовь коллег и учеников, всех тех, кому был близок и необходим.

Читатель спрашивает

«Очень часто слышу шутливое пожелание: „Ни пуха, ни пера“. Каково его значение?»

Я. М. Полозов, г. Урюпинск

Это выражение в восточнославянских языках — как пожелание успеха, удачи — возникло в среде охотников и основано на суеверном представлении о том, что при прямом пожелании (и пуха, и пера) результаты охоты можно «сглазить». Перо в языке охотников означает «птица», «пух» — звери.

Заговор, взятка, умысел...~ «положительные» слова в историческом прошлом

А. П. Майоров

Всем хорошо известны слова *заговор*, *взятка*, *умысел*, *подговорить*, *оговорить*. Читатель без труда может определить, что любое из этих слов обозначает какое-либо негативное явление действительности. Так, *заговор* — это «тайное соглашение о совместных действиях против кого-нибудь», *умысел* — «заранее обдуманное предосудительное намерение», *взятка* — «деньги или вещи, даваемые должностному лицу как оплата караемых законом преступных действий», *подговорить* значит «склонить тайно, подстрекнуть к какому-нибудь поступку», *оговорить* — «обвинить ложно».

Между тем в глубокой древности (XII—XVI вв.) все эти слова не были такими «отрицательными». Получили же данные значения они в результате употребления в качестве юридических терминов в деловом языке XVI—XVII веков. Иначе говоря, формирование этих слов как терминов было тесно связано с совершенствованием правовых норм русского общества того времени.

Русское судопроизводство в XVII веке оперировало уже довольно сложными социально-правовыми понятиями. Многовековое развитие юридических норм, зафиксированных со времен Русской Правды — первого свода законов, в различных судебных кодексах — Судебниках 1497, 1550, 1589 годов, наиболее ярко отражено в фундаментальном своде юридической практики — Соборном Уложении 1649 года. В нем мы находим многие аспекты состава преступления, ранее не упоминаемые или слабо разработанные. В частности, только там устанавливается ответственность за умышленное и непредумышленное убийство, подстрекательство к побегу крепостных, более определенно говорится о наказании за ложное обвинение, взяточничество.

Естественно, новые юридические понятия, входившие в правовой обиход, нуждались в соответствующих обозначениях. Как правило, в таких случаях в языке всегда обнаруживаются достаточно гибкие средства выражения специальных понятий. Так, в русском языке издавна действовал лексико-семантический способ образования терминов. Заключался он в том, что в качестве термина использовалось слово общенародного языка, взятое из него без каких-либо формальных изменений, в которое вкладывалось специальное понятие (ср., например, в современном русском названии *бык* как строительный термин, *каблук* как архитектурный термин, *основа* как ткацкий термин). Конечно же, подобная терминологизация — не произвольное явление, а происходит в результате либо метафорического переноса значения (переноса значения по сходству), либо посредством сужения значения исходного слова. Последний способ образования и был характерен для правовой лексики XVII века.

Слово *заговор* в древнерусском языке первоначально обозначало «группу людей, объединенных общим делом, общей целью». В Львовской летописи 1536 года встречаем: «...а нас в заговоре казанцов людей и мырз пятьсот человек и мы памятуем к себе жаловашье отца его великого князя (...) хотим государю служити». В том же смысле употребляется это слово и в Судебнике Ивана Грозного 1550 года: «...а что заговорщики кому учинят какову продажу или обиду ... и те иски в том взяти на всем заговоре».

Со временем значение слова стало сужаться, приобретая смысл «тайный сговор». В челобитных XVII века, например, слово все чаще употребляется именно в этом значении: «Похваляютца они своим великим стаком (синоним к слову *заговор*. — А. М.) и заговором и всякими недобрыми делами нам угрожают» (1641); «Тот, государь, Никита ... своим заговором писали на меня Иваншку и

на сына моего опрос с сватом своим с Михайлом Вершиною» (1632).

Данное значение формировалось в языке частно-правовых документов, где, как правило, употребление слова *заговор* в значении «группа единомышленников, людей, объединенных общим делом» было связано с описанием какого-либо правонарушения, допущенного этой группой людей. Таким образом, слово *заговор* меняло семантику, приобретая значение «группа единомышленников, объединившихся с целью совершения преступления». В составе устойчивого словосочетания *скопом и заговором*, характеризующего правовое понятие о групповом преступлении, *заговор* начинает проникать в язык центральных законодательных актов.

Подобное изменение семантики испытало и слово *умысел*. В ранний период (XI–XIV вв.) оно обозначало «намерение, замысел». Еще в дипломатических памятниках XVI века *умысел* могло употребляться в этом смысле: «Ты брат наш к доброму делу волю и умысел свой хочешь прилучити и государя своего на то наводити» (1562), «...и того дня его цесарекая милость кажючи умысел свой любительский и приятельский» (1576).

Однако наряду с этим в других деловых бумагах встречаем *умысел* как обозначение преступного замысла, намерения: «И тот вор богоотступник по своему бесовскому умыслу и по совету с полским королем ... в Московском государстве многую смуту и разоренье учинил» (1606).

С середины 30-х годов XVII века *умысел* уже отмечается только в этом значении: «Похваляетца убийством подметом ... всякими лихими умыслами» (1640), «Меня бедную били и хотели вязать и мучить неведомо для какова умыслу» (1663).

Развитие этого значения у слова связано, прежде всего, с совершенствованием правовых норм в XVI–XVII веках. Если раньше судопроизводство времен Русской Правды не различало преступных действий человека, то есть не выявляло в каждом конкретном случае, было ли совершено зло умышленно или случайно, то в XVII веке юридическая практика и законодательство во всяком преступлении уже предполагает участие воли и сознания преступника. Так, в 1625 году был принят Боярский приговор об ответственности за неумышленное убийство. Статьи этого приговора затем полностью вошли в Соборное Уложение 1649 года.

С усложнившимися правовыми понятиями было связано и употребление слов *клепать* (*поклепать*) и *оговорить*. В XIII–XIV веках, когда судебная практика не отделяла ложного обвинения от бездоказательного, *клепать* (*поклепать*) имело значение «обвинять кого-либо в чем-либо». Любое заявление истца воспри-

нималось как обвинение, истинность или ложность которого проверялась характерными для средневекового правосудия способами: пытками, судебным поединком.

С развитием розыскного процесса в судопроизводстве XV века начинают разграничивать эти правовые понятия. Так, в Судебнике 1497 года *клепать* употребляется уже в смысле «обвинять ложно»: «...а которому дадут татя ... и ему пытати татя безхитростно ... а клепати татю не велети никого». В Судебнике Ивана Грозного 1550 года, в Крестоцеловальной записи царя Василия Шуйского от 1606 года, а затем и в Соборном Уложении 1649 года определяется наказание за ложное обвинение. С этого времени *клепать* (*поклепать*) употребляется только в значении «обвинять ложно».

С другой стороны, «обвинить бездоказательно» также получает свое терминологическое обозначение. В этом смысле в XVII веке стало функционировать слово *оговорить*: «Да будет ... розбоем и иными лихими делы те обыскные люди их (разбойников.— А. М.) оговорают и тех людей по обыском пытать» (Соборное Уложение 1649 г.). «А в роспросе тот вор Петрушка оговорил в краже животов тетке моеи товарищев своих воров Иверского монастыря крестьян» (Челобитная из Актов Иверского монастыря, 1685).

Как видим, в результате усовершенствования правовых положений о ложном и бездоказательном обвинении у слова *клепать* произошло сужение значения, и оно стало функционировать как юридический термин: *клепать* — «обвинять ложно». Поскольку бездоказательное обвинение как правовое понятие было актуально и в XVII веке, слово *оговорить* приняло то значение, которое было свойственно *клепать* в ранний период — «обвинять бездоказательно». В дальнейшем же, войдя в словарный фонд русского литературного языка, *оговорить* стало синонимом слова *клепать*, так как в литературном языке разграничение юридических тонкостей уже не было существенным.

Аналогичное распределение значений при наименовании близких юридических понятий наблюдаем у слов *подговорить* и *научить*. В русском языке XVII века в значении «подучить, подстрекнуть к чему-либо» широко употреблялось слово *научить*: «И тот де Полуха неведомо клетной запор сам узнал ... ему по изустной похвалбе Замятня Богданов сказал и покрасти его научил» (челобитная из Актов Холмогорской и Устюжской епархий, 1610). «А мати сго Огеева Проскурняка тое злое дело научает: сики де и режь ножем людей не боясь» (там же, 1613).

Подговорить в этот период имело более узкое значение — «подстрекнуть к побегу, побудить уговорами уйти»: «Подговорила, государь, от меня та жонка Федорка сына моего Ортишку Ива-

нова», «подговаривает она Марья дочь свою, а сына моего жену Федорку и хочет свести неведомо где» (челобитная из Актов Холмогорской и Устюжской епархий, 1633).

Надо сказать, что в XVI веке у *подговорить* (*подговаривать*) отмечается иная семантика. В московских летописных сводах, например, это слово выступает в смысле «угговорить, подучить»: «Тое же зимы Иван Дмитриевич отъеха с Твери в Галич к князю Юрию Дмитриевичю и начат подговаривати его на великое княжение» (сп. XVI в.); «Некоторые же мужие его злиши человеци начаша ему вадити (клеветать.— А. М.) на Ростислава Юрьевича глаголюще: подговорил на тя Берендичи и Кыяне а хотел сести в Киеве» (XV в.). Встречается слово и в деловой письменности в значении «подучить, подстрекнуть»: «А подговорил меня, господине, и жог со мною ту деревню монастырскую Копос Федков сын Черпакова» (1503).

Как видим, к XVII веку значение слова сужается: *подговорить* становится термином, означавшим «подстрекнуть к побегу». Специализация значения слова была обусловлена тем, что в деловом языке возникла необходимость охарактеризовать, обозначить такое распространенное социальное явление, как побег крепостных и связанные с ним социально-правовые последствия. Видный историк В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Холопий приказ заваливался господскими явками о людских и крестьянских побеггах и сносах, об их подговорах и похвальбах подметом, поклепом, поджогом, смертным убийством и всякими недобрыми делами. Явка была необходима, чтобы не отвечать за беглеца, если он в бегах начнет красть и разбивать. Бегали все: и рядовые крепостные, и приказчики над людьми и животами, служившие лет по 25, и сидевшие у господ своих „вверху у письма“ их домашние секретари».

Именно в связи с массовым характером побегов крепостных и в целях законодательного упорядочения этого явления в Соборном Уложении 1649 года, в главах XI и XXI, правовым положениям крепостных крестьян уделяется большое внимание. В частности, там отмечается ответственность за «подговор», т. е. за подстрекательство к побегу крепостных.

Прежде чем перейти к анализу слова *взятка*, следует отметить, что у этого слова в XV–XVII веках существовал морфологический вариант — *взятюк*. Параллельные формы подобного типа были распространены в русском языке того времени (*однорядок* — *однорядка* — наименование верхней одежды, *пожег* — *пожога*, *бумажник* — *бумажница* и т. д.). Причины вариативности в некоторых случаях заключались в том, что идентичные формы мно-

жественного числа для существительных мужского и женского рода затрудняли определение родовой принадлежности слова (ср., например, *взятки, однорядки, пожоги* и пр.). То, что *взятки* и *взятка* были вариантами одного слова, подтверждают некоторые примеры из памятников письменности XVI—XVII веков. В грамотах XVII века встречаем: «...и в том от него какого не было запрету для своих взятков, прощает с него больших взятков».

Итак, слово *взятки* (*взятка*), прежде чем стать наименованием подкупа, незаконной платы должностному лицу, не имело в своей семантике негативного оттенка. Долгое время (с XV до конца XVII вв.) это слово употреблялось в значении «получение чего-либо; то, что должно быть взято, получено»: «Тот Пахомко взял у них сукно однорядошное а денег не платил им и та взятка у них в горных памятех» (1661), «...и по ево ж Григорьеву договору по многие зимы ездил в то село Велдеманово для хлебного взятку за те долги» (1666). Чаще всего *взятки* (*взятка*) выступают в значении «сбор каких-либо пошлин, дани, долгов».

В то же время, со второй половины XVII века у слова *взятки* (*взятка*) отмечается иной, негативный смысл — «незаконный сбор, побор, обычно вымогаемый должностными лицами»: «И приезжаючи в полночь к нашей братье многих нашу братью бьет и просит денег ... и емлет нашу братью на съезжеи двор и бьет батоги и сажает на погреб мучит для взятку» (1659), «и взявши палку бил своими руками для своей бездельной корысти и взятков» (1695), «...после сроку он воевода с нас просил взятков гостинцов больших ... да еще люди ево просят стряпчевы, такובה мыта не видано» (там же).

Употребление слова *взятки* (*взятка*) как синонима слов *мыто, гостинец* — наименований государственных пошлин в последних двух примерах свидетельствует о том, что эти сборы должностных лиц были в какой-то мере общепринятыми, официальными. Заметим, что в тот период в административно-хозяйственной сфере существовала официальная система мздоимства, обязательная дополнительная оплата оказываемых администрацией услуг, поскольку и во времена удельного областного правления, и в период учреждения воеводства должность правителя оплачивалась не за государственный счет, а сборами (в основном, натуральными) с населения. Вот, например, что пишет по этому поводу В. О. Ключевский: «Воевода не собирал кормов и пошлин в размерах, указанных уставной грамотой, которой ему не давали; но не были воспрещены добровольные приносы „в почесть“, и воевода брал их без уставной таксы, сколько рука выможет».

Действительно, лихоимство с каждым разом принимало все

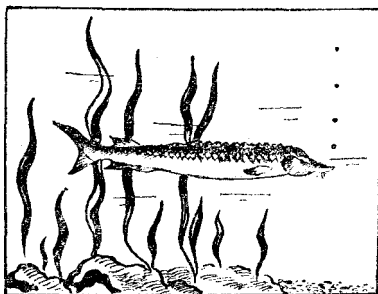
большие размеры (об этом упоминается в грамотке: «такѡва мыта не видано»). Причем взятки вымогались по любому случаю, иногда с применением физического насилия («мучит для взятку», «бил своими руками для взяток» и пр.). Неудивительно, что слово *взятка*, таким образом, в своем значении приобрело негативный оттенок, обозначая, соответственно, отрицательное явление действительности.

Характерно, что плата должностному лицу (обычно судебному) была общепринята издавна. Так, еще в XIV—XV веках существовала плата судье от заинтересованных в разборе дела лиц, которая называлась *посулом*. Впрочем, *посул* вскоре стал рассматриваться как взятка, подкуп должностных лиц и был запрещен законодательными актами, предпринятыми в Судебниках 1497 и 1550 годов. В значении «взятка, подкуп» слово *посул* употреблялось как юридический термин и в XVII веке. В статьях Соборного Уложения 1649 года, где речь идет о взяточничестве, наименованием взятки везде выступает слово *посул*. Однако в отличие от *взятка* словом *посул* все-таки называли «добровольный принос в почесть», вознаграждение административному лицу за благоприятное решение какого-либо дела. В наказе ярославскому воеводе от 1698 года находим любопытный пример, свидетельствующий о том, что русские люди XVII века разграничивали взятку и посул: «...людем обид никаких и налогов и напрасных продаж для своих взяток не чинить и посулов ни у кого ни от каких дел отнюдь не имать». Видимо, обозначая различные правовые явления, эти слова формально точно выражали характер взимания сборов: либо это было добровольным вознаграждением, либо это представляло собой плату, которая вымогалась.

Итак, правовая лексика в допациональный период формировалась исключительно на основе общенародного языка. При образовании юридического термина изменение семантики общерусского слова шло по пути сужения его значения. В данном случае слова, обозначающие правонарушение, приобретали соответствующий негативный оттенок в значении: *заговор* в значении «группа людей, объединенных общим делом» → «группа людей, объединенных преступными целями»; *умысел* в значении «намерение, замысел» → «преступный замысел, намерение» и т. д. Функционирование юридической лексики в тот период было тесно переплетено с жизнью общества. Определенные преобразования в правовой сфере, введение новых юридических понятий, законов влекли за собой изменения в лексическом составе.

ЦАРЬ-РЫБА

В. И. Петраченко

В повести Виктора Астафьева «Царь-рыба» приводится художественное описание осетра необыкновенной величины, легендарной царь-рыбы енисейских глубин: «Что-то редкостное, первобытное было не только в величине рыбы, но и в формах ее тела, от мягких, безжильных, как бы червячных, усов, висящих под ровно состругнутой

внизу головой, до перепончатого, крылатого хвоста — на доисторического ящера походила рыбина...»

Кто же она, эта царь-рыба? Каковы ее названия в приенисейских говорах?

Слово *осётр* по своему происхождению является общеславянским: укр. *осётр*, *ясётр*, болг. *есётър*, сербохорват. *јесетра*, чеш., словц. *jesetr*, польск. *jesiotr*. Первые упоминания об осетре в древнерусских письменных памятниках относятся к середине XII века: «А от Лучина три гривны урока, и две лисицы и осетр» (см.: Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка). Уже тогда осетра уважительно называли *царем* над рыбами: «Орел царь над птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверми» (там же). Называли так, по-видимому, не столько за «царские» вкусовые качества осетрового мяса, сколько за огромную величину этой необыкновенной рыбы, исполинские экземпляры которой в те времена вряд ли были большой редкостью.

Осетры-великаны встречались и в прошлом веке. Так, например, авторитетный знаток пресноводных рыб России, наблюдательный ученый-натуралист Л. П. Сабапеев отметил случай, когда «близ Петербурга, в 1851 году был вытасчен неводом осетр более чем в 210 кг, включавший в себе до 80 кг икры» (Сабапеев Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб). Этот осетр относится к наиболее крупному атлантическому виду, отдельные экземпляры которого имеют длину до 5 м и вес до 400 кг. Кроме атлантического, в реках, озерах и морях нашей страны встречаются русский, сибирский, амурский, сахалинский виды осетра, отличающиеся друг от друга не только местом обитания, но и формой головы,

количеством и размерами костевидных пластин, расположенных вдоль тела, и другими особенностями.

Осетр, описанный в повести Астафьева «Царь-рыба», относится к сибирскому виду и обитает в реках Сибири от Оби до Колымы, а также в озерах Зайсан и Байкал, достигая величины двух метров. Л. П. Сабанеев, впрочем, отмечает, что сибирский «осетр имеет некоторые отличия от настоящего осетра Каспийского и Черноморского бассейнов и достигает очень большой величины (208 кг)» и что в Енисее изредка попадались осетры до 3,5 метров длины.

О промысле осетра в Енисее и его притоках с самого начала освоения Приенисейского края русскими свидетельствуют памятники сибирской деловой письменности XVII – начала XVIII веков, исследованные Н. Е. Поповой (см.: Попова Н. Е. Названия рыб в памятниках деловой письменности Сибири XVII – нач. XVIII вв. – В сб.: Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. Красноярск, 1978; далее – Попова). Так, например, слово *осетр* отмечено исследователем в Мангазейской десятинной книге 1635 года: «с трех пуд рыбы свежие... да с осетра... взято пят алти четыре депги». Из примера видно, что осетра ловили не только для собственного пропитания, но и на продажу, а также для оплаты многочисленных налогов. Обозы с замороженными осетрами отправлялись енисейскими купцами даже в столицу.

Поскольку осетр истари являлся объектом активного промысла, предметом торговли и натурального обмена, возникла необходимость в более точном назывании особей разного возраста и, соответственно, величины. Эта необходимость стала причиной появления и утверждения в речи преимущественно рыбаков и торговых людей новых, более конкретных названий, сохранившихся в памятниках письменности и народных говорах.

Для обозначения осетра небольших размеров была использована уменьшительная форма *осётрик*, которая бытует и в современных приенисейских говорах: «Осетрик – этот и на 15, и на 20 килограмм бывает» (записано от В. П. Брюханова, с. Келма). Однако употребление формы *осётрик* смогло лишь частично решить проблему обозначения осетров разной величины. Неопределенности смысловых границ слова *осётрик* в некоторой степени способствует и ласкательный оттенок значения этого слова.

В современных приенисейских говорах распространено название *костёр*, которое обозначает молодого нежирного осетра весом до 8–10 кг, отличающегося большим количеством острых костевидных щитков-шипов, расположенных вдоль туловища: «Костер – она нежирная. У ней крупные пластины на боку и сверху.

Она такая зубистая, если, к примеру, ее поймать руками, ладони разрежешь» (записано от А. В. Рукосуева, с. Мотыгино). Название *костёр* отмечено и в других сибирских говорах: «Костерка... „Молодой осетр ... Костерь...“ То же, что костерка» (Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби); «Костерь... Молодая калуга или осетр, не имеющие промыслового значения» (Словарь русских говоров Приамурья). В Новосибирской области распространено название *кострёк* «небольшой осетр» (Словарь русских говоров Новосибирской области).

В Кратком словаре рыбацких промысловых слов А. А. Клыкова название *костёр* относится и к стерляди: «Костерь — см. костера. Костера — мелкий неполовозрелый осетр, иногда стерлядь, у которой больше жучек (шипов.— прим. авт.), чем обычно». В Словаре Даля приводится несколько иное значение слова: «*Костёр* или *костерá*... на Волге, выродок осетровый или севрюжий... с большим числом хребтовой чешуи, жучек, костистых щитов».

Таким образом, на Амуре, Енисее, Оби, Волге *костерью* называют молодых рыб семейства осетровых: осетра, калугу, стерлядь или севрюгу — в зависимости от того, какой вид распространен на данной территории. При этом в большинстве приведенных значений слова *костёр* обращается внимание на наиболее важный признак рыбы — большое количество острых костистых щитков, расположенных вдоль ее туловища. Именно этот признак и лег в основу образования слова: «*костерá*... От *кость*» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). Он оказался сильнее имевшихся у рыб видовых различий. Название *костёр* закрепилось в народных говорах как наиболее яркое, точное обозначение существующей реалии.

Ранний пример употребления этого названия в Сибири зафиксирован в Десятиной книге Туруханского зимовья 1635 г.: «У Романки новгородца с осми костерь осетриков... взято две гривны» (Полова). Видимо, наименование *костёр* в Сибирь было занесено с Волги.

Любопытно, что в приведенном нами примере слово *костёр* употреблено в сочетании со словом *осётрик*, причем этот случай не является единичным. Памятники деловой письменности XVII века отразили, по всей вероятности, один из самых интересных моментов в биографии слова — начальный этап его становления и развития. Новое слово *костёр* еще как бы нуждается в семантической поддержке старого названия *осётрик*, имеющего более общее значение и способствующего правильному пониманию нового слова. В деловых документах начала XVIII века на-

звание *костёр* употреблено уже без слова *осётрик*: «А сетми стерляден и костёр пуд по пяти бывает» (Попова). В значении «молодой осётр» слово *костёр* закрепилось в приенисейских говорах, а уже оттуда пришло на страницы повести В. Астафьева «Царь-рыба»: «Летовний осётр еще и осетром не называется, всего лишь костерькой, после — карышем или кастрюком, похож он на диковинно растопыренную шишку или на веретенице, по которому торчат колючки. Ни вида, ни вкуса в костерьке, и хищнику никакому не слопать: распорот костерька, проткнет утробу».

В приведенной цитате имеется еще одно народное название осетра — *карыш*. Какова его судьба? В словаре «Народные названия рыб», составленном А. С. Гердом, слово *карыш* обозначает молодёжь сибирского подвида осетра и отмечено автором на Оби и Иртыше (Русская речь, 1971, № 6). Происхождение этого названия не изучено, хотя можно предположить, что *карыш* восходит к тюркск. кага «чёрный». В Приенисейском крае это наименование молодого осетра малоупотребительно и в большинстве случаев вытеснено названием *костёр*: «Карыш — он отличается чем от осетра. Цвет у ево потемнее и нос вострый, как у костери. Карыша здесь называют костерью» (записано от И. С. Кулакова, с. Мотыгино). В Словаре В. Даля дается следующее объяснение: «*Карыш... карышбк...* — сиб. мелкая стерлядь». По данным Словаря русских народных говоров, слово *карыш* обозначало и мелкую стерлядь (Тобол. 1899), и неполовозрелого осетра (Обь, Иртыш), и карпа (Псков, Чудск. оз., Тобол), и карася (Псков). В приенисейских говорах *карыш* обозначает молодого осетра; в этом значении оно и употреблено В. Астафьевым в повести «Царь-рыба».

Гораздо шире в приенисейских говорах распространено другое название осетра — *чалбыш*. Что оно обозначает?

«Осетёр и чалбыш — это все равно. Из чалбыша будет осетёр. Чалбыш — это подросток вроде осетра. Чалбыш — он цветом светлее, желтоватее осетра, меньше размером. Добывали до 15 килограмм» (записано от А. В. Рукосуева, с. Мотыгино). Приведенный пример достаточно полно иллюстрирует значение слова: *чалбыш* — это молодой осётр весом до 15 кг, отличающийся от взрослой особи, кроме размеров, желтоватой окраской.

В Словаре Даля название *чалбыш* объясняется как «маломерный осетренок, или белужка, шип, передко меньше аршина» и приводится с пометами *астрх., сиб.* В значении «небольшой осётр» название *чалбыш* распространено и в современных новосибирских и средне-обских говорах. В словаре «Народные названия рыб» А. С. Герда слово *чалбыш* обозначает осетра без определения возраста и отмечено автором на Волге. Видимо, с Волги это название

проникло и в Сибирь, где приобрело новые оттенки значения.

Пример раннего употребления слова *чалбыш* в Сибири отмечен в Тобольской денежной приходной книге 1647 года: «...с нижево иру тритцать тысячь девятсот семдесят стерлядей да девят осетров чалбышев» (Попова).

Любопытно, что название *чалбыш* употреблено не как самостоятельное, а в сочетании со словом *осетр*. Вероятно, и в этом случае (как и в примере со словом *костёр*) документ отразил начальный этап становления нового наименования. В более поздних памятниках письменности, например, в Описной книге рыбных ловель Енисейского уезда 1705 года, *чалбыш* употребляется как самостоятельное название: «в улов бывает... по пятисот нелем по тринацати чалбышей» (Попова).

Для обозначения взрослой особи осетра в современных приенисейских говорах используется вариант *осетёр*: «Осетёр — тот здоровый, он пудов пять-шесть бывает» (записано от И. А. Брюханова, с. Нежма). В том же значении слово *осетёр* распространено и в других сибирских говорах (см.: Словарь русских говоров Приамурья и др.).

Таким образом, в приенисейских говорах для наиболее точного обозначения особей осетра определенного возраста утвердились названия *костёр*, *карбыш*, *чалбыш* и *осетёр*.

А *царь-рыба*? Это народно-поэтическое название редкостной величины осетра, вероятно, встречается в сибирских говорах еще реже, чем осетр-великан в сибирских реках, и сохранилось лишь в полузабытых народных преданиях и легендах, чтобы вновь возродиться на страницах удивительной повести В. Астафьева.

Красноярск

Рисунок В. Мирошник

Читатель спрашивает

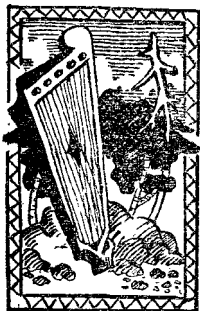
«Откуда произошло слово „пигалица“?»

С. Б. Жулидов, Горький

Слово *пигалица* (*пиголка*) имеет в диалектах такое значение: «чибис, чайка» (ср. укр. пигичка «чайка»). Вероятно, это звукоподражание, поскольку крик этой птицы передается как [pi-gi], [ki-gi].

«Русские пятницы» Карин Давидссон

Н. М. Маслова

Русская речь. Как радостно услышать ее вдали от Родины. Это чувство знакомо всем, кто бывал за границей. Но вдвойне приятно, если ты имеешь к этому непосредственное отношение — как преподаватель русского языка.

Русскую речь слышишь довольно часто на улицах разных городов Финляндии, и если спросить человека, откуда он знает язык, где учил его, то окажется, что это сотрудник какой-либо фирмы или переводчик, или студент, изучавший русский язык в СССР или

в одном из вузов своей страны.

Практически во всех высших учебных заведениях Финляндии (университетах, институтах переводчиков, коммерческих институтах, школах) преподавание русского языка ведется финскими русистами совместно с коллегами из Советского Союза.

Уже более сорока лет продолжается эта плодотворная работа, начатая в Хельсинки ведущим университетом Финляндии. Одним из первых ученых, возглавивших Русское отделение и поставивших изучение русского языка на научную основу, был профессор русского языка Игорь Вахрос. Долгие годы руководил он кафедрой, и многие из его учеников продолжают теперь начатое им дело, среди них — профессор Арто Мустайоки.

И если сорок лет назад при трудностях роста, недостатке специалистов наше сотрудничество в этой области еще только набирало силу, некало пути, направления, то сейчас оно представляет собой хороший и крепкий союз специалистов-языковедов, занимающихся разработкой актуальных проблем языка и литературы, искусства и науки. На последнем (ноябрь, 1986) финско-советском научно-методическом семинаре «Теория и практика преподавания русского и эстонского языков и литератур в финских вузах» от Хельсинкского университета был представлен на обсуждение доклад «Программы для обучения русскому языку с помощью микроЭВМ». Этот факт говорит о высоком уровне под-

готовки финских русистов, о том, что вуз идет в ногу со временем, смело решает многие современные вопросы.

Среди вузов, активно сотрудничающих с нашей страной в области преподавания русского языка, выделяется старейший университет Финляндии — Шведский (г. Турку). Турку — побратим Ленинграда, самый старый город страны, столица Финляндии до 1812 года. Здесь Пером Брахе был основан первый университет, позже переведенный в Хельсинки. Однако традиции студенческого города сильны в Турку до сих пор: здесь и сейчас работают два университета — Финский и Шведский, отражающие двуязычие этой страны.

Итак, Шведский университет, на гуманитарном факультете которого создано Отделение русского языка и литературы. Более двадцати лет активно изучают здесь русский язык. Многие из его выпускников теперь успешно продолжают прекрасные традиции кафедры, укрепляя своим трудом, знаниями творческое сотрудничество русистов двух стран. Особая атмосфера отличает Русский институт (так называют русское отделение Шведского университета). Это чувствуется с первых шагов в его аудиториях, библиотеке, кафе, вестибюле, оформленных с любовью и вкусом в русском стиле. На вопрос, чей труд и чья душа во всем этом, сотрудники отвечают с доброй улыбкой — «нашей Карин».

Карин Давидссон — директор Русского института, или заведующая отделением, профессор русского языка и литературы, автор многих работ по лингвистике, литературе, переводчик, прекрасный преподаватель, внимательный и добрый человек. Это мнение всех, кто сотрудничает с Карин Давидссон.

Энтузиаст и пропагандист русского языка, она знакома в нашей стране всем тем, кто занимается проблемами русистики, перевода, преподавания языков. В 1976 году в издательстве «Русский язык» вышел «Русско-шведский словарь» на 50 тысяч слов. Помимо участия в авторском коллективе, Карин Давидссон являлась специальным научным редактором словаря. На русском языке известны ее работы «О двух шведских списках родословной книги», «Из русских рукописей XVII века...», а также серия учебников по русскому языку для шведов, статьи по технике перевода произведений А. П. Чехова, изданные, кроме русского, на многих славянских, английском и шведском языках, которыми владеет автор. Карин Давидссон неутомима: она успевает и писать учебники, и участвовать в симпозиумах, и знакомиться с новинками литературы, и руководить институтом, и помнить о проблемах студентов, и даже... печь пироги.

Каждую пятницу Карин устраивает традиционную встречу

друзей русского языка и литературы, истории и культуры. Студенты, преподаватели и гости собираются в библиотеке Русского института. Беседы ведутся, как правило, на русском языке, часто сопровождаются показом репродукций, слайдов, кинофильмов, что делает эти встречи чрезвычайно интересными и полезными для участников. Потом все приглашаются в соседнюю комнату, на русский чай с традиционными пирогами. В знаменитых «пятницах» в Русском институте принимали участие и советские ученые: В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, О. А. Лантева, К. С. Горбачевич, Н. И. Формановская, Е. А. Земская, Н. Ю. Шведова и другие. В гостях здесь побывали писатели Д. Н. Кугультинов, Б. Ш. Окуджава, В. П. Астафьев. На «пятницы» приглашаются и советские преподаватели, работающие в Турку, и капитаны кораблей, стоящих в порту этого города, и др.

В прошлом году серия «пятниц» была посвящена теме «Русское прикладное искусство». Участники познакомились с замечательными изделиями мастеров Хохломы, Дымкова, Гжели, Жостова и др. Впереди новая интересная тема: «Москва и ее музеи».

Ежегодно в Институте проводится новогодний русский вечер с обязательным спектаклем на русском языке. Только за последние годы были инсценированы басни Крылова, «Медведь» Чехова, «Евгений Онегин» Пушкина, «Клоп» и «Баня» Маяковского и др.

Ежегодно студенты Русского института совершают поездку в Советский Союз, которой предшествует большая подготовительная работа. На «пятницах» слушаются рассказы по истории и географии нашей страны, искусству, литературе, языку; рассказывается о традициях, быте, национальной кухне той республики, в которую едут студенты. Организуются встречи с теми людьми, кто бывал уже в этих местах. Привлекается богатый иллюстративный материал, которым располагает институт. Студенты Русского института побывали в Москве, Ленинграде, Одессе, Киеве, Пскове (Михайловском), Новгороде, Таллине, Вильнюсе, Тбилиси.

Венцом подготовки к поездке и окончанием работы зимних «пятниц» в году является первый весенний праздник 8 Марта. Думается, что этот день выбран институтом не случайно: большая часть его студентов — милые и жизнерадостные девушки. В этот день в качестве своеобразного экзамена на знание обычаев страны они готовят национальное блюдо той республики, которая выбрана для предстоящего путешествия.

На это торжество приглашается весь университет. Пишутся заранее объявления, украшаются кафе и большая «пятничная» аудитория, готовится лотерея и угощение. И все это в духе истинно русского гостеприимства. Традиционным украшением праздни-

ка служит неизменная русская матрешка — эмблема студенческого общества института «Дружба».

Все эти праздники снимаются на киноплёнку активным членом Отделения русского языка, учеником Карин Давидссон, преподавателем русского языка и литературы, доктором философии Куртом Юханссоном. Он на протяжении многих лет ведёт документальный фотодневник и архив кафедры. По нему можно проследить более чем 20-летнюю историю удивительно интересной работы коллектива Русского института.

Необычно теплая атмосфера в институте, дружный, сплоченный коллектив, что так ценится людьми и остается в памяти — непременно отмечается всеми в любом разговоре о деятельности отделения русского языка. Неправязчиво, тактично, с учетом интересов слушателей предлагает Карин программу «пятниц», путешествий, дружеских встреч в маленькой рукописной газете студенческого общества «Луч», выпускаемой под ее руководством. Идея создания газеты принадлежит самим студентам. Пишется она на двух языках: шведском и русском, что также объясняется благотворным влиянием пятниц.

На встрече советских преподавателей с учителями школ и гимназий Финляндии зашел разговор об этой интересной форме работы института. И все, кто бывал там, обращался за помощью, приводил на День открытых дверей школьников и гимназистов, были единодушны в самой высокой оценке труда сотрудников кафедры.

Ценность этого опыта, личного творческого вклада Карин Давидссон прекрасно понимают все, кому приходится работать с молодежью. Нередко преподаватели жалуются на то, что современных студентов трудно расшевелить. Опыт Карин Давидссон свидетельствует — увлечь молодежь можно, было бы желание и любовь к своей работе. Старая, очень старая и всем известная истина. Но захотелось вспомнить о ней. Рассказать о таких вот «пятницах», о работе Русского отделения Шведского университета в Финляндии, о доброй энтузиастке Карин Давидссон, потому что опыт такой творческой деятельности может быть полезен многим другим педагогическим коллективам.

Рисунок В. Мирошник

Сокровищница древних актов

А. Н. Качалкин,
кандидат филологических наук

В истории русской деловой прозы особое место занимает допетровская эпоха. Документы этого времени отразили формирование русского государства, которое развивалось в послемонгольский период путем собирания земель вокруг Москвы в непрестанной борьбе с внешним врагом. Может быть, именно в силу этих причин русская национальная документная система оказалась необы-

чайно оперативной, очень точной, действенной. Документная грамотность допетровской Руси удивляет своей строгостью и совершенством.

Обращение к материалу этой эпохи не только дает широкие знания о состоянии документной системы на раннем этапе ее формирования, но также возможность узнать и почувствовать подлинную жизнь наших предков, так как документы обнаруживают быт и нравы эпохи в их реальности, а не в специфическом преломлении художественных текстов.

До настоящего времени уцелела сравнительно небольшая часть текстов делового письма. Летописи и сами документы сообщают много фактов о разных стихийных бедствиях: губительных пожарах, ужасных наводнениях, уничтоживших памятники письменности. Много документов в московских Приказах и провинциальных архивах погибло в Смутное время. После Смуты правительство стремилось восстановить прежние документы, затребовало у должностных и частных лиц, у городов и монастырей копии и подлинники сохранившихся дел, но новый опустошительный по-

жар 1626 года почти полностью уничтожил уцелевшие и вновь собранные документы.

«Новый Летописец» об этом пожаре пишет так: «Загорелся верх от живоначальныя Троицы, что на рву и от того сотворися великий пожар в Кремле граде... и в Китае граде... и не остася ничто от онаго пожара, и вся казна в монастырех со всею церковною утварию и в приказах все дела и в житницах хлеб, все погибе. Того ради царь Михайло Федорович посла писцов во всю Московскую землю» (Новый Летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. М., 1853, с. 188).

В 70-х годах XVII века был целиком уничтожен архив Приказа Большого дворца. Когда в XVIII веке приказные архивы были перевезены в Петербург, то значительная часть их пострадала от наводнений и гнили. Не столь уж редки сообщения источников об умышленном уничтожении документов: «А которые письма были прошлых блаженные памяти государя... грамоты и писцовые и с перенисных книг выписи и хлебные ... и доимочные книги... и то все в нынешнее смутное время, как были в Мурашкине воровские казакишка, подрали» (Переписная книга села Мурашкина, л. 33–34).

Чем дальше в глубь веков — тем меньше сохранилось памятников деловой письменности. Тем важнее знать, что сохранилось в архивах до нашего времени, через какие учреждения, по каким местностям, через документы какого содержания можем мы представить себе жизнь и язык прошлых эпох. Существенно при этом, какие жанры деловой прозы сохранились по тому или иному учреждению или региону, так как разные жанры (Грамоты, Челобитные, Памяти, Записи, Списки) сообщают нам различные по предметам и темам знания о быте наших предков.

В период до конца XV века административная и судебная власть была сосредоточена в руках князей, а на местах осуществлялась наместниками и волостелями. Документы создавались в их канцеляриях дьяками, писцами и подьячими. В ряде феодальных центров XII–XV вв. были канцелярии, имевшие свои архивы: источники XV века указывают на «казну» московских князей, в которой хранились «грамоты докончальные и ярлыки, и дефтери, и иные грамоты».

В княжеских канцеляриях составлялись тексты междукняжеских договоров, духовных завещаний, жалованных грамот светским и церковным знатым людям. Начальствующие или старшие лица отдавали свои распоряжения подчиненным, младшим по положению или возрасту в виде приказов, например в повгородской грамоте 1393 года читаем: «А в приказ приказываю господишу

посаднику Федору Тимофеевичю... и брату своему Ермоле Микифорову: а бога для, господо, постерегите матери мои и деток моих, цы хто их имет обидити».

Создание централизованного Русского государства, усложнение функций государственного управления вызывали необходимость устойчивых учреждений, которые руководили бы военными, иностранными, земельными, финансовыми, судебными и другими делами. Такие учреждения первоначально назывались Столами, а впоследствии — Приказами. Первое упоминание о Приказах относится к 1512 году, но, по мнению известного историка Н. П. Лихачева, они, возможно, возникли несколько раньше. Приказное делопроизводство отличалось от княжеских канцелярий большей сложностью, строгостью и порядком. Появлялись новые виды и формы документов. Совершенствовалась их жанровая система.

Филолога, конечно, прежде всего интересует языковая культура документа. Создавая — в первом приближении — картину деятельности приказных учреждений, он постоянно стремится уяснить не столько факт большой писчей работы в Приказах и других учреждениях, сколько характер этой работы, круг документов, особенности их функционирования.

Местное управление сосредоточивалось в руках воеводы — главного администратора уезда. Его «аппарат» составляли *приказные, съезжие, губные, земские избы*. Важнейшим административным учреждением в уезде была *Приказная изба*. В крупных уездах она имела большой состав служащих и называлась *Приказной палатой*. Через Приказную избу постоянно шли разнообразные документы: с одной стороны царские *Грамоты* и *Указы*, с другой — *Челобитные*. Здесь разбирались споры, велись допросы, записывались со слов местных жителей *изветы, явки, сказки* о чрезвычайных событиях, взимались налоги — и все это отражалось в соответствующих документах, часть которых отсылали, другую часть сохраняли, особо нужные переписывали для хранения.

Сходной с Приказной избой была *Съезжая изба*. В ней также принимались налоги, хранилось государственное имущество, через нее можно было передать администрации челобитные. Однако с начала XVII века у Съезжей избы все отчетливее выделяются полицейские функции: именно в ней стали хранить ключи от города и тюрьмы, оружие для охранников; в Съезжую избу приводят «к расспросу» нарушителей общественного порядка и поступают с ними «по указным статьям», в нее приказывается доставлять беглых, объявившихся на территории уезда, и т. п.

Через Съезжую избу шли центральные и местные документы;

некоторые в подлиннике или в списке оседали в ней: «а прочетсю нашу грамоту и списав с нее список слово в слово велели оставить в Съезжей избе» — такие пометы часто встречаются на бумагах того времени. В Съезжие избы направлялись такие документы, как *Записки*, *Памяти*, из Съезжих изб выдавались *Проезжие грамоты*, в них составлялись хозяйственные и финансовые книги.

В Съезжих избах могли разбираться судебные дела, но специально для расследования преступлений и наказания существовали *Губные избы*. Время появления Губных изб и продолжительность их существования точно не известны, их то упраздняли: «губные избы во всех городах сломать, а губным подъячим быть у дел с воеводы в съезжих избах» (Полное собрание законов Российской империи, т. II, № 779, 1679 г.), то восстанавливали: «доезду своего намят подать в губной избе воеводе» (1692 г.). В то время, когда такие учреждения существовали, в них вершился суд, был свой административный штат: «а дьячков губных и сторожей и палачей и биричей велено устроить на белых местах» (1601 г.); эти учреждения также оставили документный материал.

По земской реформе 1550 года, каждый посад, черная слобода, село избирали «от мира» земский совет. Местом своих собраний совет имел *Земскую избу*, а выборные чиновники помещались в ней постоянно. Земская изба после Приказной была важнейшим присутственным местом города, средоточием его общественной и административной жизни. В крупных поселениях она называлась *Земским приказом*. В Земской избе расспрашивали местных крестьян об обстоятельствах различных происшествий и по результатам расспросов писали *Речи*, составляли *Обыски*. Здесь же принимали с мира подати и записывали их в различные книги. Именно в Земских избах оформлялись все возникавшие «в миру» (между его людьми) дела: земский дьячок исполнял *кабалы*, *купчие*, *данные*, *отписи* и другие подобные документы повседневного быта.

В делах многих городов упоминаются *Таможенные избы*, куда поступали *Грамоты*, предоставлявшие право взимания пошлин, а также содержавшие (в связи с этим) определенные административные распоряжения; шли в Таможенные избы и *Паказы* с предписаниями, как поступать со взиманием пошлин в особых случаях. Из этих изб исходили *Выписи*, удостоверявшие таможенное разрешение на ввоз, провоз товара. Выпись надежно защищала ее обладателя и его имущество во всей земле, на границе которой он получал это удостоверение.

В старорусских документах упоминаются также *Кабацкие избы*, в которых учитывалось количество и стоимость принятых и проданных спиртных напитков; встречаются сведения о *Конских избах*, где в *Конских книгах* описывались стать, приметы и стоимость привезенных на продажу лошадей; есть упоминания и еще о некоторых избах, связанных с определенной административной функцией, но специально говорить о них нет смысла, ибо они не оставили богатой деловой переписки и их материалы не образовали самостоятельных фондов в русских архивах.

Фонд — это совокупность документов, образовавшихся в процессе деятельности определенного учреждения или отдельного лица. Наиболее богатым хранилищем текстов делового письма прошлых эпох является Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Он был создан указом Петра I в 1720 году сначала как Московский архив Коллегии, затем Министерства иностранных дел, с 1864 года стал Московским архивом Министерства юстиции, а в 1941 году получил свое нынешнее название. Именно в нем оказались сосредоточенными важнейшие архивные фонды, являющиеся основным материалом для изучения как русской гражданской истории, так и истории русского языка и — особенно — деловой прозы.

В ценнейшем из его собраний — Государственном древлехранилище хартий и рукописей — сохраняются такие известные памятники, как пушкинский (А. П. Мусина-Пушкина) список Русской Правды, договорная грамота князя Мстислава с Ригой 1229 г., царские Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., старинные духовные, договорные, жалованные грамоты московских, новгородских, тверских, рязанских великих князей, в том числе духовные грамоты Ивана Калиты 1328 и 1341 г., Дмитрия Донского 1371 и 1389 годов. (Читателя не должны удивлять разные даты духовных завещаний — великий князь или другой знатный человек перед серьезным походом или битвой обычно оставлял завещание на случай своей возможной кончины).

Интересными жанрами фонда являются *клятвенные и поручные записи* князей и бояр в верности государям; *утвердительные грамоты* митрополитов, архиепископов, епископов российскому патриарху, Утвержденная грамота об избрании на царство Михаила Романова 1613 года. Всего в фонде около пятисот актов и грамот особо важного государственного содержания. Один из документов написан на бересте, один — на шелковой ткани, 46 — на специально обработанной телячьей коже — пергамене.

Большинство документов этой коллекции издано как в дореволюционное, так и в советское время, чего нельзя сказать о материалах многих других фондов архива. Получается, что филологической науке остаются неизвестными не только состав документов, но и отдельные типы, жанры текстов деловой прозы, весьма содержательных в языковом и иных отношениях.

Вместе с тем обращает на себя внимание своеобразие жанров определенного Приказа или иного учреждения. Так, в фонде Сибирского приказа преобладают разнообразные Книги — сводные документы, регистрирующие факты по указанным администратором вопросам. Среди них видим *Прибыльные*, *Сметные*, *Пометные*, *Доимочные*. «Прииск новых земель» порождал *Дозорные* и *Переписные* книги этих территорий. Результаты направления в Сибирь служилых людей отразились в *Именных*, *Верстальных*, *Послужных*, *Окладных* и *Раздаточных* книгах. Немало сохранилось *Опытных* книг, сообщающих о результатах посевов культур на «сибирской земле», значительно представлены *Таможенные* книги, *Товарные ценковые росписи* таможенных изб на меха, пеньку, «смольчугу»; разнообразны и подробны *Ясачные* книги, содержащие записи о сборе дани, податей.

Разрядный приказ ведал военными делами, служилым населением и в том числе ратными людьми Русского государства с середины XVI века по 1713 год. В его фонде около девяти с половиной тысяч единиц хранения: это *Боярские*, *Жилецкие*, *Смотренные* и другие списки, представляющие собой описания, записи сведений о служилых людях, их поместных и денежных окладах, о переменах в служебной деятельности.

Разновидностью списков являются *Верстальные*, *Разборные*, *Раздаточные десяти* — своеобразные «листки по учету кадров» в виде именных перечней городских дворян и детей боярских, содержащих сведения о физическом состоянии, вооружении, прежней службе. Десятки составлялись при разборе, верстанье служилых людей и раздаче денежного жалованья.

Иностранными делами Русского государства ведал *Посольский* приказ. Документы этого приказа велись особо грамотными администраторами и сохранялись особенно тщательно: были сами по себе важны дела по международным сношениям, требовалось поддерживать традиции, наводить исторические справки и т. п. В ЦГАДА много фондов, сохранивших документы взаимоотношений России с иностранными государствами; особенно богаты фонды сношений с Польшей 1431—1800 гг. (около 5700 единиц хранения), со Швецией 1513—1810 гг. (5006 единиц хранения), с Турцией 1496—1800 гг. (3348 единиц хранения), Пруссией 1516—

1801 г. (2427 единиц хранения). Значителен также фонд Мало-русских дел 1522—1781 г. (5186 единиц хранения).

По мнению историка, академика М. Н. Тихомирова, «...по богатству содержания документы Посольского приказа стояли на первом месте среди исторических источников XVI—XVII вв.» Филолог, однако, находит в этих делах не столь уж много видов и разновидностей документов. В делах этого Приказа чаще всего встречаются так называемые *Статейные* списки, представляющие собой отчеты о посольствах из Московского государства в другие страны, а также сведения о приемах посольств в Москве. В *Статейные* списки вносились грамоты русского и иноземного правителей, *Памяти* московским послам, как себя вести и что говорить в стране и при дворе. Со временем *Памяти* сменились *Наказами*, в которых предусматривалось, как следует отвечать послам на возможные вопросы.

Самым богатым по числу и разнообразию сохранившихся документов является *Поместный* приказ (в нем около 35 тысяч документов 1540—1720 гг.). Среди документов большую часть составляют грамоты о раздаче земель и крестьян боярам, дворянам и монастырям; о вотчинных пожалованиях; о записи поместий за новыми владельцами; об отписке в казну поместий опальных князей и бояр; о сыске беглых крестьян и холопов; судебные дела о поместьях и вотчинах.

Дела Поместного приказа распределены по городам; почти по каждому из них сохранились *Писцовые книги*. Московские писцы, посланные на места, составляли описания города, его укреплений, церквей и монастырей, лавок, улиц, слобод, проживавших в городе людей, лежащих на них повинностей. Уезд описывался по селам и деревням, перечислялись починки (расчищенные под пашню места) и пустоши с указанием, кому они принадлежат и кто живет на этих землях. В период между общими описаниями земель в связи с изменением числа людей в городе или уезде после войны, мора или стихийного бедствия составлялись *Дозорные книги*.

Наиболее полно (по сравнению с другими фондами) представлена в Поместном приказе переписка его дьяков и подьячих с другими приказами и уездными воеводскими приказами. Здесь более всего распространены жанр *Памяти* — распоряжения, содержащего инструкцию на конкретные действия своим подчиненным. Эти конкретные действия явствуют из названий разновидностей *Памятей*: *Доимочная*, *Допросная*, *Приговорная*, *Приемная*, *Проезжая*, *Прохожая*, *Разводная*, *Раздельная*, *Сборная*, *Сенопоставная*, *Судимая*, *Счетная*, *Сыскная*, *Учетная* и другие.

Значительно представлены и собственные фонды этих местных приказных изб. Около двух тысяч документов за 1637–1712 гг. в фонде Якутской приказной избы. Немногим меньше документов видим в описи Шацкой избы (1800 единиц хранения). География приказных изб (в смысле сохранности их фондов) представлена богато: от Бежецкой приказной избы сохранилось 1796 единиц хранения (1595–1715 гг.), от Белозерской — 1500 документов (1613–1715 гг.), от Владимирской — 1571 (1612–1714 гг.), от Арзамасской — 1200 единиц хранения (1620–1715 гг.). Естественно, что беднее представлен юг тогдашней России. Однако в фонде Курской избы сохранилось 606 документов за 1652–1715 гг., Остроужская приказная изба имеет 228 документов, Ливенская приказная изба — 98 единиц хранения.

Наиболее древние документы местного делопроизводства хранятся в фондах Новгородской приказной палаты (с 1496 г.— 1650 единиц хранения). Псковское приказное делопроизводство сохранилось с 1585 г.— 190 единиц хранения.

Фонды уездных Приказных изб представлены *Отписками* воевод в Центр, где они сообщали о важнейших местных делах. Однако Отписки сохраняются на местах лишь в виде так называемых *отпусков* — «черновики» — подлинные же Отписки находятся в делах Московских приказов.

В подлинниках на местах представлены различные *Записи*, составлявшиеся между местными жителями с целью закрепить на бумаге принятые ими по отношению друг к другу обязательства: о выполнении определенного дела, поручения, о выплате денег и о другом подобном. Записями можно было оформить условие о передаче имущества, даре. Администрация Приказных изб выступала в этом случае в качестве нотариуса. Фонды Приказных изб сохранили такие Записи, как *Бобыльская*, *Дворовая купчая*, *Дельная*, *Договорная*, *Жилая подрядная*, *Завещальная*, *Захребетная*, *Земляная скупная*, *Крепостная*, *Межевая*, *Меновная* и многие, многие другие.

Планомерное и систематическое сопоставление видов и особенно разновидностей документов в канцеляриях Центра и разных уездов России позволяет выяснить центробежные и центростремительные тенденции в области делопроизводства и документооборота, степень централизации канцелярии на разных этапах истории Русского государства. В областных (уездных) фондах встречаются интересные для истории государства сведения, а для истории языка — локализмы, различные самоназвания документов. Состав деловых текстов, особенности их структуры позволяют глубже исследовать процесс складывания русской документной систе-

мы, формирования жанров делового письма на всей территории государства. Это лишь один из возможных аспектов изучения. В целом же фонды Архива древних актов, как и других, не упомянутых пока древлехранилищ страны — широкое поле для исследовательской работы историков и филологов.

О других хранилищах памятников древней письменности будет рассказано в следующих номерах журнала.

Рисунок Н. Беланова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно сказать: *пылесосу* или *пылесосу*?»

И. С. Коструб, Днепропетровск

Словари русского языка дают на этот вопрос неоднозначные ответы. Так, в «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой находим: *пылесосить*, 1 л. ед. ч. не употребляется; «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова, созданный в Институте русского языка АН СССР, дает форму *пылесосу*; «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова, подготовленный в том же Институте, отмечает: 1 л. ед. ч. неупотребительно; «Грамматический словарь русского языка» (М., 1980) указывает: *пылесосить* наст. 1 л. ед. ч. затруднительно.

Глагол *пылесосить* относится к группе глаголов с инфинитивом на -ить: *косить*, *носить*, *обезопасить* и т. п., для которых характерно чередование мягкого *с* с *ш* в основе настоящего времени, ср.: *косить* — *кошу*, *носить* — *ношу*. «Русская грамматика» АН СССР, изданная в 1980 году, подчеркивает, что «в силу обязательного чередования в употреблении избегаются формы 1 л. ед. ч. глаголов *басить*, *дубасить*, *голосить*, обе формы глагола *пылесосить* (*пылесосу* и *пылесосу*) в употреблении редки».

Поэтика и риторика в Киево-Могилянской академии

Н. В. Новикова,
научный сотрудник Института русского языка АН СССР

Киево-Могилянская академия сыграла большую роль в развитии русского просвещения, науки и культуры XVII—XIX веков. Определенное значение в ее

выдвижении на позиции ведущего учебного заведения имел весьма широкий круг изучавшихся в ней предметов и достаточно высокий уровень их преподавания. Слушатели академии особенно выделяли поэтику и риторику. Объяснялось это не только тем, что они получали довольно основательные по тому времени теоретические знания этих предметов, но, пожалуй, прежде всего тем, что имели возможность научиться писать стихи, а также сочинять разного рода речи, на которые тогда была большая мода, и их «спешили произносить при всяком удобном случае перед знакомыми и даже незнакомыми людьми, знатыми и незнатыми». Благодаря этим импровизированным выступлениям «приобретали себе ученики небольшую славу и всегда хлеб насущный».

Строгого разграничения в преподавании поэтики и риторики тогда не было. Риторические отрывки, помещавшиеся в конце академических учебников по поэтике, выполняли как бы двойную функцию: с одной стороны, служили пособием для самой поэтики, а с другой — готовили учеников к риторике. Младшие слушатели — класса пиитики — получали предварительные знания об отдельных предметах старших классов. Это имело важное значение, так как преподаватели риторики одновременно давали теоретический курс и упражнения. Такая методика преподавания возможна была только благодаря предварительным знаниям о риторических понятиях, полученных учениками в классе пиитики.

Риторические приложения имели иногда довольно большой объем: в них помещались трактаты «о распространении слов и мыслей», о периодах, о письмах и т. д. Однако к началу XVIII века они стали короче, их помещали уже не в конце, как традиционно было принято, а внутри самих поэтик. Особенно

ярко эта тенденция проявилась в поэтике Ф. Прокоповича, который не видел серьезных различий между поэтикой и риторикой: «Предмет поэзии составляет все то, о чем можно писать стихи, т. е. все те предметы, которые составляют содержание и пауки ораторской». С этого периода в поэтику все более проникали отдельные риторические правила, что привело к утере поэтикой своей и так не очень строгой изолированности от риторики.

Как и поэтика, риторика состояла из двух самостоятельных разделов — риторики общей и частной (или прикладной). Перед этими разделами помещали особый отдел, так называемое «риторическое млеко»: в нем приводились некоторые изящные, тщательно отработанные выражения, которые, говоря современным языком, представляли собой «штампы», специальные заготовки, позволяющие оратору говорить гладким, ровным слогом. Этот отдел из года в год, из курса в курс тщательно переписывали и сами преподаватели, и ученики.

Риторика включала такие вопросы: 1) об изобретении для ораторских произведений доказательств, «научающих (путем общих риторических мест — внутренних и внешних) и убеждающих (через распространение мыслей и слов)», 2) о расположении, 3) о выражении, 4) о памяти, 5) о произношении оратора. Последние две части нередко были объединены в один трактат. Наиболее интересными традиционно считались первые три части, отличавшиеся некоторой общностью задач. К примеру, в главе об изобретении доказательств даны толкования собственных имен, отдельных символов, гербов, приведены различные примеры из истории, описаны некоторые древние обычаи и т. д. Этот отдел был своего рода справочным аппаратом «для прикрасы речи оратора». Некоторые преподаватели помещали его в прикладной части для каждого отдельного рода ораторских произведений, после изложения основных правил по их составлению.

Частная риторика имела более свободную структуру построения и форму изложения, чем, скажем, прикладная поэтика. Однако, начиная уже с самых ранних руководств по риторике, в каждый учебник обязательно включался свод правил по составлению так называемых эпидиктических (поздравительных) речей, которые киевские ученые относили к изъяснительному роду красноречия. Причиной такого исключительного внимания к этим речам было, по мнению Ф. Прокоповича, укоренившееся в его время заблуждение: ораторы «все свое красноречие и все труды свои в изучении его начинают не для иного употребления, как только для того, чтобы прилично поздравлять приятелей, говорить за

бокалами благожелательные речи друзьям и торжественным образом встречать известные годовые праздники».

Хотя эпидиктические речи панегирического характера и представляли собой подражание западным, в частности польским, образцам, однако они имели и некоторые национальные особенности. Передко их дополняли описания отдельных русских обычаев и обрядов, и со временем они приобрели чисто бытовое значение. При этом все большее развитие получали те виды панегирических речей, которые самым тесным образом связаны с «отеческими традициями». Все это делалось для того, чтобы воспитать в согражданах уточенные формы приличия и вежливости. Привычки, достойные порицания, также находили отражение в эпидиктических речах. Основные правила по составлению этих речей оставались неизменными до 1819 года, когда они разделились на два самостоятельных рода: одни из них сохранили прежнюю бытовую окраску, а другие «близко подошли к проповедям».

В особый раздел риторик были выделены правила по составлению писем, но иногда они входили и в поэтику. Вероятно, это шло от античной традиции, когда переписку рекомендовалось вести в стихах. В южную Россию эта традиция проникла из Польши, где умению составлять письма поэтическим слогом придавалось большое значение. Например, в львовской поэтике 1693 года можно встретить высказывание следующего характера: «Прежде чем приступим к поэзии или связной речи, предположим краткое замечание о письмах, так как и они, особенно если пишутся стихом, также не исключаются поэтами, и из древних хвалят письма Овидия...»

Довольно редко встречались упоминания о судебном красноречии, часто сделанные мимоходом и к тому же помещенные в общем разделе риторик. Положение дел изменилось лишь после риторики Ф. Прокоповича, уделившего судебному красноречию довольно значительное место в своем учебнике. Следует подчеркнуть, что все риторические курсы преподаватели читали по собственным записям. При этом было какое-то негласное правило, требовавшее ежегодно читать новые курсы. Поэтому преподаватель, читавший курс два года подряд, непременно вносил в него какие-нибудь изменения и поправки.

Все эти правила просуществовали почти до 1776 года, когда письменные руководства по этим наукам были заменены печатными. Риторике латинской начали обучать по учебнику Бургия, а русской — по руководству к красноречию М. В. Ломоносова; поэзии латинской — по руководству, составленному и читанному здесь некогда Ф. Прокоповичем, и русской — по небольшой книге

Аполлоса, дополняя ее отдельными главами из риторики М. В. Лоносова.

Частично повторяла некоторые положения западных учебников и академическая риторика. Например, в полном соответствии с польскими руководствами даны названия курсов и их содержание. Такое подражание значительно ослабло со времени Ф. Прокоповича, призывавшего «не идти только по дороге, протоптанной другими учеными, по следовать самостоятельным научным воззрениям, которые, рождая солидную ученость, образуют знатоков, а не торгашей науки».

Большое научное значение имеют сочинения деятелей академии, их рукописное наследие, лекционные курсы, прочитанные в стенах этого учебного заведения. К сожалению, пожары, обрушившиеся на академию в конце XVIII – начале XIX века, уничтожили почти все хранившиеся там книги и рукописи. Кроме того, некоторая часть оказалась рассредоточенной по многим городам как нашей страны, так и за границей (Польша, Болгария, Югославия и т. д.). Несколько лет назад, например, в Югославии была опубликована риторика одного из преподавателей Киево-Могилянской академии М. Козачинского.

Группа киевских ученых (Я. М. Стратий, В. Д. Литвинов, В. А. Андрушко) проделала большую работу по сбору, описанию и переводу на русский язык отдельных частей, заголовков, названий разделов, глав хранящихся в Центральной научной библиотеке АН УССР риторических, философских и исторических курсов, прочитанных в Киево-Могилянской академии, а также в некоторых других учебных заведениях юго-запада Руси. Почти все из представленных в описи риторик – латиноязычные. Лишь два риторических курса, относящиеся к XVIII веку, написаны на русском языке.

Первая из этих рукописных книг – «Риторика» А. С. Милорадовича – датируется 1742 годом. Учебник является, скорее всего, сокращенным переводом риторики Ф. Прокоповича; состоит из 10 книг. Однако первая книга не сохранилась, поэтому рукопись начинается со II главы второй книги. В конце учебника имеются два трактата, отсутствующих в риторическом курсе Ф. Прокоповича: «О похвале елоквеции или краснословию, и, во-первых, о ее изяществе» и «О пожитке елоквеции». Стихотворения в тексте написаны сначала на латинском, а потом на русском языке, риторическая терминология дана только по-латыни.

Второй учебник – «Первых оснований риторических» (1764 г.), большая часть которого написана на русском языке, вероятно, оригинальное произведение. Однако автор его не известен (руко-

пись хранится в ЦНБ АН УССР). Книга состоит из собственно риторики на русском языке и двух «аппендиксов» (своего рода приложений) на латыни. Риторическая часть разделена на две части: I. «Первая наука, опыты красноречия содержащая», II (или как она названа в рукописи «часть последняя»). «Наставления красноречия догматического представляющие». В двух «аппендиксах» проанализированы вопросы, связанные с амплификацией — стилистической фигурой, состоящей в папизывании синонимических конструкций с целью повышения выразительности высказывания: усиление, противопоставление, логическое размышление, накопление и др.

В учебнике рассмотрены традиционные риторические положения. Особое внимание уделено украшению речи различными способами, в частности тропам и фигурам. Ко многим приложениям, которые рассматриваются в тексте самой риторики, даны различные дополнительные сведения — «прибавления». Многие традиционные термины заменены русскими, иногда латинское название зачеркнуто, а сверху написан русский эквивалент, иногда это исправление вынесено на поля. Только на русском даны такие понятия: бессоюзие, усугубление, испрошение и много других. Замена латинских терминов встречается не только в текстах, но и в заголовках. В рукописи вообще много исправлений, сделанных разными чернилами, разными почерками и, вероятно, в разные годы. На полях много добавлений, уточнений, иногда рядом с текстами на русском языке появляются латинские. Чисто практические советы и рекомендации, помещенные автором в учебник, дают нам определенное представление о моральном и нравственном облике людей того времени. Автор, например, с негодованием осуждает излишнюю роскошь, пьянство: их «надлежит всячески осуждать», а «должно любить лишь храбрость единую».

Гуманистическая направленность, определенная демократичность были присущи подавляющему большинству прочитанных в Киево-Могилянской академии курсов поэтики и риторики. По сравнению с другими науками, они были тесно связаны с общественной жизнью, в них отражались разные политические события. Не проходило бесследно изучение поэтики и риторики и для развития языка, не говоря уже о том, что эти курсы способствовали знакомству слушателей с лучшими образцами ораторского искусства древности. Несмотря на некоторые недостатки и просчеты в преподавании отдельных наук, и в частности поэтики и риторики, в целом Киево-Могилянская академия внесла большой вклад в историю просвещения и образования не только Украины и юго-запада Руси, но и всей России.

Где люди живут, такое «имя» и носят

Н. А. Волкова,
кандидат филологических наук

Разнообразен мир родного языка. И, случается, задает нам наш русский язык загадки.

Казалось бы, что может быть проще: где люди живут, такое «имя» и носят. В Ленинграде — значит, *ленинградцы*, в Риге — *рижане*, в Горьком — *горьковчане*, в Перми — *пермяки*, в Москве — *москвичи*. А если — в Минеральных Водах? Или в городе Белая Холуница? А как правильно называть живущих в Плесе, Палехе, Кичменгском Городке? В этих случаях, чтобы не ошибиться, приходится заглядывать в специальный «Словарь названий жителей СССР».

В Словаре рядом с каждым топонимом, названием населенного пункта, находится несколько производных — названий жителей той или иной местности. Из словарных статей узнаем, что среди нас есть *минераловодцы* (они же *минераловодчане*), *холуничане* (они же *белохолуниццы*); что жителей волжского Плеса

следует называть *плесчане*, а уроженцев знаменитого Палеха — *палешане*, *палеховцы*, а можно и *палехчане*.

В современном русском литературном языке обнаруживается удивительное разнообразие в способах языкового выражения связи человека с той местностью, где он живет. Главным образом, это суффиксы, которые образуют от основ топонимов производные. Наиболее продуктивными являются суффиксы *-ец*, *-овец* (воронежец, орловец), *-анин*, *-янин*, *-чанин* (курянин, орловчанин), *-ич* (москвич), *-як* (туляк, пермяк).

При кажущейся простоте моделей вопросы оттопонимического словообразования не всегда решаются просто.

В «Словаре названий жителей СССР» (М., 1975) рядом с топонимом Кичменгский Городок Вологодской области стоит местное наименование *кичмаки* и два устаревших *кичменжане* и *кичемжане*. А названия, которое может быть рекомендовано как нормативное, — нет. Эта модель отсутствует.

В большинстве случаев для жителей одного и того же населенного пункта существует несколько названий: Вологда — *вологжане*, *вологодцы*, *вологодчане*. Даже самое привычное для нас — *москвичи* — далеко не единственное наименование жителей столицы. В истории были и *московцы*, и *москвитяне*, и *москвитины*, и *московляне*, и даже *москвитинники*. Правда, эти наименования устарели и не употребляются в современном русском литературном языке, но они являются частью нашей истории. Слово *москвич* вытеснило другие варианты: суффикс *-ич* оказался более жизнеспособным. В других же словах этот суффикс повел себя иначе. Например, бытовавшее в прошлом наименование жителей г. Болхова *болховичи* уступило место *болховчанам*, и слово с суффиксом *-ич* перешло в разряд устаревших. Почему слова с одинаковым суффиксом имеют разную судьбу?

Проблема образования оттопонимических производных — одна из сложных в русистике. Наличие в литературном языке, с одной стороны, множества вариантов в названиях жителей одной местности, с другой — явные «пробелы» (как в случае с Кичменгским Городком) говорит о том, что в настоящее время в оттопонимическом словообразовании еще не сложилась норма.

В связи с этим интересно обратиться к прошлому русского языка. Богатый материал для такого изучения дают письменные памятники, во множестве сохранившиеся в музеях и архивах нашей страны. В последние годы они активно издаются, что чрезвычайно ценно, так как эти материалы — свидетели нашей культуры и истории — становятся доступными практически каждому человеку.

Мы обратились к целому ряду опубликованных в издательстве «Наука» памятников южнорусского региона XV–XVII веков, так как южновеликорусские говоры сыграли значительную роль в истории русского национального языка. Это преимущественно памятники деловой письменности, где в большей степени можно ожидать вероятность отражения живой речи прошлого. Например, старые тексты рязанского края XV–XVI веков, включающие разного характера грамоты (купчие, жалованные, разъезжие, договорные, отводные, докладные, отступные, меновные), мировые записи. Кроме рязанских, к анализу привлекались отказные и таможенные книги XVII столетия (белгородские, брянские, воронежские, елецкие, курские, карачевские, мценские, новосильские, орловские, рыльские). Для сопоставления языкового материала изучались памятники деловой письменности XVII века владимирского края и памятники московской деловой письменности XVIII века.

Судя по географии наименований, в названных памятниках представлен обширный языковой материал южного региона России. Непосредственное знакомство с текстами указанных памятников показывает, как широко отражена в них социально-экономическая жизнь края в начальную эпоху формирования русского национального языка. В текстах упоминаются Москва, Тверь, Углич, Ярославль, Киев, Воронеж, Нежин, Нижний Новгород, Курск, Брянск, Орел, Луцк, Ряжск и много других городов и городишек того времени, выходцы из которых бывали по торговым делам в южнорусских землях. Соответственно в текстах памятников встречается большое количество слов, которые обозначают названия жителей по месту их «прописки», как сказали бы мы сейчас. Например, «...курченин Афонасей Амелин в Курской уезд взял с собою тутошних и сторонних людей...», «...по челобитью орлянина Ерофея Яковлева сына Картамышева...», «...рылении Федор Доменков», «...по челобитью мепнянина Томая Нефедова и мецнян недорослеи дети боярских Кондрата да Данилы да Марки...» и т. п.

Структура слов, обозначающих названия людей по месту жительства, оказывается довольно разнообразной (об этом свидетельствует материал памятников). Это слова, состоящие из одного или нескольких корней. Например, одночленные: *чугуевец*, *дединец* (житель села Дединово), *орленин*, *курченин*, *ряшанин* (житель города Ряжска), *коломнети́н*, *литвин*, *москвитин*, *брянчанин* и т. д. Двучленные: *белогородец*, *чернослободец*, *красногородец*, *стародубец*, *новгородец*, *новосилец*, *нижегородец*.

В образовании слов-названий жителей в языке прошлого ис-

пользовались разные суффиксы. Очень продуктивным был суффикс *-ец*: *алексинец, белогородец, воронежец, дединец, ефремовец, карачевец, новгородец, новосилец, ольшанец, пристенец, краснородец, лебедянец, муromeц, нижегородец, переяславец, пустотинец* (житель села Пустотино), *путивлец, путимец, романовец, ростовец, рязанец, скопинец, сомовец, стародубец, тагинец, хотмынец, чугуевец, ярославец*. Попутно заметим одну любопытную деталь: в изученных памятниках ни разу не встретилось слово *орловец*, хотя жители Орла в текстах упоминаются часто, особенно в курских и орловских таможенных книгах, и модель с суффиксом *-овец* не была редкостью (например, *вязниковец*). Суффикс *-ец* широко встречается и в памятниках деловой письменности владимирского края: *володимирец, муromeц, суздалец*.

Другой вариант слов-названий жителей русских городов XV–XVII веков — образование их при помощи суффикса *-анин* и его вариантов *-енин, -янин*. В южновеликорусских письменных памятниках зафиксированы следующие примеры: *-анин* — *волоцанин, калужанин, рязанин*; *-янин*: *ижевлянин, мецнянин* (житель города Мценска), *орлянин*; *-енин*: *бельенин, колуженин, крилошенин, косолбашенин, лушенин* (житель города Лух), *орленин, осколенин, рыленин, туленин, черненин* (житель города Чернь), *мецненин*.

При сопоставлении таких слов, как *орленин* и *орлянин, мецненин* и *мецнянин* и подобных, оказывается, что форма *орленин, мецненин* употребляется значительно чаще, чем *орлянин, мецнянин*.

В текстах зафиксировано немало слов с суффиксами *-чанин, -ченин*: *петровчанин, брянчанин* и *брянченин, валуйченин, ельчанин* и *ельченин, комаричанин* и *комариченин, кромчанин* и *кромченин, северчанин* и *северченин, севчанин* и *севченин, шатчанин, курчанин* и *курченин*. Во владимирских и московских текстах: *городчанин, галичанин*.

Любопытной особенностью является то, что современное наименование жителей города Курска *куряне* в текстах деловой письменности XVI–XVII веков не зафиксировано ни разу. Почему? Может быть, слова-наименования жителей города Орла *орловцы* и Курска *куряне* вошли в активное употребление позже? Но в русских летописях можно найти «...куряны с половцы идоша на Пльсков пригонит Всеволода...» (Новгородская летопись XIII в.), «...кюряне же послаша к Гюргевичу, и пояша у него посадник к себе...» (Ипатьевская летопись XV в.). В «Слове о полку Игореве» встречается: «...а моп ти куряни сведоми кьмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны...»

Судя по материалам памятников, были и другие суффиксы для образования наименований жителей: *-итин*, *-етин*, *-ятин*. Но они были менее продуктивны и встречались значительно реже (*болховитин*, *козлитин*, *серпуховитин*, *москвитин*, *можеитин* — житель города Можайска). Например: «...тово ж числа взята пошла на з болховитина Радки Щеволева...», «...явил козлитин Софон Федарав сорок алтын денег...», «...явил москвитин боярина князя Ивана Борисовича Черкасского крестьянин села Марьина...», «...можеитин посадкой человек Дмитрией Степанов...» и др.

Еще реже в текстах встречаются слова с суффиксами *-ин*, *-ич*: *литвин*, *немчин*, *карелин*, *болхович*.

В исследованных текстах деловой письменности практически не встречаются слова-названия женщин — жительниц городов. Нам удалось зафиксировать лишь три таких слова: *курченка*, *московка*, *галичанка*. Это естественно, так как памятники деловой письменности отражают торгово-хозяйственную жизнь и деятельность, которой в тот исторический период занимались главным образом мужчины.

Но не только именами существительными были представлены в XV—XVII веках слова-наименования жителей русских населенных пунктов. В памятниках южновеликорусской письменности изучаемого периода встречаются и оттопонимические прилагательные. Например, наряду с *хотмынец* встречается «хотмынской стрелец Иван Бобаев», наряду с *москвитин* — «московской ямщик Онисым Терентьев», наряду с *курченин* — «курской жилой человек Семен Иванов сын», «курской козак Демеха Крюков».

Кроме этого, в текстах памятников можно отметить описательный способ наименования жителей городов и сел Русской земли, например «иноземец города Луцка». Ни разу в текстах не встретилась модель *киевлянин*, хотя довольно часто упоминаются жители Киева. В качестве примера можно привести фрагмент текста: «...явил соли курченин Ермол Брежнев...», и здесь же, через запятую, идет такая запись: «...явил соли... града Киева Тимофеи Степанов...»

Единичны случаи обобщенного наименования конкретного человека — «литва Васко Микифоров», «литва Игнатко Павлов».

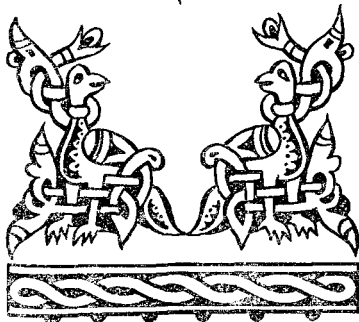
Все сказанное позволяет судить о том разнообразии словообразовательных моделей, которое было в русском языке в эпоху становления русского национального языка. Можно видеть общие русские продуктивные и непродуктивные модели, а при сопоставлении с материалами современного русского языка — и историческую перспективу слов, называющих людей по месту жительства.

Рисунок В. Леонова

Курск

Словесный костюм сказки «Царевна-лягушка»

Т. Г. Дмитриева

Всем нам хорошо известно содержание сказки «Царевна-лягушка»: три царевича находят себе жеп с помощью пущенных стрел, младшему — Иванау-царевичу — достается лягушка. Она — заколдованная Кощеем Бессмертным, Василиса Премудрая...

Но попробуем начать рассказывать эту сказку — и сразу почувствуем, что делать это нелегко: для того чтобы повествование шло складно, живо и занимательно, мало хорошо знать содержание, пужно владеть целым рядом приемов сказочной речи.

Рассказывающий сказку не может долго обдумывать или переделывать ее текст. Видимо, в его распоряжении должны находиться какие-то готовые приемы художественного повествования, те «лекала», по которым легко кроится «словесно-фразеологический костюм» (выражение известного собирателя русских сказок и фольклориста А. И. Никифорова) волшебной сказки. «Сюжетный

схематизм неизбежно определяет известную сторону стиля сказки. Наличие, например, в чудесной сказке постоянных функций действующих лиц... шаблонизирует ход изложения, вносит во многие виды сказки постоянство словесно-речевых конструкций» (Никифоров А. И. Важнейшие стилевые линии в тексте северной русской сказки — «Slavia», 1934, вып. XIII).

Исследователи сказки давно обратили внимание на то, что самое важное и характерное для нее — это само действие (Соколов Ю. М. Русский фольклор), а «в сказочном рассказе определяющим строй фразы всегда является глагол» (Аникин В. П. Русская народная сказка). Это позволяет обнаружить целый ряд общих стилистических приемов, по которым создается сказочный текст. Покажем это на вариантах сказки «Царевна-лягушка».

Итак, начиная рассказывать сказку, вы скажете: «Царь дал своим сыновьям лук и стрелы», тогда как в вариантах сказки в данной ситуации употребляется предлог *по*: «Сделайте себе по самострелу и стреляйте» (Афанасьев А. Н. Народные русские сказки; далее — Афанасьев), «Он оделил их по стрелке...» (Афанасьев); «И потом он дал имя по стрелочке» (Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии; далее — Зеленин); «Тогда отец сделал им всем по луку и стрелы» (Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова; далее — Никифоров).

Глагол с предлогом *по* как нельзя лучше выражает «ситуацию распределения», в которой исходные «данные» равны — условия поисков невест одинаковы для всех братьев, — но результат будет разный: в этом находится ключ к динамике сюжетного развития.

Поэтому с помощью данного предлога описываются одинаковые для всех царских снов задачи: «Чтобы жены ваши испекли мне к завтраку по мягкому белому хлебу... Соткали за единую ночь по ковру» (Афанасьев); «Тогда отец объявляет пир и заказывает молодым женам вышить ему по паре белья, какая лучше всех сошьет» (Никифоров); «Пушай к утру оне изготовят мне по рубашке» (Зеленин).

Действие, которое каждый совершает по отдельности, передается в сказке не только с помощью предлога *по*, но и простым повторением действия с перечислением разных персонажей: «Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральская дочь» (Афанасьев). Конечно, такое перечисление обусловлено традиционным сказочным утроением: три брата, три невесты, три задачи. Но при этом и сами слова *старший, средний, младший, один, другой, третий* становятся «опорными» для сказочника при развертывании повествования. Кроме того, такой повтор рождает ощущение ритма и стройной упорядоченности.

Главным в этом повторе является результат действия персонажей, особенно последнего — он всегда самый неожиданный и удивительный: «Вот старший стрельнул, и его стрела упала к генералу на двор... Другой стрельнул, его стрела упала к кунцу

на двор... Третий стрельнул, и стрелка его упала в болото» (Афанасьев).

Этот же прием используется и в описании пляски снох на царском пиру: «Старшая плясала, плясала, махнула рукой — свекра ушибла; другая плясала, плясала, махнула рукой — свекра ушибла; третья, лягушка, стала плясать, махнула рукой — явились луга и сады» (Афанасьев).

Иногда при этом добавляется столь важное в сказке сопоставление *правой* и *левой* сторон: «Большак стрелил, у ево в праву сторону улетела стрелочка, средний стрелил, у ево в леву улетела; а Иван царевич стрелил, у ево полетела прямо и свильнула — залетела в тошучее болото» (Зеленин); «Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы» (Афанасьев); «Махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди» (Афанасьев).

Порой в сказке требуется лишь передать следующие друг за другом действия персонажа. Это осуществляется при помощи самых простых лексических и синтаксических средств, нередко глаголами одного корня: «Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу» (Афанасьев). В таких случаях сказочники прибегают к приему, который можно назвать «раскадрировкой»: поведение действующих лиц как бы расчленяется на ряд составляющих его «кадров»: каждый новый глагол — кадр: «Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братовей... Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню» (Афанасьев). Раскадрировка в сказке внутренне упорядочена: при описании поведения персонажа в каком-либо эпизоде называется начало действия или подготовка к нему, само действие и затем его результат, окончательная завершенность. На таком трехчастном принципе строится и начало сказки «Царевна-лягушка»: царь велит стрелять, сыновья стреляют, стрелы падают в три разных места.

Построение из трех глаголов в основе имеют и другие эпизоды, причем их регулярная повторяемость позволяет говорить о стилистическом стереотипе. Рассмотрим эпизод уничтожения материала, присланного для выполнения царской задачи: «Получили по несколько метров-аршин мануфактуры... а младшего сына жена разрезала эту мануфактуру на тряпочки, выбросила за окно» (Никифоров). Также описывается этот эпизод в сказке «Три царства»: «Иван-царевич тотчас за пожитцы, изрезал на клочки все атласы и бархаты и выкинул в окно» (Афанасьев).

Сравним рассказ о превращении лягушки в царевну. В разных вариантах сказок он передается одинаковой последовательностью действий, с помощью одних и тех же глаголов: «Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась душой-девицей..» (Афанасьев); «Вот стали они ложиться спать. Лягушка скинула лягушечью кожурунку и стала человеком» (Афанасьев). Легко выделяется повествовательный стереотип: *уложила спать (стали ложиться) — сбросила (скинула) кожу — обернулась (стала) девицей*.

По этому же принципу построен эпизод сожжения Иваном-царевичем лягушечьей шкурки: «Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да и сжег» (Афанасьев); «Побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне» (Афанасьев); «Иван уходит опять вперед. Отыскал там эту лягушечью шкуру и сжег ее на огне» (Никифоров). Как мы видим, отрывок строится на основе трехчастной глагольной конструкции: *поехал — нашел — сжег*. Так постоянство сказочных ситуаций создает словесно-речевые формулы, стереотипы.

Все в сказке происходит в своем определенном месте. Например, вызов волшебных сил осуществляется на крыльце: «Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: „Няньки-мамки!“» (Афанасьев); «А сама вышла на крыльцо, вывернувшись из кожуха и крикнула...» (Афанасьев); «Вышла на поратное крыльцо...» (Зеленин). Так как такая пространственная конкретизация действия встречается постоянно, то это говорит о том особом значении, которое ей придается в повествовании: крыльцо становится в сказке особым, пограничным местом, где происходит контакт двух миров: внутреннего, домашнего, «человеческого» и внешнего, «дикого», таинственного.

К другим поведенческим стереотипам в сказках относятся *взять за руку, посадить за стол*. Эти выражения имеют не только прямой, но и переносный смысл: *взять за руку* в сказке означает узнать, выбрать, признать; *посадить за стол* — жест гостеприимства, привет: «Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные» (Афанасьев).

По законам стереотипии создается в сказках и прямая речь. Покажем это на примере уточняющего определения-сравнения, столь характерного для сказки. Царевна-лягушка объясняет, какие ей пужны хлеба, какие ковры: «Няньки-мамки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел» (Афанасьев). В другом варианте сказки: «Приготовьте мягкий, белый хлеб, какой ела я, кушала у родного моего батюшки» (Афанасьев).

Возможности этого описательного приема, определяющего качество предмета через действие («ел по праздникам»), позволяют сказочнику легко создавать подобные формы: «Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать — чтоб таков был, на каком я сживала у родного моего батюшки!» (Афанасьев).

Соответственно, легко варьируются и ответы-характеристики царя, построенные по этому же принципу: называется, когда или где употребляется предмет, это и служит его характеристикой: «Ну, вот это рубашка — во Христов день надевать!». Средний брат припес рубашку, царь сказал: «В черной избе ее носить!» (Афанасьев); «Это рабочему не в воскресный день надевать, а только в будни носить ее» (Зеленин). А так царь характеризует хлеб от старшего сына: «Ету булку голодающий, если три дня не ел, так посс» (Зеленин).

Сказочная речь представляет собой целую систему различных приемов, отражающих жанровую специфику, ее динамизм, впутренный ритм, пластичность образов, простоту и сложность словесного костюма русской волшебной сказки.

Рисунок В. Леонова

Читатель спрашивает

«Откуда пришло в наш язык слово „макулатура“?»

С. П. Чебовец, Коломна

Существительное *макулатура* происходит от латинского глагола *masulare* — «пачкать». Слово имеет несколько значений.

Первое, общеизвестное — отслужившие свой срок изделия из бумаги и картона, старые газеты и другие бумажные отходы, которые используются в качестве вторичного сырья.

Во втором значении *макулатура* — специальный типографский термин. Так называют типографский брак — псечетное или грязно отпечатанные листы.

И наконец в переносном значении *макулатура* — бездарное, не имеющее ценности литературное произведение.

В ногах правды нет

В. Н. Миротворцев

современном русском языке поговорку *В ногах правды нет* обычно понимают так: «не стоит стоять, лучше сесть». Используется она при обращении с приглашением сесть: «Ну, садись, Савельюшко,— проговорил старик из фальшивой любезности.— В ногах правды нет» (Мамин-Сибиряк. Верный раб); «Садитесь, ребята,— пригласил Прудаков, показывая на мягкие стулья.— В ногах правды нету» (Авдеев. «Зайцем» на Парнас).

Приглашение садиться понятно, ведь сидеть удобнее, чем стоять. Но что означает *В ногах правды нет*?

Прежде чем ответить на этот вопрос, укажем, что одновременно с этой поговоркой и, возможно, до нее существовала другая: *Правда в ногах*. Как известно, слово *правда* в ста-

рину имело много значений. Помимо основного в современном языке значения «истина», В. И. Даль отмечал в Толковом словаре следующие значения слова: «честность, неподкупность, добросовестность, праведность, безгрешность, судебник, свод законов, право суда, власть судить, карать и миловать, суд и расправа и пр. ... Стать на правду, стар. идти на суд».

Видимо, в поговорке *Правда в ногах* использовались те значения слова *правда*, которые указывали на «право суда», на «суд и расправу»; на право судебного учреждения добиваться выполнения своего решения любым способом, в том числе и при помощи битья по ногам. То есть, в случае необходимости, выполнение судебного решения (судебную правду) из человека (из его ног) просто выбивали. В этом смысле *правда* как бы заключалась в ногах. Именно об этом говорят материалы известных

популяризаторов русской фразеологии С. В. Максимова, М. И. Михельсона.

Так, автор прошлого века С. В. Максимов в статье «Правда в ногах» (см.: Крылатые слова. М., 1955) писал: «...в недавнюю старину ее (правду.— В. М.) там (в ногах) уверенно, упорно и с наслаждением искали наши... судьи, с примера, указанного татарскими баскаками. Сборщики податей, а впоследствии судные приказы, взыскивавшие частные долги и казенные недоимки, ставили виноватых на правеж...»

Правеж, как известно,— наказание за неуплату долгов или займа в Московском государстве XV—начала XVIII веков. В Большой Советской Энциклопедии (2-е изд.) читаем: «Правеж (от древнерусского «править» — взыскивать) — принудительный порядок взыскания долга с ответчика...». Слово *правеж*, как видим, имеет общий корень со словом *правда*.

И далее у С. В. Максимова: «Бирон казенные недоимки ... вымогал тем, что в лютую зиму ставил (ответчика.— В. М.) на снег и ... в отморозенных ногах... искал правды».

Сходное объяснение находим и у М. И. Михельсона, который в известной в начале века книге «Русская мысль и речь» (СПб., 1912) констатировал: «Правда в ногах.— Душа согрешила, а ноги виноваты (намек на старинный обычай понуждать должников на суде (правеже) к уплате долга — разными истязаниями...)». Известна также поговорка: *Берет руками, а отдаёт ногами*.

Правеж заключался в том, что ответчика в случае невыполнения им судебного решения об уплате долга ежедневно приводили утром к приказной избе и уводили вечером. «По Уложению 1649 (года) продолжительность правежа определялась из расчета один месяц за каждые 100 рублей долга» (см.: Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд.). В течение дня к должнику подходил пристав (праведчик) и бил по голым ногам батогами. Так продолжалось в течение определенного судом срока, ежедневно (кроме воскресений), до тех пор, пока долг не уплачивался (или пока за должника кто-либо не давал поручительство). В случае неуплаты после правежа имущество должника переходило к кредитору. Если имущества не доставало, должник выдавался кредитору «головой по искупу», то есть должен был погасить долг работой на кредитора. Правеж просуществовал на Руси около трехсот лет и был «эффективным» варварским способом взимания долгов. Как отмечается в указанной работе С. В. Максимова, «истязуемые умоляли безжалостных заимодавцев: „дай срок, не сбей с ног!“»

Итак, поговорка *Правда в ногах* связана с правежом. Что же касается поговорки *В ногах правды нет*, то и она связана с правежом. Но возникла она в результате *уклонения от праведжа*, его неисполнения (например, путем бегства от него).

Вот что писал в указанной книге «Русская мысль и речь» М. И. Михельсон: «В ногах правды нет (поговорка) — приглашение гостя садиться (намек на «бега» должников — от угрожавших им в правеже истязаний)».

В. И. Даль в Толковом словаре писал: «В ногах правды нет (приговаривают, прося садиться; от праведжа? или о бегстве?)»

Некоторые и спасались от праведжа бегством. «Сей мучительский обычай и закон... были причиною, что многие должники оставляли свое отечество, или бежали из Московщины на Волгу: *Когда нечем платить долгу, ехать будем на Волгу...*» (см.: Снегирев И. М. Русские в своих пословицах). Далее И. М. Снегирев продолжает: «по преданию сия пословица (*В ногах правды нет*. — В. М.) говорила в том смысле, что ныне на нем взятки гладки...»

Конечно, если убежать от праведжа, то (судебную) правду из ног «не выбьешь». Поэтому заимодавцы (давшие в долг) в этом случае могли произносить: *В ногах правды нет*.

Особенно широкое применение поговорка *В ногах правды нет* могла найти после отмены праведжа.

Петр I отменил битье по ногам и заменил праведж принудительными работами. Боязнь истязаний отпала. «Над упраздненным правежом начали уже и подсмеиваться в глаза заимодавцам, „на праведж не поставишь!“ (не что возьмешь!). Какая же в сущности правда в ногах?...» — писал С. В. Максимов (см. ук. соч.).

Но какое же отношение к правежу имеет приглашение *сесть*?

Изменение смысла поговорки *В ногах правды нет* «с него взятки гладки» и приобретение ею значения, связанного с приглашением *сесть*, произошло, видимо, за последующее после отмены праведжа время. Суть этого процесса можно сформулировать следующим образом.

При правеже: *Правда в ногах*; после отмены праведжа: *В ногах правды нет* (теперь уж однозначно: правду из ног «выбить» нельзя, если даже человек и не убежал).

При правеже, — когда *В ногах правда* и когда били по ногам, — человек падал, его поднимали и били снова. Сесть человек при этом не мог. Когда праведж отменили (*В ногах правды нет*), человек мог сесть, ему физическое истязание не угрожало. От-

сюда и современное употребление поговорки: *В ногах правды нет. Садись!* (то есть как бы говорят: правежа нет, в ногах правды нет, садись безбоязненно, ведь сидеть удобнее, чем стоять).

Как полагал С. В. Максимов (см. ук. соч.), «все эти болезненные вопли и бессильные жалобы (истязуемых при правеже.— В. М.) ушли в поговорки и, с уничтожением правежного обычая, приняли более смягченный смысл... Стали уверять, что «в ногах правды нет» тех, которые, придя в гости, церемомятся, не садятся...»

Основываясь на изложенном, вслед за М. И. Михельсоном можно сказать, что к правежу могут иметь отношение две поговорки: *Правда в ногах* и *В ногах правды нет*. Последняя (как намек на бегство от правежа) могла существовать в своем первоначальном смысле до отмены правежа. После его отмены поговорка *В ногах правды нет* стала употребляться как приглашение садиться.

Рисунок Б. Захарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Телефон стал в наши дни своеобразным символом деловой, рациональной жизни. И первое слово, которое мы произносим, снимая телефонную трубку — *алло*. Что это за слово, какой оно части речи — наречие, междометие? Хотелось бы также узнать о норме его произношения: мягко или твердо произносить второй звук [л]».

В. Г. Колмакова, *Московская обл.*

Алло является заимствованным из французского языка словом. Оно относится к классу междометий, обслуживающих сферу волеизъявлений и выражающих различные побуждения к действию. *Алло* — междометие, побуждающее к отклику человека «на другом конце провода». Это первое, но не единственное в данной ситуации слово (возможны следующие варианты: *да, да-да, слушаю, я слушаю, я вас слушаю*), которое мы произносим, снимая телефонную трубку.

Нормой произношения является мягкая форма [алё].

Белая ворона

Л. Е. Кругликова,
кандидат филологических наук

Выражение *белая ворона* употребляется для обозначения человека, резко выделяющегося чем-либо среди окружающих его людей, не похожего на них.

Обычно это выражение рассматривают как крылатое, восходящее к стихам древнеримского сатирика Ювенала, которое затем получило распространение во многих европейских языках. Попробуем привести доводы в пользу другой точки зрения.

В 7-й сатире Ювенала читаем: «Рок дает царство рабам, доставляет пленным триумфы./ Впрочем, счастливцев такой реже белой вороны бывает». В этой сатире мы имеем дело со сравнением *реже белой вороны*, а не с фразеологизмом *белая ворона*. Обычно сравнения являются переходным этапом от свободного словосочетания к фразеологизму. Ср.: *как вольная птица* → *вольная птица*, *как глухая тетеря* → *глухая тетеря* и т. д. В «Словаре иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина, В. В. Шендеева (Л., 1981) находим один пример употребления данного сравнения, причем оно используется по отношению к книге, а не к человеку: «*Albo corvo garior*, лат. Реже, чем белый ворон. Об исключительно редком в коллекциях книг, марок и т. п. *Книга эта, изданная в 1804 г.*, — очень большая библиографическая редкость. *Чуть ли она в свое время не была сожжена*, и у антиквариев считается *albo corvo garior*. А. Измайлов, Хиромантик». В данном случае действительно можно говорить о заимствовании соответствующего латинского выражения из сатиры Ювенала.

В Латинско-русском словаре отсутствует не только данное сравнение, но и фразеологизм с компонентом *ворона*. В то же время в нем мы находим оборот *alba avis* (дословно «белая птица») со значением «дикий, редкий», который, по данным этого словаря, зафиксирован в произведениях Цицерона, жившего в отличие от Ювенала (ок. 60 — ок. 127 н. э.) еще до н. э. (106—43).

Альбиносами, как отмечает В. Песков в заметке «Альбиносы» (Комсомольская правда, 1985, 21 дек.), могут быть не только вороны, но и сороки, воробьи, орлы, мыши, кролики, хорьки,

выдры, соболи, волки, лисицы, олени, гориллы, жирафы, ежи, киты, сомы и любые другие представители животного мира. В древности им приписывались магические свойства. Так, китайцы и египтяне считали белых мышей посланцами счастья, белый слон и белый тигр в Индии были священными, встреча с белым оленем вызывала у европейцев благоговейный ужас.

Исходя из сказанного, можно предположить, что переосмыслению могут подвергаться словосочетания и с наименованиями других животных. Действительно, лишь в части языков мы найдем обороты с тем же лексическим составом, что и выражение *белая ворона*: белорусск. *белая варона*, чешск. *bílá vrána*; польск. *biały kruk*; рум. *sioara alba*.

Во многих языках это выражение используется наряду с другими фразеологизмами, имеющими сходную образную основу, но иной состав компонентов. Ср.: укр. *біла ворона* и *білий грак* (дословно «белый грач»), болг. *бела врана* и *бяла сврака* (дословно «белая сорока»), *бел бивол* (дословно «белый буйвол»), нем. *ein weißer Rabe* (дословно «белый ворон») и *ein weißer Sperling* (дословно «белый воробей»), итал. *corvo bianco* (дословно «белая ворона») и *mosca bianca* (дословно «белая муха»). Кроме того, в итальянском языке находим устойчивые сравнения *rajo come un corvo bianco* (дословно «редкий, как белый ворон») и *rajo come una mosca bianca* (дословно «редкий, как белая муха»). И наконец, есть языки, в которых вместо указанного оборота используются сходные с точки зрения заложенного в них образа выражения: франц. *merle blanc* (дословно «белый дрозд»), исп. *mirlo blanco* (дословно «белый дрозд»), латышск.

baltais zvirbulis (дословно «белый воробей»). Обороты данного типа находим не только в индоевропейских языках, но также в финноугорских (финск. valkoinen varis — дословно «белая ворона», венг. (ritka mint) a fehér holló — дословно «редкий, как белый ворон», тюркских (туркм. *ак дуге* — дословно «белый верблюд»), монгольских языках (монг. *цагаан хэрээ* — дословно «белый ворон»).

Необходимо отметить некоторое расхождение в семантике оборота. В латинском, итальянском, французском, английском, польском языках, по свидетельству словарей соответствующих языков, анализируемые выражения обозначают не только человека, резко выделяющегося чем-либо среди окружающих, но и вообще какое-либо редкое явление, причем польский фразеологизм *biały krak* «дикушина, редкость» обычно употребляется по отношению к редким книгам. Тенденция к подобному расширению наблюдается сейчас и в русском языке, на что указывает В. М. Мокненко в своей статье «Старая карга и белая ворона» (Русская речь, 1980, № 2).

Итак, можно говорить об активной структурно-семантической модели «белый + *x*», где *x* замещается различными словами, называющими представителей животного мира: *птица, ворона, ворон, грач, сойка, воробей, дрозд, муха, буйвол, верблюд*.

Появление в том или ином языке выражения с наименованием определенной птицы или животного может быть обусловлено вкусами, привычками. Так, например, во французском языке мы встречаем выражение со словом *merle* «дрозд» (Не случайно новелла французского писателя А. де Мюссе, повествующая о незаурядном, неординарном человеке, называется «История белого дрозда»). Во Франции дрозды распространены очень широко, и это не могло не сказаться на появлении выражения *белый дрозд*. Кроме того, как отмечается во французском словаре «Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle» (Paris, 1866–1876), долгое время мясо дрозда считалось очень изысканным блюдом по причине его нежности и приятного запаха. Из этого же источника мы узнаем, что с незапамятных времен и до относительно недавнего времени, начала XIX века, считалось, что мясо этой птицы обладает в какой-то степени магическими свойствами: предостерегает различные заблуждения. Этими причинами можно объяснить, почему во французском фразеологизме употребляется слово *дрозд*.

Фразеологизм *белая ворона*, используемый в русском языке, впервые зафиксирован в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (т. 1, 1935): «Белая ворона — о ком-н,

необычном, редком, из ряда вон выходящем». И, вероятно, это не случайно, так как его мы не нашли не только в более ранних толковых словарях, но и в «Материалах для фразеологического словаря XVIII века» М. Ф. Палевской (Кишинев, 1980), в «Словаре языка Пушкина», картотеке языка произведений Н. А. Некрасова, имеющейся в Ярославском пединституте, и других источниках.оборот французского языка *merle blanc* впервые зафиксирован в ранее указанном словаре французского языка XIX века. Время появления оборотов данного типа в других языках нам пока установить не удалось, но можно предположить, что и там они появлялись не ранее XIX века. Вероятно, именно в это время, ознаменовавшееся многими научными открытиями, получило объяснение явление альбинизма, отсутствия у организма нормальной для данного вида пигментации.

Кроме того, необходимо заметить, что такого рода выражения в диалектах нам найти не удалось. Чем объяснить этот факт? Люди долгое время не могли дать научную интерпретацию явлению альбинизма, что и приводило к восприятию данного явления как чего-то невероятного, магического. Распространение научных сведений об альбинизме привело к тому, что источником этого оборота явилась не народная речь, а речь образованных людей.

Исходя из сказанного, можно предположить, что выражения, подобные рассматриваемому, появились в разных языках (по крайней мере, в большинстве их) независимо друг от друга, то есть не путем калькирования. Сочетания прилагательных, обозначающих белый цвет, и наименований представителей животного мира в различных языках служат для называния действительно редко встречающихся в природе явлений. Так, М. Булатов, отмечая в книге «Крылатые слова» (М., 1958), что белые вороны крайне редко встречаются в действительности, приводит следующий эпизод, описанный в газетах и журналах XVIII века: «Одну белую ворону поймали в 1719 году. Об этом донесли Петру I. Петр, старательно собиравший всякие редкости, издал специальный указ, в котором предписывал привезти ворону в Москву. За белой вороной в Рязань был послан солдат. В указе, который вез посланец, требовалось, чтобы у вороны было довольно корма и чтобы ей „в дороге какой гибели не учинилось“».

Таким образом, сходство или тождество данного оборота в разных языках предопределяется прежде всего стабильностью реалий и их свойств, общим опытом разных народов.

Ярославль

Рисунок В. Леонова

За знакомой строкой «Мимо острова Буяна...»

М. В. Горбаневский,
кандидат филологических наук

Влияние художественной литературы на развитие, на обогащение лексического состава русского языка неоспоримо. Совершенно особое место в этом объективном процессе занимает творчество Александра Сергеевича Пушкина. Оно стало основой создания общенационального, всем доступного и понятного русского литературного языка.

Восприняв мощную стихию русского устного народного творчества, живой речи, Пушкин и сам неоднократно писал о влиянии, которое на него оказал океан народной словесности. Уже стали классическими строки из его письма к брату Л. С. Пушкину из Михайловского в Петербург в первой половине ноября 1824 года: «Знаешь мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!»

Пушкинские произведения изменили судьбу многих русских слов. Чудодейственное перо поэта можно сравнить со сказочной волшебной палочкой, прикосновение которой заставляло камень превращаться в алмаз или помогало проснуться, ожить усыпленному чарами герою.

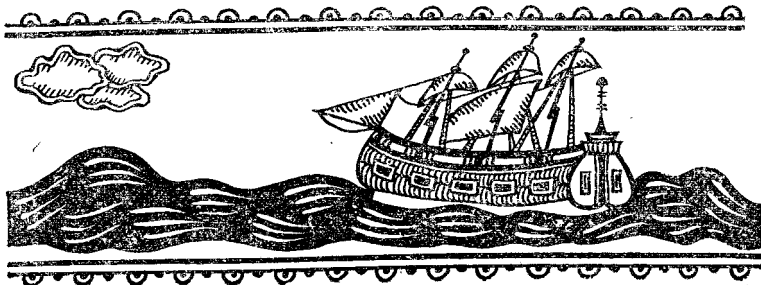
Хрестоматийный пример — слово *лукоморье*. Благодаря сказочному зачину к поэме «Руслан и Людмила» оно получило в русской речи вторую жизнь, засияло новыми красками. А ведь

узнал его поэт, по-видимому, в Михайловском, где им сделаны краткие записи сюжетов нескольких сказок: «Что за чудо,— говорит мачеха,— вот что чудо: у моря лукомория (разрядка наша.— М. Г.) стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки рассказывает, вниз идет — песни поет».

Пушкинское перо могло менять судьбы и тех слов нашей речи, которые относятся к миру имен и названий,— существительных собственных. В. А. Никонов, известный своими работами в области топонимики и антропонимики, одним из первых подчеркнул, что выбор Пушкиным имени Татьяна для героини романа «Евгений Онегин» повлиял и на дальнейшую употребительность этого имени в жизни: поначалу оно жило преимущественно в дворянской среде, но уже к концу XVIII — началу XIX века стало широко употребительно в крестьянских и купеческих семьях; пушкинская чета Лариных, придерживавшаяся старых традиций («Они хранили в жизни мирной Привычки милой старинны...»), могла даже в начале XIX века дать своей дочери имя Татьяна, которое действительно в окружавшей Пушкина жизни встречалось уже все реже и реже. Как известно, роман «Евгений Онегин» и его герои пользовались у современных поэту читателей огромной популярностью. Имя Татьяна снова стало весьма частым, но, не будь «Евгения Онегина» и Татьяны Лариной, оно вполне могло бы, по замечанию В. А. Никонова (см.: Никонов В. А. Имя и общество), разделить судьбу имен Фекла и Агафья.

Поэтический дар Пушкина окропил живой водой и старинное, древнее название *Буян*. Возможно, этому речевому памятнику языческой славянской старины, как и многим ему подобным, была уготована судьба стать со временем объектом внимания лишь узкого круга ученых-специалистов. Так произошло, к примеру, с названиями и именами *Алатырь-камень*, *Див*, *Велес* и

другими. Но благодаря пушкинской «Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» остров Буян не только не ушел из нашей речи, нашего художественного, поэтического восприятия окружающего мира, но и приобрел новые устойчивые ассоциации, вплоть до ассоциаций зрительных. И это понятно, ибо строки

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана...

входят в нашу душу еще с детства.

Итак, остановимся подробнее на истории названия *остров Буян* и его метаморфозах.

С точки зрения теории ономастики, это наименование относится к разряду мифологических имен, *мифонимов*. Мифоним, по определению «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, есть имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе — мифологический антропоним (царь Берендей, Илья Муромец, Прометей), мифологический топоним (остров Буян, река Лета) и другие (птица Сирин, Пегас, Цербер, дуб Прокурон, Денница). История многих мифонимов исчисляется не веками, а тысячелетиями.

Некоторые исследователи, как, например, историк В. Б. Вилинбахов, пытались сопоставить легендарный Буян с вполне конкретным островом Рюген в Балтийском море, известным также под славянским именем Руян: он был местом, где находился основной культовый центр балтийских славян Аркона (Вилинбахов В. Б. Топонимика и некоторые вопросы истории Древней Руси. — В кн.: Всесоюзная конференция по топонимике. Л., 1965).

Других исследователей интересовали те корни названия *Буян*, которые восходят к истокам мифологии древних славян. Здесь прежде всего нужно, разумеется, вспомнить о трудах русского историка, литературоведа и фольклориста XIX века Александра Николаевича Афанасьева, известного широкому кругу читателей как издателя «Народных русских сказок». Этот выдающийся ученый был автором большого трехтомного исследования «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов»; труд этот по праву считается одним из классических не только русской мифологи-

ческой школы XIX века, по и мировой науки о фольклоре вообще.

А. Н. Афанасьев считал, что *остров Буян* был первоначально не именем собственным, а поэтическим пазванием весеннего неба. «Светло-голубое, блестящее небо лежит за облаками, или за дождевым морем; чтобы достигнуть в царство солнца, луны и звезд, надо было переплывать воздушные воды. Таким образом, это небесное царство представлялось воображению окруженным со всех сторон водами, т. е. островом (разрядка наша. — М. Г.). С особенною наглядностью метафора эта выступает в русских заговорах — там, где говорится о чудном острове Буяне. Название „буян“ (от слова *буй*), принятое позднее за собственное имя, первоначально было не более как характеристический эпитет баснословного острова...» (Афанасьев А. Н. *Древо жизни*).

Буян — действительно почти неперемненное звено заговоров, этих дошедших до наших времен осколков языческой старины. Чаще всего он упоминается в начале, а также в концовке заговора:

«На море — на Окиане, на острове — на Буяне живут три брата, три Ветра — один северный, другой восточный, третий западный. Навейте, нанесите вы, Ветры, печаль-сухоту рабе Божней (имя — рек), чтобы она без меня дня не дневала, часа не часовала»;

«На море па Океане, на острове на Буяне лежит бел горяч камень Алатырь, на том камне, Алатыре, сидит красная девица, швея мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, руду желтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я раба (такого-то) от порезу. Булат прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань».

Как считал А. Н. Афанасьев, на острове Буяне, по мнению древнего славянина, были сосредоточены все могучие силы весенних гроз, все мифические олицетворения громов, ветров и бури. Даже красная девица, зашивающая раны кровавые, из второго приведенного нами примера — это дева Заря (и весеннее солнце, и богиня-громовница). Поэтизируя образ острова Буяна, А. Н. Афанасьев писал, что именно сюда «обращался древний славянин со своими мольбами, упрасывая богов, победителей Зимы и создателей летнего плодородия, исцелить его от ран и болезней, даровать ему воинскую доблесть, послать счастье в любви, на охоте и в домашнем быту...»

Работы А. Н. Афанасьева не утратили своего значения и поныне. Однако ряд его наблюдений и выводов подвергаются современными учеными критическому осмыслению. Относится это

и к образу легендарного острова. Советский топонимист Р. А. Агеева в исследовании «Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале)», являющемся частью коллективной монографии «Аспекты общей и частной лингвистической теории текста» (М., 1982), считает концепцию А. Н. Афанасьева о Буяне как стране, где обитает светлая божественная сила, стране вечного лета, неубедительной. Ошибочным считает она и мнение о том, что «ни один заговор не действителен без закрепления его знаменательными именами Буяна и алатыря»: в качестве аргумента она приводит тот факт, что в украинских заговорах этих имен почти нет, а в русских и белорусских они также необязательны.

По оценке Р. А. Агеевой, имя *Буян* было приурочено к мифическому острову сравнительно поздно, о чем свидетельствует и его удивительно одинаковая форма во всех текстах. Между прочим, Р. А. Агеевой установлен интересный ряд других названий этого острова: *Святой Буй* (Архангельская губ.), *Божий остров* (Южная Сибирь), *остров Курган* (Пензенская губ.), *белой остров*, *свят остров*, *златый остров* (Костромская губ.), *быстрый буян* (Белоруссия), и даже *быстрая Бояна*, которое может осмысливаться как относящееся к реке (Курская губ.).

Разумеется, практически каждый исследователь не мог не обратить внимания и на рифмованность слова *Буян* с *Океан*. Возможно, именно звуковой облик, ритмика названия *остров Буян* привлекли особое внимание А. С. Пушкина при работе над сказкой.

Третий путь, по которому идут ученые, объясняя наименование мифического острова, — путь разысканий в области возможной внутренней формы мифотопонима, его этимологических, смысловых связей и ассоциаций, в том числе и с использованием диалектологических материалов, а также культурно-исторических, этнографических, фольклорных.

Уже А. Н. Афанасьев пробовал выстроить целую цепочку слов с основой *буй* и даже соотнести их с основой *яр*, замечая, что *буй* может выступать как синоним *яр* (имея в виду, в частности, текст «Слова о полку Игореве»), и выделяя в них возможное значение «весеннее плодородие». А. Н. Афанасьев напоминал о глаголе *буать* — «вырастать, пежиться», о прилагательном *буйный* (*буявый*) в применении к нивам, лугам, лесам, травам, о прилагательном *буйный* с другой степеню первичной метафоризации — *буйные* ветры, *буйная* зима, *буйная* головушка (где *буйный* — «дерзкий, яростный, неистовый, паглый»), о существительном *буесть* — «удаль, отвага» и др. Коротко подобные со-

поставления делают современные ученые, в частности, Р. А. Агеева, напоминающая о словах *буй*, *буй-гур*, *буйный*, *буйнить*, о большой словарной статье *Буйный* в Словаре В. И. Даля (исследователь обращает особое внимание на то, что Даль приводит псковский и севернорусский народный географический термин *буй* со значением «возвышенное, открытое кругом место»).

Т. Н. Кондратьева в книге «Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря», говоря о синонимичности слов *буй* и *яр* — «весенний, горячий, пылкий, плодородный, урожайный», упоминает и о том, что в русских народных говорах *буяном* называли и урожайное поле, от *буйнеть*, *буять* — «расти, подрастать, богатеть»: «Картохи стали буйнеть».

Особое место в этимологическом направлении поиска занимают две работы Б. А. Ларина — крупного советского специалиста по славянской диалектологии, русской исторической лексикологии и лексикографии; они отличаются комплексностью анализа, глубиной проникновения в этимологию слова *буй*, обширностью привлеченного материала и творческим осмыслением опыта других ученых и исследователей. Б. А. Лариным были опубликованы две интереснейшие статьи: «Из истории слов. *Буй — погост*» и «Об архаике в семантической структуре слова (*яр — юр — буй*)» (см.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977). Б. А. Ларин, вслед за А. А. Потебней, делает вывод о том, что древнейшее значение слова *буй* — «гора, холм», «высокое открытое место»; слово *буян* означало — «высокое место».

Но вернемся к пушкинскому острову Буяну.

Вряд ли возможно определить те конкретные мотивы, которые побудили поэта назвать легендарный остров в «Сказке о царе Салтане...» именно этим именем.

И все же очевидна связь этого образа с русским устным народным поэтическим творчеством. Любопытно, что в той записи сказки, которую Пушкин сделал, видимо, со слов няни Арины Родионовны и на основе которой написал «Сказку о царе Салтане...», остров этот собственным именем не только не обладает, но и фактически не фигурирует (Записи сказок). Но перевернем страницу тома собрания сочинений поэта, где опубликованы записи сказок, и обратимся к четвертому тексту. Здесь мы читаем, что Кашей рассказывает своей дочери о месте, где находится его смерть: «...смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сундуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо».

Очевидно, при работе над «Сказкой о царе Салтане...» А. С. Пушкина не могла не привлечь уже заданная рифмован-

пость старинной формулы *на море, на океане, на острове, на Буяне*, ее ритмика, столь привлекательная хотя бы для частичного использования в таком жанре, как поэтическая сказка.

Быть может, поэту доводилось слышать и диалектные слова с корнем *буй*. В. И. Даль приводит в своем Словаре слова *буево*, *буйвище* в значении «возвышенное, открытое кругом место» с пометами *псковское и северное*.

Не следует исключать возможность поэтических ассоциаций острова Буяна с бурным, буйным нравом море-океана. Вспомним хотя бы обращение Гвидона к морской волне в той же сказке:

Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Тонишь берег ты земли,
Подымаешь корабли...

Или припомним рассказ ткачихи царю Салтану, где первый раз в сказке речь идет о морских богатырях и дядьке Черно-море:

В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря...

В «Сказке о царе Салтане...» остров Буян упоминается семь раз. Но сколько есть примеров использования поэтом и в поэтических, и в прозаических произведениях слов *буян*, *буянить*, *буянство*, *буйный*, *буйно*, *буйность*! Это нам наглядно показывают материалы «Словаря языка Пушкина».

Весь комплекс названных факторов (но, думается, все же в первую очередь — влияние устного народного творчества) мог быть связан с теми мотивами, которые и вызвали появление на страницах пушкинской «Сказки о царе Салтане...» столь известного ныне имени собственного — *остров Буян*.

Рисунок В. Леонова

На вопросы читателей в этом номере журнала отвечали: сотрудники Института русского языка АН СССР кандидат филологических наук Л. Н. Кузнецова, научный сотрудник Т. В. Горячева; сотрудница Института русского языка им. А. С. Пушкина Н. И. Аминова; сотрудница редакции Л. А. Макарова.

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «РУССКАЯ РЕЧЬ» в 1987 году

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Артемьева М. А. Об одной черте стиля В. И. Ленина (Речевые средства интенсивности)	6
Лилеева Е. Л. Редкие слова в ленинских трудах	2
Матвеев Б. И. В. И. Ленин о Герцене	2
Мурьянов М. Ф. «Сим победиши»	2
Наумов К. В., Силина В. И. Речевые средства юмора в публицистике В. И. Ленина	2

К 75-ЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Кохтев Н. Н. Всенародная летопись революционной борьбы и творческого созидания	3
--	---

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ!

Иванов В. В. Русский язык и наука о нем — важнейшая часть духовной культуры народа	1
Костомаров В. Г. Перестройка и русский язык	6

ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ» — 70 ЛЕТ

Целищева Н. И. В каждом слове — времени печать	2
--	---

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Бакеркина В. В. Авторские пояснения в ленинских текстах	4
Глинкина Л. А. Из эпистолярного наследия революционеров-большевиков	4
Житенева Л. И. Пролетарские поэты в «Правде» 1917 года	3
Иванова Т. Ф. «Шаг вперед всего человечества...»	5
Ковачич Е. Л. Фразеологизмы в трудах В. И. Ленина	4
Протченко И. Ф., Орешкина М. В. Русский язык в жизни советского общества	4
Скворцов Л. И. О языке первых лет Октября	5

К 175-ЛЕТИЮ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

Крайванова И. Я. «Кутузовская изба»	4
Мурьянов М. Ф. На Бородинском поле	4
Смолицкая Г. П. Поклонная гора	4
Цоффка В. В. Улица Барклай-де-Толли!	4

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Кохтев Н. Н. Г. М. Кржижановский — автор плана ГОЭЛРО и «Варшавяки»	1
---	---

Кохтев Н. Н. Публицистическое мастерство Ф. Э. Дзержинского	5
Святослав Рерих — читателям «Русской речи»	5
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Архангельский А. Н. «Вот счастье! вот права...»	1
Бабаев Э. Г. А. И. Герцен и «метафизический язык»	2
Борисов В. М. «Язык должен образоваться употреблением...» (О филологических наблюдениях П. А. Вяземского)	4
Быстров В. Н. Документ и правда вымысла (Из художественного опыта А. Н. Толстого)	3
Вацуро В. Э. Из записок филолога	3, 6
Виноградова Е. М. О речевой структуре романа А. Фадеева «Разгром»	4
Веробьева В. В. Неистовая раскаленность слова (Воспоминания о Константине Воробьеве)	6
Ганулич А. К. О гужах, вожжах и редактировании А. С. Пушкина	3
Зорин А. Л. Прочная слава поэта	3
Красикова Е. В. Во имя возрождения (О символах в повести В. Распутина «Пожар»)	4
Кузьмина Н. А. «Как мимолетное виденье...» (О пушкинском эпиграфе и вариациях Арсения Тарковского)	3
Львова С. И. Своеобразие повтора в поэзии М. Цветаевой	4
Макаров А. А. Движение писательской мысли (О работе М. Горького над повестью «Мать»)	3
Мурьянов М. Ф. По обе стороны Черной речки	1
Николаева В. П. «Будущее не придет само...»	5
Николина Н. А. Сказка о детстве (Поэтика повести М. М. Пришвина «Курмушка»)	2
Пауткин А. И. Стилистика рассказа Ю. Тынянова «Дорохов»	4
Порудоминский В. И. Даль и Пушкин	5, 6
Порудоминский В. И. Лев Толстой и Владимир Даль	2
Соболев А. И. «Песня в подземелии...» (Поэтический строй лирики К. К. Случевского)	5
Старков А. Н. «Язык — стихия писателя»	1
Фомичев С. А. «Затемнена некоторыми облаками...» (Из наблюдений над языком пушкинской прозы)	1
Фонштейн В. М. «Вы думаете, павшие молчат?» (Выразительные средства в поэме Е. Исаева «Суд памяти»)	5
<i>Из наблюдений текстолога</i>	
Бабаев Э. Г. Три курсива в «Апне Карениной»	5
<i>К уроку литературы</i>	
Кичикова Б. А. «Хрипун, удушенный, фэгот...»	6
Петрова Н. К. «Удивительно плавлен и ровен...» (О языке романа И. А. Гончарова «Обломов»)	3
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА	
К. Воробьев. «...И всему роду твоему» (Отрывок)	6
ПИСАТЕЛЬ И СЛОВО	
Иванчикова Е. А. «Тетрадка каторжная» Ф. М. Достоевского	6

Михайлов О. Н. Л. М. Леонов о языке	3
Томашевский Ю. В. «Я взял подряд на этот заказ...» (М. М. Зощенко о литературе и ее языке)	5
РУССКИЙ ЯЗЫК И НТР	
Граудина Л. К. Путь термина в литературный язык	5
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
Горелов И. Н. Фразы, фразы...	2
Из Нормативно-стилистического словаря русского языка	2—4
Кондрашов Н. А., Умненкова Н. С. Ресурсы разговорной речи	1
Миллер Е. Н. Выразительные возможности антонимов	1
Мнськевич Г. И. Истоки науки о культуре русской речи («Теория краспоречия» А. И. Галича)	3
Сергеев В. Н. Словари советской эпохи	5, 6
Солоник Н. В. «Крокодил» смеется	4
ОРФОГРАФИЯ	
Калакуцкая Л. П. Дон-Жуан или Дон Жуан...?	3
К УРОКУ РУССКОГО ЯЗЫКА	
Воротников Ю. Л. Страшно ли « <i>Страшно красиво</i> »?	3
Гонгелева Н. В. О слове <i>вообще</i> в нашей речи	5
ОТВЕЧАЕТ СЛУЖБА ЯЗЫКА	
Лазуткина Е. М. Специализация	4
Мнськевич Г. И. Мораторий	2
Чельцова Л. К. В отсутствие — в отсутствии	2
СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	3, 4
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Корнилов В. А. Поредель	1
Орлова Н. И. Бронзоветь	1
ЯЗЫК ПРЕССЫ	
Качаева Л. А. «Зеленому лекарству — зеленую улицу» . . .	1
Костюков В. М. Гибридные слова — средство комического	6
БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
Лыков А. Г. Обратное словообразование	2
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ	
Богатова Г. А. Первый доктор славянской филологии [И. И. Срезневский]	3
Воронов Ю. С., Черепанов М. В. Алексей Федорович Ефремов (1887—1966)	2
Добродомов И. Г. Н. И. Греч — грамматист	6
Иванникова Е. А. Анастасия Петровна Евгеньева (1899— 1985)	1
Касаткина Р. Ф. С. С. Высотский — фонетист и диалектолог (1907—1986)	5
Леднева И. Л. «Один стоит целой академией» (К 200-летию со дня рождения Г. П. Павского)	4
Мещерский Н. А. Продолжатели дела отца [О. И. и В. И. Срезневские]	3
Наперный З. С. Г. О. Випокур — ученый и человек	6

Пржевальская М. В. А. Л. Дювернуа — лексикограф и педагог	4
Смоляникова Л. Н. Алексей Иванович Соболевский (1857—1929)	1
Сумкина А. И., Тарабасова Н. И. Сергей Иванович Котков (1906—1986)	2

СРЕДИ КНИГ

Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер	1
Брагина А. А. Синонимы в литературном языке	1
Былинин В. К., Грихин А. В. Сатира XI—XVII веков	4
Вартанян Э. А. История с географией, или Жизнь и приключения географических названий	4
Избранные труды И. И. Срезневского	3
К выпуску Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.	5
Культура речи на сцене и на экране	5
Мокиенко В. М. Образы русской речи	5
Путь к русскому слову	3

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

Борох Л. И. От <i>лилейного</i> цветка к <i>лилейному</i> челу	2
Вихрян О. Е. Художественное слово И. А. Бунина	4
Зусва Т. А. «Не покладая рук...» (Тема труда в образных выражениях)	4
Иссерс О. С. Где поставить ударение?	1
Картавенко В. С. Смоленские отказные книги XVII века	4
Майоров А. П. <i>Заговор, взятка, умысел</i> — «положительные» слова в историческом прошлом	6
Майоров А. П. Являть, явка, заявление	3
Мезинова Г. Н. Народные слова в «Кратких рассказах» И. А. Бунина	3
Петроченко В. И. Царь-рыба	6
Печенина Ю. А. Природа глазами рассказчика	5
Радутная О. А. Обратно...	2
Фролова Л. Ф. «Великий возрастом»	5
Хайитов Б. Т. Фразеологизмы в словаре	1
Чехомова О. Ю. Мастер изобразительных находок	1
Юношева В. К. Тощая свеча, шар, место...	3

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Михайлов А. К. Мой русский язык	5
«Мы сильны одной могучей речью» (Беседа с академиком А. Т. Кайдаровым)	2

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Асанова П. В. Русский язык в Индии	3
Карташова Л. А., Макаренко В. А. Русский язык в Демократической Республике Мадагаскар	2
Маслова Н. М. «Русские пятницы» Карин Давидссон	6
Музруков Н. Б. На VI Конгрессе МАПРЯЛ	1
Целищева Н. И. Аудитория — планета	1

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Баскевич И. З. Кто они — курские «кьметы»?	4
Верещагин Е. М. К счастью, явился Пушкин	5

Волкова Н. А. Где люди живут, такое «имя» и носят . . .	6
Дегтярев В. И. Человек — люди . . .	4
Динерштейн Е. А. «Ступени жизни» Ивана Дмитриевича Сытина . . .	5
Качалкин А. Н. Сокровищница древних актов . . .	6
Козлов В. П. Трагедия на Разгуляе . . .	5
Котельников В. К. «Князю Игорю не быть!» . . .	4
Левандовская Л. Л. У истоков стиховедческой терминологии . . .	1
Новикова Н. В. Поэтика и риторика в Киево-Могилянской академии . . .	6
Пауткин А. А. «Рекоша новгородци» (О стиле новгородских летописей) . . .	3
Рыбаков Б. А. «Боричев увоз» в «Слове о полку Игореве» . . .	2
Саблина Н. П. «Салернский кодекс здоровья» на Руси . . .	1
Солодкин Я. Г. «Временник» Ивана Тимофеева . . .	4
Хромов О. Р. «Звездоточное небесное движение, двенадцать месяцев и беги небесные» . . .	4
Чернецов А. В. Стефан Пермский — просветитель народа коми . . .	1

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Гольдин В. Е. Из рассказов диалектолога . . .	2
Закревская В. А. <i>Хаживал, еаживал, видывал...</i> . . .	5

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Добродомов И. Г. Ворскла . . .	2
Отин Е. С. Тор и Краматорск . . .	5
Пауфиллов А. К. Вязьма . . .	4
Прехорова В. А. Почему город <i>Ядрии</i> . . .	2

ОНОМАСТИКА

Никонов В. А. Как Вас зовут? . . .	2
Никонов В. А. Ответы на письма читателей . . .	4

ПОЭТ И ФОЛЬКЛОР

Иезекей Н. И. Поэтическая мифология Сергея Клычкова . . .	1
---	---

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Азбелев С. Н. Бородино в народной поэзии . . .	4
Вакуров В. Н. «Где горшок с кашей...» . . .	5
Вакуров В. Н. «Зимних друг ночей» . . .	2
Дмитриева Т. Г. Генералы-сереброеды и Наполеон с выжигой . . .	4
Дмитриева Т. Г. Словесный костюм сказки «Царевна-лягушка» . . .	6
Лебедев П. Ф. Пословица вовек не сломится . . .	1
Роголова Р. С. Камаринская . . .	3

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Варбот Ж. Ж. Кавычки . . .	5
Галахов В. К. «Балалайка — егоза, рассказы про чудеса...» . . .	2
Гришин А. В. Почему «Тайны Мадридского двора»? . . .	1
Добродомов И. Г. Потасовка . . .	1
Ивченко А. А. Вилами по воде писано . . .	3

Козырев Л. П. Разбить наголову	2
Кругликова Л. Е. Белая ворона	6
Миротворцев В. И. В ногах правды нет	6
Мокленко В. М. Варезки бывают разные	3
Польнская М. Н. Белка — вёкша — вёверица	1
Прискока О. В. Тереть или пилить?	5
Сергеева Т. В. К истории слова БАМ	3
Солоник Н. В. «Между нами чьи-то имена...»	5
Трубачев О. Н. Русь, Россия	3
Цоффка В. В. Чай	1
Чекалов К. А. Marionетка	2
<i>За знакомой строкой</i>	
Горбаневский М. В. «Мимо острова Буяна...»	6
Звигяцковский В. Я. «Киевский мещанин»	2
Князький И. О. «В сарачинской шапке белой...»	1
ХРОНИКА	
Большой Картотеке — 100 лет	2
Встреча с читателями	2
Далекие чтения в Ворошиловграде	3
Читательская конференция в Таллинском пединституте	5
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
В защиту комплекса	4
Всего одно слово	1
«Звездные войны»	3
«И, конечно же, улица Кузнецкий мост!»	5
Не обеднять душу слова	4
Нудить — принуждать	3
Нужны ли кавычки?	1
О произношении иноязычных слов	1
Почему ракета называется «крылатой»?	1
Слово, рожденное в Англии	2
Социальное пространство публицистики	4
Торжокский или торжковский?	1
Я бы сказал	3
КРОССВОРД	3—5

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ